

У Р А Л Ь С К И Й

№2 (560) • 2004

снегониум

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ЮНОСТЬ
ЦЕСАРЕВНЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ**

**ЗОЛОТЫЕ
САМОРОДКИ
НА ДНЕ ОЗЕРА**

**УРАЛЬСКИЕ
ДОЛЬМЕНИ:
ФАКТЫ И
ГИПОТЕЗЫ**

ВИКТОРИЯ

- это победа!

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 2 2004 (560)

РЕКА ВРЕМЕНИ

100 лет русско-японской войне

Н. ЧУЙКИН Казачий полк ушел непобежденным.....	2
Колонка редактора.....	4
Тропой поиска	
И. ПЛОТНИКОВ Под чужим именем.....	4
А. БОДРЫХ Дольмены на Камышенке.....	51
Полуночные этюды	
Ю. ГОРБУНОВ Юность императрицы.....	25
Человек и природа	
Э. РУМЯНЦЕВ Медвежий «подарок».....	33
Краеведческая копилка	
М. БЕССОНОВ Первая женская школа.....	34
Мир камня	
В. ВОРОНИН Пирит – огнеподобный.....	56
Далекое-близкое	
Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ Многоэтажная Кама.....	68

АЭЛИТА

Колонка редактора.....	8
Современная проза	
Е. ЛОБАНОВ Рация молчала.....	8
Н. ИШКОВА Прощай, Жангиз.....	41
Мастерская	
Н. ЯГОДИНЦЕВА Несколько алых лепестков.....	22
Современная поэзия	
О. МОШНИКОВ Стихи.....	31
Ю. СЕДОВ Стихи.....	54
Наш гость	
А. ЯКИМОВ Рассказы.....	35
Фантастика	
И. АНДРОЩУК Произнесенное вслух.....	38
Дебют в «Уральском следопыте»	
В. СТРОЕВА Преглод для покупки.....	62
Поэзия Урала	
И. АНФЕРОВА Стихи.....	72

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Публицистика	
М. РАСКОЛЬНИКОВА Как незолго пока удалось нам прожить без войны.....	23
Колонка редактора.....	55
Проекты Уральского следопыта	
ВИКТОРИЯ – ЭТО ПОБЕДА!	55
Путешествия	
М. УСОЛЬЦЕВ К цели сквозь ветер и снег.....	58
Советы специалиста	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТУРИСТСКОЙ ГРУППЫ	60
Уральские тропы	
Д. ЕЛИН Практика в охотхозяйстве. (окончание).....	64
История уральского туризма	
Л. БУКРИН Новый год в лесной избе.....	74
Экспедиция	
В. ЮКЧУБАЕВ Ущелье «злых духов».....	75

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлига»
Петр Родимов
«Встречный ветер»
Редактор

Александр Челноков
зам. редактора
Маша Раскольников
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Дизайн обложки,
цветной вставки:

Андрей Бордаков
Корректор

Валентина Медведева
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» . Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(343) 257-36-62

Подписано к печати 15.02.2004 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ №

Отпечатано в типографии ГУП СО

«Сухоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

Николай ЧУЙКИН

Казачий полк ушел непобежденным

В центре села Травники стоит четырехугольная мраморная колонна, вершину которой венчает фигура Георгия Победеносца с копьем в руках, напоминающая казака, устремленного на врага. На одной из сторон вязью высечено: «Сия колонна построена в 1910 году в память павших чинов Травниковской станицы в войну с Японией в 1904-05 г. и в честь выхода станичников с 11 полком на театр военных действий».

В годы Гражданской войны конную фигуру снесли (теперь восстановили), были попытки полностью разобрать памятник, но не смогли, и он чудом уцелел, сохранив память о 184 участниках русско-японской, имена которых высечены на всех четырех сторонах колонны. Кто они, эти безвестные воины, и в чем выразалось их участие в войне? Для многих их имена и дела оставались неизвестными, ведь с тех пор прошло почти столетие. Эти вопросы волновали и меня.

После двух лет поисков, ожиданий и переписки удалось, наконец, из центральных архивов Москвы получить подробные документы о действиях 11 полка.

...Раскром же страницы журнала военных действий.

Не прошло и трех месяцев с начала войны, как в уральском поселке Сосновка, что в 12 верстах от Челябинска, начал формироваться 11 Оренбургский казачий полк. В него мобилизовались казаки пяти станиц: Челябинской, Миасской, Травниковской, Долгодеревенской, Еткульской. На мобилизацию отпусалось всего лишь семь дней. Казаки прибывали полностью экипированными: на своих конях при холодном оружии. В полку формировалось пять сотен и конно-саперная команда. Командиром полка был назначен Михаил Григорьевич Гурьев. Уроженец станицы Оренбургской, он окончил военную гимназию и Оренбургское юнкерское училище. Прошел службу в казачьих войсках от подхорунжего до полковника.

Перед отправкой командир полка провел смотр людей и лошадей, церковный парад и молебен по случаю войскового праздника и, как сказано в журнале, «тезоименитства Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны».

Еще пять дней полк занимался стрельбой и рубкой, после чего был отправлен в Челябинск, где был погружен в эшелоны и выехал на театр военных действий.

Полк двигался тремя эшелонами почти месяц, так как вокруг Байкала железной дороги еще не было, и пришлось делать три перехода на лошадях.

В Ляоляне, куда полк прибыл в конце мая, был получен приказ — следовать до ст. Ташчао, где командующий маньчжурской армией генерал Куропаткин осмотрел бивак 11 полка, нашел казаков «молодцами», а лошадей «в отличных теллах».

Первоначальный замысел состоял в том, чтобы Оренбургской казачьей дивизией, в состав которой входил 11 полк, усилить 1-й Сибирский корпус, посланный на выручку осажденному Порт-Артуру. Но в начале июня, под Вафангоу, корпус потерпел поражение, и казакам пришлось прикрывать отступление русских войск к Ляоляну.

По прибытии на место полк разделился на две части: четыре сотни присоединили к отряду генерала Мищенко, осуществлявшего войсковую разведку, остальных — в состав 4-го Сибирского корпуса генерала Зарубаева.

Казачьи сотни использовались в войсковой разведке, потому что отступающая армия после Вафангоуского поражения путалась в горном лабиринте, теряла ориентировку, казаки обеспечивали организованный отход.

Большие силы были затрачены на удержание Уй-Далинского перевала, с потерей которого была бы пленена вся отступающая армия. Казачьи разъезды порою сутками находились под открытым небом. В седле станичники мужественно переносили дневную нестерпимую жару, ночной холод, маньчжурские ливни, обеспечивали посты летучей почтой.

Несмотря на военные действия, казаки строго соблюдали ритуалы воинской чести.

Так, первого погибшего за свою родину казака, Андрея Чильшева, похоронили с отданием последних почестей и полковой музыкой.

После небольшого отдыха одна из сотен полка была направлена в отряд полковника Ромашова, но вскоре была возвращена в полк, так как формировался крупный отряд совместно с другими подразделениями для глубокой разведки. Генерал Куропаткин боялся обхода флангов со стороны японцев при отступлении. Такого обхода не было обнаружено. Тогда командир разведки приказал пропустить пе-

хоту, артиллерию, а самим следовать в хвосте колонны, прикрывая и подбирая отстающих.

Так позиции у Горячих Ключей (недалеко от Лаоляна) были обстреляны японцами. Наступило недолгое затишье. 5 августа 1904 года для полка был знаменательным днем: командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин наградил офицеров и нижних чинов орденами Св. Георгия за боевые действия против японцев.

Скоро начались ожесточенные бои. Прикрывая отход, казаки рассыпались лавой позади пехоты, выдержав сильный шрапнельный обстрел, на высоте у дер. Шахэ прошли по труднопроходимой дороге, когда лошади увязали по самое брюхо в болоте, и достигли деревни Сандепу (северо-восточнее Лаоляна). Но деревня оказалась занятой японцами. Завязалась ожесточенная перестрелка. Японцы подпустили казаков на близкое расстояние и открыли убийственный огонь. Тогда в ход была пущена артиллерия, японцы в панике бросились назад.

В бою было ранено три человека. Казаки выдержали еще один бой, когда они навалились на японцев, а их было около 300 человек пехоты и полускадрон кавалерии. Под напором казаков японцы отступили.

Ожесточенные бои возникли из-за деревни Тадусампу. Несколько раз она переходила из рук в руки. После упорного сопротивления японцы (а это был авангард 4-й японской армии) отступили.

28 сентября 1904 года казачья дивизия перешла в решительное наступление. Впереди шел 11 полк уральских казаков во главе с командиром полка Гурьевым. Заняв несколько деревень, уральцы вынуждены были перейти к позиционному стоянию, так как закончилось сражение всей русской армии на р. Шахэ, и войска переходили к обороне, позиционному стоянию, что было новым явлением в военном искусстве. Когда полк стоял в обороне, казаки часто ходили в разведку. Проходя лавой между двумя деревнями, попали под сильный огонь. В этой перестрелке был смертельно ранен хорунжий Кирьяков. Казак Павел Кузьмин под сильным огнем увез его на своей лошади и доставил на перевязочный пункт, где офицер скончался. Это был первый и единственный офицер полка, погибший в Маньчжурии. Его фамилия на памятнике высечена первой.

1905 год ознаменовался крупным поражением русских войск – сдачей Порт-Артура. Командант крепости Стессель вопреки решению совета обороны крепости и наличия боеспособного гарнизона (15 тысяч), предложил сдать крепость.

Это давало возможность японцам перебросить освободившиеся войска на мугденское направление. Чтобы опередить японцев, использовать превосходство в силах, русское командование в январе предприняло наступление силами 2-й армии в районе Сандепу.

Сражение быстро закончилось неудачей русских войск. Японцы повели яростное наступление с целью обойти фланги русских войск в районе Мугдена. По приказу Куропаткина, чтобы избежать обхода, казачьи сотни сопровождали штаб 2-й армии в направлении Томино, что в 120 км северо-восточнее Мугдена. Битва закончилась поражением русских войск. Сотни, приданные штабу, с промежуточными остановками двигались на север.

Но это было не просто отступление. Это бесконечные стычки с японцами, маневры, сторожевое охранение, организация засад. Находясь в сторожевом охранении, в стычке с японцами, 7 апреля 1905, года погиб казак Андрей Юровский – житель с. Травники.

Последний для Оренбургского казачьего полка бой был у деревни Тундягоу. Это произошло 1 августа 1905 года. 5-ая сотня травниковцев шла в бой под командой подьесаула Бородина. К ноябрю казачьи сотни отошли на зимние квартиры в деревне Хо-Шагуди, где 10 ноября командующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии Н.П. Линевич произвел смотр полка.

13 февраля 1906 года Оренбургский казачий полк под командованием полковника Гурьева отбыл в Россию.

Всего за японскую кампанию уральцы потеряли одного офицера, 12 казаков, 68 человек было ранено.

Командир полка полковник М.Г. Гурьев за японскую кампанию был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны II и III степени. В дальнейшем командовал полком. В годы Первой мировой войны сформировал 35 пешую Пензенскую дружину и за особые труды награжден орденом Св. Владимира III степени.

Архивные материалы тех лет хранят память о подвигах наших земляков-уральцев. Скупые строки наградных листов рисуют картину подлинного героизма и служебного рвения перед Отечеством. Вот некоторые из них.

Важнейшие Иван Севостьянов, Иван Воронцов, мл. урядник Прокопий Кашников 11 июля, будучи в разведке, обнаружили движение японской пехоты. Под огнем сумели донести сведения о враге и задержать его движение меткими выстрелами.

Казак Александр Первых, 15 августа 1904 года, будучи в цепи, прикрывающей своим огнем отступление пехоты от д. Нахэ, тяжело раненый в живот, после перевязки не пошел в лазарет, а остался в строю до конца, подавая пример мужества и храбрости.

Казак Андрей Майков, во время боя у д. Сандепу 13 января 1905 года, вызвался охотником на разведку японских сил. Проскакав сквозь линии неприятельских передовых частей и обнаружив отходную японскую колонну, под сильным огнем неприятеля возвратился, несмотря на то, что под ним была убита лошадь, быстро доставил сведения.

Ст. урядник Григорий Пашнин, казак Егор Шумов в составе развезда из шести человек 23 февраля 1905 года наткнулись на японскую разведку из 12 человек. Не растерявшись, казаки бросились на врага и взяли в плен японца с ценными сведениями. Все эти казаки и нижние чины награждены знаками отличия ордена Св. Георгия III и IV степени.

Может возникнуть вопрос: как могло случиться, что при проигранной кампании каждый второй казак вернулся домой с Георгиевским крестом?

Казачество – наиболее организованная часть русской армии. Помимо введения дисциплины, казаки отличались высоким боевым духом и верноподданническими настроениями.

Нельзя умалять действительных заслуг казаков. На заре XX века, когда еще не было авиации, механизированных войск, они выполняли разведывательные функции, участвовали в прорывах. Если бы не усилия казачьих войск, потери русской армии были бы еще более ощутимыми.

В открытом бою с нашими казаками японцы не выдерживали и бежали. Подвигу и мастерству уральских казаков и посвящен обелиск в с. Травники.

Продолжая славные традиции русской казачьей конницы, сорок лет спустя, в августе 1945 года, по тем же местам Маньчжурии с победой прошли конники Исса Плиева, добивая Квантунскую армию Японии.

КОЛОДКА
РЕДАКТОРА

УРАЛЬСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Нынешний февраль отмечен большой исторической датой - 180-летием со дня рождения Наркиза Константиновича Чупина (1824-1882). Выходец из семьи чиновника Уральского горного правления, он окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Деятельность его на Урале была столь разносторонней и глубокой, что его по праву называли уральским энциклопедистом. И действительно, в каждой области своих обширных интересов оставил он заметный и оригинальный след. Как краевед и географ, Наркиз Константинович более 20 лет отдал главному своему труду - составлению «Географического и статистического словаря Пермской губернии» (к сожалению, не завершенного), аналогов коему тогда в России не было. Немало скрупулезных трудов посвятил он Екатеринбург, который был его родиной, а также В.Н. Татищеву, истории многих уральских заводов, эпизодам Пугачевского бунта...

Наркиз Константинович был активным членом Уральского общества любителей естествознания, печатался в «Записках УОЛЕ», выступал с докладами, рецензировал и редактировал статьи, консультировал программы Общества. После смерти Чупина его имущество и минералогическая коллекция были проданы с торгов, а богатейшее собрание книг и рукописей ученого вошло в состав библиотеки УОЛЕ.

В память о замечательном историке-земляке областная библиотека им. В.Г. Белинского ныне провела уже вторые краеведческие Чупинские чтения.

Наиболее полная историко-биографическая книга о Чупине принадлежит перу екатеринбургского краеведа и библиографа С.З. Гомельской. Несколько ее статей о Чупине в свое время печатал и «Уральский следопыт». Переиздание трудов самого Н.К. Чупина было бы хорошим подарком краеведам.

Юний Горбунов.

Иван ПЛОТНИКОВ

Под чужим именем

(П.П. Бажов в годы Гражданской войны)

Страховой агент Бахеев

Сподвижники П.П. Бажова в Бергуле, Биазе и других селах и деревнях усиленно готовились к восстанию. И здесь, и в других местах Урмана организовывались акции саботажа правительственных мер по предотвращению самовольных вырубок лесов, введению штрафов на порубщиков и т.д. эти меры и послужили толчком к восстанию, уже пылавшему в других местах.

В волостное село Биазу 3 июля прибыла вооруженная группа милиции во главе с Панько, стали производить обыски, конфискации оружия, пороха, свинца, военного обмундирования. Она предприняла попытку ареста зачинщиков кровавых эксцессов. Выяснив место нахождения скрывавшейся группы И.С. Чубыкина, туда, к охотничьей заимке, была направлена конная группа. Но братья Чубыкины оказались начеку. Иван Чубыкин из засады встретил милиционеров огнем, троих застрелил, остальные ретировались. Слух об этом инциденте быстро разнесся, и не без помощи членов подполья и его связных к Чубыкину стали стекаться скрывавшаяся от властей, мобилизации молодежь, затем и многие другие.

Департамент милиции сообщал управляющему Томской губернии: «Красные собираются в лесах (непроходимых), скупают винтовки и патроны, вербуют добровольцев среди крестьян, которые помогают Ивану Чубыкину, чем можно. Новобранцы, живущие вверх по р. Таре, пошли к Чубыкину, а не к воинскому начальнику. Чубыкин их обучает открыто военному строю... Агитация идет открыто, так как милиция... страшно напугана...»

Представители местных повстанческих отрядов 11 июля в селе Шипицыно собрались на совещание. В итоге создали единый штаб во главе с командующим И.С. Чубыкиным. Чуть позднее в соединении Чубыкина влился отряд А.П. Мацука, действовавший в составе примерно 30 человек еще с февраля. Мацук вошел в состав штаба Чубыкина. В него вошел и другой лидер местных повстанцев – П.П. Бажов-Кирибаев, тайно поддерживавший отряд Мацука, а затем и вступивший в него. Теперь, с июля, они – в составе партизанского соединения.

В это время против повстанцев власти направляют уже и подразделения регулярной армии, в частности, казачий отряд в 125 человек в Кыштовку, который был разбит. Повстанцы выходили на подступы к городам, к железнодорожной линии, совершали на ней диверсии, выводили из строя оборудование, пуская под откос воинские составы.

К середине июля 1919 года восстание охватило 56 волостей Тарско-

(Продолжение. Начало в № 1, 2004).

го, Тытарского и Каинского уездов. За оружие взялись до 10 тыс. человек. В этом мощном движении и растворялась, и вычленялась, но не затерялась фигура бергульца Кирибаева, как одного из руководителей движения, скажем – второго ряда. Личная роль Бажова скудна, но все же просматривающаяся в источниках, выражалась главным образом в действиях, свойственных ему, как бывшему комиссару Красной армии – пропаганде и агитации, но и участии в организации боевых сил. Он участвовал и непосредственно в боях с оружием в руках, в частности, в сражении у Межовки, в захвате парохода с командой солдат на Туре и т.д.

Против многотысячных отрядов партизан Урмана в города Каинск, Тытарск и Тару власти стали стягивать крупные военные силы прежде всего для их обороны, защиты железной дороги, коммуникаций, а с наращиванием их – для действий по подавлению разросшегося Урманского мятежа. В Каинске лишь польских легионеров насчитывалось более 1000. На местах создавались добровольческие отряды из крестьян, интеллигенции – активных противников большевизма, в литературе десятилетиями именовавшихся «кулацкими». В них вступали отнюдь не одни зажиточные крестьяне. На сей раз, уже в процессе внутрикрестьянской вооруженной борьбы с применением крупных подразделений регулярных войск, партизаны-чубыкинцы и другие стали терпеть поражения. В середине августа остатки соединения Чубыкина в несколько сот человек скрылись в лесах к северо-востоку от Кыштовки. В дальнейшем, осенью, при приближении наступавшей Красной армии, они вновь двинулись в села, пополнялись за счет добровольцев и действовали до ее прихода. Но П.П. Бажова с ними уже не было.

В Бергуле, Биазинской и других волостях проводились карательные акции, аресты участников восстания. В случае возвращения в Бергуль и даже в какое-то другое село района он был бы арестован, мог погибнуть. Бажов в июне добрался до Барабинска, связался с железнодорожниками-подпольщиками. Барабинцы дали Бажову явку в Томск и Змеиногорск.

Естественно, надлежало изменить фамилию. На сей раз он воспользовался сохранившимся подлинным документом. Как и его родители, сысертские родственники, он еще носил фамилию не «Бажова», а «Бажева» (написание через «е», причем, через «ь»). Фамилию «Бажъв» легко, путем тщательной подчистки переделали в «Бахеев», оставив, как и у «Кирибаева», собственные имя и отчество «Павел Петрович».

Так появился Бахеев. В те дни ему был сфабрикован и документ на имя «страхового агента». В конспиративных целях он был выполнен на бланке страхового агентства Вятского губернского земства, т.е. еще от дооктябрьской поры с местонахождением бывшего учреждения в отдаленном от Сибири и Прииртышья районе – Вятке, которую в первой половине 1919 года белым так и не удалось взять.

Судя по хронологическим записям В.А. Бажовой, Павел Петрович выехал в Томск. Но в Томске случайно встретился с камышловцами. Пришлось срочно скрыться и оттуда. Уехал в

Генерал А. Н. Пенел'ев

Генерал А. И. Дутов

Змеиногорск, тогда еще селение (город лишь с 1952 года), прежде – крупнейший центр района серебродобычи.

Бажов до августа проживал и участвовал в нелегальной работе в Змеиногорске и уезде, где нарастало, как и во всей Алтайской губернии, партизанское движение. Удобно было разъезжать по селам и местам действий партизан с удостоверением страхового агента 3-го Змеиногорского участка. Затем по поручению подпольной организации, что скорей всего, Павел Петрович из Змеиногорска переезжает в пригород Усть-Каменогорска. Должность свою, легальную, – «страховой агент», он сохраняет. Большая часть Змеиногорского уезда входила в Казахстан, его Восточно-Казахстанскую область. Это важно отметить, чтоб подчеркнуть, что Бажов официально оставался сотрудником (страховым агентом) страховой конторы того же уезда. Очевидно, поэтому и поселился он не в городе, а в поселке того же Змеиногорского уезда.

В Усть-Каменогорске, с его десятью-двенадцатью тысячами населения, на протяжении многих месяцев существовала и велась подпольная работа. Организация состояла отчасти из коммунистов, но в основном – из сочувствующих им. Условия для подпольной работы были там особо трудными и опасными, ибо в городе, уезде, регионе вообще многочисленным был слой казачества, зажиточного населения. К прибытию Бажова в городе обстановка для подпольщиков оказалась особо сложной из-за того, что в ночь с 29 на 30 июня произошло восстание в местной тюрьме, подавленное властью с жестокостью, с последовавшими арестами в городе.

Поселился Павел Петрович в Верхней пристани. По некоторым данным, в начале у В.К. Шарабарина, а затем – в доме вдовы М. А. Рябовой, члены семьи, родственники которой участвовали в революционной борьбе, частью погибли. Рябова сочувствовала коммунистам, сама была связана с подпольем. Близкие составили характеристику его тогдашней внешности:

*Е. М. Мамонтов.
Командир
партизанской армии*

он по-прежнему был без бороды, ходил в толстовке, картузе с лакированным козырьком, в темных очках. Так тогда выглядели многие.

Вскоре Павел Петрович смог установить связь с женой. Она, еще не оправившись от простуды, выехала к нему, также конспирируясь. «Уехала я из Камышлова тайно – иначе задержали бы колчаковцы (это могло быть не позднее конца июля, когда белые покинули этот город. – И.П.), много пришлось перенести за дальнюю дорогу в колчаковском окружении. Одним из лучших моментов в нашей жизни была встреча после долгой и страшной разлуки».

Здесь он по-прежнему страхового агента, перед каковым открывались широкие возможности для поездок по уезду, вплоть до отдаленных мест: мало ли где и кто решил что-то застраховать!

П.П. Бажов связался с городской подпольной организацией. Теперь уже преимущественно с ней, а не с барнаульским и змеиногорским подпольем он будет связан в своей деятельности. Осветить ее крайне трудно. Во-первых, она была нелегальной, а во-вторых, он сам и его сподвижники не рассказали о ней в публикациях или рукописных воспоминаниях. Хорошо известно лишь, что он – Бахеев – играл большую роль и в городском подполье, и особенно – в змеиногорском, Усть-Каменогорском уездах и за их пределами – в консолидации сил сельского подполья, налаживании связей между организациями и группами и развертывании партизанского движения.

Составленная П.П. Бажовым в бытность в Сибири, Казахстане (Прииртышье) для последующей обработки и публикаций «Хроника» содержит 41 пункт. Последние из них: 30-41 – относятся к его пребыванию и деятельности в Алтайской губернии и Семипалатинской области. И только 6 из них (30-35) – к подпольному периоду деятельности, остальные (36-41) – уже ко времени советскому, легальному. Приведу их текст: «30. В Барнауле. На постоялом. «Спекулянтский подвиг» и хозяйственная самостоятельность. Перемена работы. Страховая агента. Томский исправник. 31. На новые места. Семипалатинск. Пожар на пароходе. Казачий героизм. Кооператор Красиков. Бухтарминцы. Ночь в «Красном Яру». Усть-Каменогорск. 32. На границе областей. Белогвардейские зверства. Бергалы и Караджал. Казачьи обходы. Приезд семьи. Опять у своих. Иртыш. 33. Перед началом. «Служебные поездки». У кержаков. В Риддере. На Бухтарме. Слухи о Рубцовке. Молчанко застрелился. Разведка на Шемонаиху. Следователь по особо важным делам. Знамя креста и месяца. Жданов и Попов. «Иисусовы полки». Эвакуация Змеиногорска. 34. Беженцы с Урала. В мошне. Киргизы-извозчики. В Китай и Монголию. Газетные известия. Среди пристанского населения. Перемены казачества. В судском фраке и меховых штанах. Киргизское радио. Свалка в сте-

пи. 35. Народная власть. Вести о Козыре. Демократические разговоры. Городской голова Сидоров. Перемена казачества. Приказ Козыря. Тюрьма. Первое заседание. Лукашев и усть-каменогорские консультанты гг. Егоров, Бурлаков и Колов».

Как видим, в «Хронике» прослеживается география передвижений Павла Петровича, значительных событий той поры в регионе, носящих явный отпечаток Гражданской войны, некоторые моменты личной жизни, встречи с отдельными лицами, населением, в том числе казаками, «киргизами», казаками (вероятно, и «киргизы» в массе были казаками, которых тогда и еще позднее именовали тоже «киргизами»), и образованная в 1920 году республика именовалась «киргизской» же). Собственно подпольная деятельность в «Хронике» не раскрывается.

Томская, Барнаульская, Семипалатинская подпольные организации, с которыми летом и осенью 1919 года пришлось иметь дело П.П. Бажову, являлись крупнейшими в своих регионах и, несмотря на массовые аресты в их составе весной, продолжали действовать и укрепляться, особенно две первые. Томским городским и губернским подпольем руководил комитет во главе с бывшим председателем Сибирского подпольного обкома К.М. Молотовым и В.С. Митряевым. В Барнаульской организации, занимавшей руководящее направление в Алтайской губернии и влиявшей на деятельность семипалатинской области, председателем подпольного комитета РКП(б) был А.А. Малиновский. Видную роль в организации играла З.А. Алексеева, пока в конце августа не была арестована.

В «Хронике», как мы видели, Бажов фиксирует факт своего пребывания в Семипалатинске. Надо полагать, что это было сделано не просто в связи с посещением этого города. При перемещении из Змеиногорска к Усть-Каменогорску он мог иметь явки и к какому-либо подпольщику-функционеру, либо звену подполья в этом областном городе. И связь с устькаменогорскими подпольщиками, скорее всего, он мог получить там же (не исключено – и в Змеиногорске). Ослабленное после арестов, в связи с восстанием в тюрьме, подполье все же сохранилось. Выясняется, что к осени его возглавил Домбровский. В дальнейшем деятельность стал направлять Н.Г. Калашников. Бажов вошел с ними в связь. Он познакомился и сблизился с Н.И. Тимофеевым, деятельность которого по характеру была сходной – разъезды по селам, помощь местным подпольщикам, организация партизанского движения.

На протяжении нескольких месяцев П.П. Бажов осуществлял под предлогом «служебных» (слово взято по-особому смыслу в кавычки самим писателем) поездки на лошадях, парходами, делал пешие походы в леса, на места явок и повстанческих действий в отдаленных селах, деревнях, переселенческих поселениях, казачьих станицах. Места преимущественно в долинах рек Убы, Ульбы, Бухтармы.

В августе 1919 года контрразведкой было установлено, что в крупном селе Лаптевый Лог и ряде ближайших вел работу коммунист М.Н. Соломоденко. Он стал одним из руководителей начавшегося там вскоре восстания, партизанских действий крестьян. Из источников выясняется, что одним из сподвижников Соломоденко, направлявших его действия от подпольного центра, был именно Бахеев-Бажов. И район Лаптева Лога был лишь одним в сфере внимания, нелегальной работы Бажова.

Важным объектом его деятельности было другое крупное село – Шемонаиха Змеиногорского уезда, где до его приезда

произошло восстание крестьян, в итоге подавленное. И вот в первых числах октября 1919 года в районе этого села вновь разгорается крупнейший очаг сопротивления власти белых. Толчком к нему и организации больших повстанческих отрядов послужило нелегальное совещание представителей подполья и партизан на заимке Барсучья Сопка у братьев Я. и Е. Макаровых, в котором, как видно из целого ряда источников, участвовал Бахеев-Бажов. В «Хронике» он и записал: «Разведка на Шемонаиху». Он выступал, агитировал, давал советы организационного плана. Было решение организовать Березовский отряд партизан для открытых выступлений против власти. Командиром отряда был избран Карташов. Уже на третий день этот отряд развернул боевые действия, начав их с наступления на Золотуху. Часть находившегося в ней правительственного отряда бежала, остальные сдались в партизанский плен. 2 сентября отряд численностью в 120 бойцов вступил в Шемонаиху. На другой день в селе был избран Реввоенсовет. Под его руководством производится мобилизация молодежи округа, и в короткий срок численность партизан выросла до 1000 человек.

«Хроника» содержит указания на поездки «в Риддер», «на Бухтарму». Это та же «разведка» – поездки в ряд районов, что были восточнее Шемонаихи, уже в Усть-Каменогорском уезде, встречи с местными подпольщиками, развертывание партизанского движения. Там, преимущественно в современном Курчумском районе Казахстана, в предгорьях Курчумской гряды, уже действовал отряд «Летучих горных орлов Алтая», насчитывавший несколько сот, сравнительно неплохо вооруженных партизан. Этот отряд поддерживал связь и, по возможности, координировал действия с еще более крупным кавалерийским отрядом «Горных орлов Тарбагатай».

В беседе с известным критиком Л.И. Скорино П.П. Бажов, делая литературными замыслами, сказал: «Или вот еще: горцы Кавказа в чеканных поясах, папахах, кинжалах и прочее. А деревня Орловка выше Кавказских гор, жители в зипунах, овчинах, кашемировых кистях: партизанский отряд. И называются эти бабы и мужики «Полк горных орлов». Пиши, не отрывая пера».

Авторы, затрагивающие этот вопрос, подразумевают обычно под этим полком – отряд «Летучих горных орлов» в Курчумском районе. На деле Бажов имел в виду более крупный и отдаленный партизанский отряд, а именно, «Полк горных орлов Тарбагатай». Орловка, – один из пунктов его формирования, находится действительно в высочайшем горном Тяньшанском районе, юго-западнее Алма-Аты, западнее озера Иссык-Куль, в современной Киргизии, восточнее Бишкека. Бажов или лично посетил то село, или был хорошо осведомлен о нем, несомненно, был связан и с этими партизанами.

Имел П.П. Бажов прямое отношение к возникновению и боевым действиям и других партизанских отрядов. Он наблюдал изменчивость настроения крестьянского населения, проявлявшегося и на партизанской массе, трагические события тех дней гражданской войны, видел страшную картину эвакуации, точнее – бегства массы городского и сельского населения с севера и северо-запада, в том числе, с Урала, преимущественно Южного, семей отступающих казаков-оренбуржцев. В «Хронике» это также лаконично зафиксировано словами: «Беженцы с Урала. В мошне. Киргизы-извозчики. В Кигай и Монголию».

А.А. Малиновский.
Председатель Барнаульского
подпольного комитета
РКП(б)

В его корпус вошли как раз преимущественно отряды Прииртышья – районов Семипалатинска и Змеиногорска, затем и Усть-Каменогорска. Частями корпуса Козыря был занят Семипалатинск, а затем, как было сказано, и Усть-Каменогорск.

Вот Козырь-то, как и некоторые другие партизанские командиры на Алтае, в связи с процессом восстановления в Западной Сибири советской власти, возобновления большевистского террора, куда более кровавого, нежели белогвардейский, стал выступать с их осуждением, в защиту крестьянства. И почти сразу же эти партизанские командиры, многие рядовые партизаны из крестьян, в массе своей более состоятельные, нежели в центральных районах страны, особенно из казаков, включились в борьбу за недопущение большевистского произвола, а затем начали восстанавливать Усть-Каменогорск на длительное время становившаяся местом нахождения штаба корпуса Козыря. Вскоре он вступил в открытую борьбу во главе части партизан с большевизмом.

П.П. Бажов, продолжавший пользоваться нелегальным именем Бахеева, стал одним из руководителей и возрождавшейся Советской власти, и партийной организации коммунистов в Усть-Каменогорском уезде. Он был председателем и уездного и городского комитетов РКП(б), в котором председательствовал Н.Г. Калашников, в разное время – членом Ревкома и в составе руководства карательных формирований – ЧОН (части особого назначения и Чека). Одновременно он ведал вопросами народного образования, в том числе среди казахского населения, которое было в большом преобладании, и редактирует газеты «Известия Усть-Каменогорского уездного ревкома» и «За советскую власть». В 1920 году Бажов избирается в состав Семипалатинского губернского комитета РКП(б) и осенью с семьей переезжает в Семипалатинск.

Но все это уже новая страница в его жизни и деятельности.

(Окончание следует.)

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

24 января 2004 года в Екатеринбурге в Камерном театре Объединённого музея писателей Урала состоялась церемония вручения литературной премии имени Павла Петровича Бажова. Премия была учреждена в 1999 году к 120-летию со дня рождения нашего замечательного уральского писателя, а в этом году подводились итоги уже пятого (юбилейного) конкурса.

Лауреатами стали шесть произведений.

В номинации поэзия премии удостоена книга челябинского поэта Юрия Седова «На окраине века».

В номинации проза лауреатами названы екатеринбургцы: Владимир Блинов за сборник повестей и рассказов «Монастырская роща», Герман Дробиз за повесть «Мальчи», Анатолий Новиков за сборник рассказов «Буколики».

В номинации литературная критика лауреатом стал Валентин Лукьянин за цикл литературно-критических работ.

В номинации этнография премии удостоен четырёхтомник «Месяцеслов» – энциклопедический народный календарь Виктора Канарейкина и Анатолия Матвиенко.

Как отметили организаторы: «Все работы отличают приверженность уральской тематике, высокие художественные достоинства, истинно бажовская тщательность отделки произведений». Иллюстрацией может служить изящное четверостишие Юрия Седова «Октябрь»:

Ночи скорбный обряд -
Души неба стенают.
Это листья шумят,
Свой конец отпевают.

Нежно-грустный аромат ностальгии пропитывает повесть Германа Дробиза, в которой прорываются накопленные за долгую жизнь ощущения наблюдательного и тонкого мыслителя.

Рассказы Анатолия Новикова афористичны и близки к евангельским притчам, а Владимир Блинов заслужил широкую популярность своими зарисовками быта и истории уральцев. Критик и публицист Валентин Лукьянин обладает обострённым чувством времени и красоты, он умеет не только верно понимать и проследить логику литературного процесса, но и точно определять находки и парадоксы в исследуемых им произведениях.

Виктор Канарейкин и Анатолий Матвиенко представили на конкурс поистине уникальную работу. Их календарь вобрал в себя массу фактов и преданий. Здесь и описание примет погоды, и словарь русских имён, и календари, причём не только русские, но и китайские, японские, и свойства камней, растений, и сведения из гороскопов – и так о каждом дне года.

Пётр Родимов,
редактор «Аэлиты»

Евгений ЛОБАНОВ

РАЦИЯ МОЛЧАЛА

Рация молчала. Она не подавала признаков жизни уже двадцать четыре дня. Это случилось спустя две недели после того, как ее, Татьяну Волошину – палеонтолога с трехлетним стажем, и Алексея Тюкина (попросту – Лешку) – техника-геолога с семилетним, – забросили на Среднюю Лагортю. Их забросили на этот чертов перевал с западного на восточный склон, чтобы... Впрочем, здесь лучше процитировать Валентина Васильевича Зюзева – начальника поисковой партии, которой на этот полевой сезон была «придана» Татьяна:

– Волошина! Тюкин! В щепки мне разбейтесь, а козявок из этих немых толщ выковыряйте! Он проговорил эту фразу твердо, жестко, но потом, спустя десяток секунд, неожиданно пожаловался:

– Черт ногу сломит, ей-богу! Свердловчане божатся: «Ордовик!», москвичи мамой клянутся: «Карбон!», а мне что на карте рисовать прикажете? Опять нерасчлененку?

– Сде-елам, Валенты-ын Васи-илич! Най-дэ-ом! – намеренно растягивая и коверкая слова, выдал техник.

– Уж ты найдё-ошь! – недовольно передразнил его Зюзев. – На нее... – он кивнул на Волошину, – как-то больше надежды. Хотя...

Валентин Васильевич глянул на низкое серое небо, с которого вот уже несколько дней, точно из мелкоячеистого дуршлага, сыпалась морось; махнул рукой и отчалил на вездеходе.

На прибрежной террасе, с одной стороны которой возвышался перевал, а с другой перебирала гальки ледяная горная река, остались лежать два рюкзака, дрова, доски для нар, пять палаток («женская», «мужская», кухонная, складская и, конечно, банная). В поле (Татьяна, при всем своем невеликом полевом опыте, знала об этом не понаслышке) можно обойтись без кухонной палатки, можно даже, хоть и со скрипом, согласиться на житье в общей палатке, но без банной!.. Баня – это жизнь. Без преувеличения.

Чуть поодаль, ближе к реке, стояла газовая плита. Ее Зюзев оторвал от сердца – вместе с четырьмя газовыми баллонами. Красные, они смотрелись абсолютно дико на фоне серых гор и камней у их подножия, прозрачно-серой реки и зелено-серых кустиков карликовых березок и невысоких ив.

Партия уезжала от перевала в долину, в лесотундру, где можно было завалить сухару, и ее хватило бы на несколько дней и на палаточные печки, и на «кухонный» костер. У перевала же, в тундре, дров не было. Никаких. Лишь выше по течению, где когда-то стоял бало, неизвестно с какого времени еще оставалась невысокая горка черного каменного угля.

Татьяна окинула взглядом сиротливо лежавшие вещи, казавшиеся неизмеримо маленькими на фоне беспредельной тундры; серого, похоже, с каждой минутой опускающегося все ниже, неба, и на правах «старшей по должности» угрюмо произнесла:

– Леша, давай за работу! Сейчас все пропитается сырьем, не дай бог, простынем...

– А мы баньку протопим и – веничком, веничком! – упорно отозвался Тюкин.

– Из карликовых березок? – хмыкнула Волошина.

– А чё? – удивился Лешка. – Тебе хватит. Ты вон какая волглая. Как вобла.

– Попрошу без комментариев, техник Тюкин! – нарочито официальным тоном отчеканила Татьяна. Она, конечно, девушка не крупная, но чтобы обзывать ее воблой!..

– Не тушуйся, выживем! – уверенно бросил Тюкин.

...Приземистая «агэшка» грохотала траками по камням. Зюев смотрел на проплывающую за небольшим окошком вездехода тундру и в голове начальника партии лениво бродила мысль, что, наверное, жестоко оставлять в тундре почти в одиночку молодую специалистку, еще по-настоящему не нюхавшую Севера. Но выхода не было. Полярное лето коротко – полтора месяца, а дальше начинается не разбери-поймешь что: не то поздняя осень, не то уже ранняя зима.

Впрочем, полярная «встряска» этой девчонке будет не во вред, – считал Зюев. Проживет сезон в тундре – совсем другими глазами начнет смотреть на мир. Север быстро ставит всё и всех на свои места.

Мысли Валентина Васильевича перескочили (а если точнее, плавно, как плыл унылый пейзаж за окном вездехода, перетекли) с Татьяны на ее напарника. Нельзя сказать, чтобы Леша Тюкин был усердным техником-геологом. В технаре он учился ни шатко ни валко, порфир от порфирита не отличал и до сих пор был уверен, что в сиенитах вполне можно обнаружить кварц. Зюев, прозакраменовав семь лет назад молодого специалиста Тюкина, сначала схватился за голову, потом – за листок бумаги, дабы отписать в геологоразведочный техникум, выпускником коего отрок Леша имел несчастье быть. Однако чуть позже, остыв, передумал писать гневное послание неизвестным ему доцентам и профессорам и попросту махнул на Тюкина рукой. Может, надеялся переучить; может, решил, что мужские руки в партии лишними не будут.

Через пару лет выяснилось: во всем, что касалось организации лагеря, на Тюкина можно было положиться. Правда, иногда на Лешу нападали совершенно жуткая хандра, и он мог полдня, а то и целый день, абсолютно безучастно ко всему пролежать в палатке, заложив руки за голову и уперев взгляд серо-синих глаз в брезентовый потолок. В такие минуты с ним бесполезно было говорить, увещивать и приказывать: Леша попросту ничего не слышал. Первое время Зюев бесился, грозил «уволить к хантовой матери!» (в его устах это ругательство было самым страшным), но спустя два года отступил. Потому что, выйдя из хандры, Тюкин за полдня проворачивал работу, на которую иной мог затратить дня полтора. Должно быть, начальник партии Валентин Васильевич Зюев терпел техника-геолога Алексея Владимировича Тюкина именно за это.

Татьяна проводила взглядом переваливавшийся на камнях вездеход, потом обвела глазами неудобную местность, которая по крайней мере на две недели, а может и больше, должна стать их с Лешей «домом родным». На востоке текла Средняя Лагорта, на западе возвышался перевал, на севере и юге торчали безымянные высотки, а их лагерь должен располагаться

в этом кольце. Татьяна тряхнула темноволосяй головой, пытаясь отринуть уныние, и начала проектировать будущий лагерь. Русло реки глубокое; большого разлива, кажется, можно не ждать. Кухонную палатку, наверное, стоит поставить поближе к воде – чтобы не ходить далеко; а жилые и складскую – на всякий случай чуть подалее, посередине между рекой и перевалом.

Из раздумий Татьяну вывел начальнический голос Тюкина:

– В общем, так! Сегодня ставим кухонную и жилую палатку. Остальное – потом. Эти бы успеть...

– Сейчас всего-то два часа, – возразила Татьяна, взглянув на часики. – Неужели не управимся?

– Ага! – возмутился Лешка. – В семь стемнеет, а спать мы будем на камнях и есть из мисочки на коленках? Благодарю покорно! – Он раскланялся на четыре стороны. – Я радикулит наживать не намерен. Мне нужны нары и стол. И печка. А ты как хочешь.

– Мне тоже, – поспешила отозваться Татьяна.

– Ну и не возникай тогда, – миролюбивым голосом бросил Тюкин. – Тащи колья.

Волошина пока еще не сообразила, как себя вести с этим Лешей. По должности выше – она. Все-таки – инженер. А Леша – техник. Но он – мужик и, к тому же, старше ее на два года.

Ладно. Пока она присмотрится, а потом, если что... Волошина считала себя обаятельной девушкой. Но уже ко второму полевому сезону она поняла, что в геологии на одном обаянии далеко не уедешь. Здесь нужно впахивать. Не просто работать, а именно – впахивать. Иначе в твою сторону будут смотреть косо и уж, по крайней мере, считаться с тобой не будут. И Татьяна принялась расправлять жилую палатку. Сверху сыпалась морось. Все вокруг было сырым. Кажется, даже камни пропитались влагой до самой сердцевины.

Пока возились в палатках, проволгли почти насквозь. Татьяна не могла решить, что хуже – ливень или эта промозглая морось. Лешка вбил кувалдой боковые колья и для надежности привалил их крупными глыбами.

Потом подошла очередь кухонной палатки. Татьяна с Лешей затащили в нее вьючки с крупами и консервами, наполнили сгнивший мешок с дряблой проросшей картошкой – «единственным источником витаминов», как выразился Тюкин, и газовую плиту с баллонами. Леша подсоединил один из них к плите, проверил идет ли газ и ушел в жилую палатку – сколачивать нары, стол и ставить печку.

Татьяна спустилась к Лагорте. Промыла в обжигающей, почти осенней, воде рис, вернулась в кухонную палатку и поставила кастрюлю на газ. Она стояла возле плиты, протянув красные от холода руки к голубому огню и думала, что будет дальше, и вообще, что он за мужик – этот Леша Тюкин? Почему его, почти двадцативосьмилетнего, величают не по отчеству, а даже не полным именем, а просто, как пацана, Лешей? Татьяна знала: на Севере гнилые люди не задерживаются. Тюкин прожил здесь почти семь лет. Тогда откуда это «Леша»? Ответ мог быть один: Тюкин – «свой в доску». Другого ответа Волошина найти не смогла. Впрочем, ее гжуче интересовал еще один вопрос: что кроется за предложением делить одну на двоих палатку? Экономия угля, а, значит, тепла, как

говорил сам Леша, или еще что-то? Кроме их двоих, в тундре, кажется, нет никого, и, если Тюкин вдруг начнет приставать, хватит ли у нее сил дать ему отпор? Впрочем, думать об этом не хотелось.

Татьяна вышла из кухонной палатки, завернула в жилую, откуда слышалось то взвизгивание пилы, то стук молотка, отвернула полог. Лешка доделывал первый лежак. Рядом стояла уже собранная печка.

– Ну вот, сейчас еще тебе сооружу, и порядок! – весело отрапортовал Тюкин. – Длинные доски я под себя взял, а короткие, поскольку ты у нас мальчик с пальчик, оставил для тебя.

Волошина хмыкнула на «мальчика с пальчик», но ничего не сказала. Поправила на платке узел и вернулась в кухонную палатку. Рис пыхтел, но был еще полусырым. Волошина подошла к вьючнику, вытащила стограммовую банку говяжьей тушенки и, стоя на корточках, вскрыла ее перочинным ножом.

Темнело, но было непонятно, – то ли от надвигающегося вечера, то ли от стремящихся к перевалу туч. Татьяна еще раз попробовала рис. «Доспел», – удовлетворенно отметила она, ухнула в кастрюлю полбанки тушенки и, оставив «плов» допревать, пошла звать Лешку на ужин. Глянув на сосредоточенную спину возвывшегося с ее нарами Тюкина, несмело произнесла:

– Леша, пойдем есть...

– Иди, я позже, – не оборачиваясь, бросил он.

Волошина продолжала топтаться у входа. Тюкин снизошел, обернулся:

– Есть можно и в темноте – ложку мимо рта не пронесешь, а вот... И тут раздался гром. По брезентовой крыше застучали капли. Тюкин тут же выскочил из палатки, чуть не сбив Татьяну и крикнул на ходу:

– За мной! Тащи брезент!

Волошина недоуменно посмотрела ему вслед, метнулась в кухонную палатку, на сегодня заменявшую склад, и схватив в охапку валявшийся на полу брезент, устремилась туда, куда убежал Тюкин.

Лешка, вытащив откуда-то лопату, шуровал ею на возвышении – там, где раньше стоял балак. «Хочет перенести уголь, – сообразила Татьяна, – успеть до сильного дождя».

– Разворачивай, я грузить буду! – распорядился он.

Потом они вдвоем, уже под проливным дождем, спотыкаясь на камнях, тащили брезент с утлом к жилой палатке.

– Давай к печке! – распорядился Леша.

Теснясь в узкой, с двумя почти готовыми лежаками, палатке, они вывалили уголь у железной, покрытой ржавчиной, печурки.

– Успели! – выдохнул Тюкин. – Печь затопи.

У Волошиной начало сводить желудок, но она уже понимала, что приказывать Леше бесполезно. Однако попробовать стоит.

– Леша, пойдем ужинать...

Фраза получилась не приказной, а какой-то просительной. Тюкин с трех ударов загнал последний гвоздь в доску и бросил за спину:

– Ты можешь приказывать мне в маршруте. А здесь...

«Логично», – подумала Татьяна и, чиркнув спичкой, зажгла скомканную газету недельной давности, захваченную из поселка.

Уголь никак не хотел разгораться. По брезенту жилой палатки молотил дождь. В кухонной остывал рис. Еще немного, и он будет совсем несъедобным. «Поле» начиналось явно как-то не так.

– Иди поешь, – сжалился Тюкин. – Я сам все сделаю...

Волошина выплянула из палатки, зажмурилась и понеслась сквозь оглушительный ливень в кухонную палатку. Отдышалась, набухала полную чашку риса с тушенкой и, примостившись на вьючнике и поставив еду на колени, стала, давясь, глотать едва теплый рис. Минут через пять появился Леша.

– Ты меня кормить сегодня будешь? – поинтересовался он. В голосе Тюкина послышалась улыбка, но была ли она у него на губах, Волошина не видела; в палатке было уже темно.

Леша чиркнул спичкой, осветив сгорбленную фигурку Татьяны с полупустой чашкой на коленях.

– Где-то здесь была свечка... – задумчиво произнес он. Потом они сидели вдвоем на узком вьючнике. Стоящая напротив свечка освещала пухлые Лешкины губы, его чуть выдвинутую нижнюю челюсть, пережевывающую остывший рис.

– Чай... у нас... есть? – в перерывах между жевками спросил Тюкин.

– Сейчас! – Татьяна порывисто поднялась с вьючника, случайно двинув бедром Лешку. Подошла к плите и зажгла газ.

– Завтра... оборудуем... лагерь... – жуя, говорил Тюкин. – Маршруты... один день... подождут. Татьяна согласилась. Конечно, хотелось пораньше сбежать с этого промозглого, обветренного перевала, но лучше уехать на день позже и пожить в уюте, чем... Ну, в общем, ясно.

Волошина допила чай и вышла на улицу. Дождь закон-

чился, и даже не сыпалась эта противная морось. Из печной трубы выходил дым. Он не поднимался в небо, а стелился вдоль земли к перевалу, что предвещало по крайней мере, одну «мокрую» неделю. В воздухе пахло влагой. Татьяна – после пыльного Екатеринбургa – дышала полной грудью, и ей начинало казаться, что здесь, на Полярном, не так уж и уныло.

Под свои нары Леша засунул рацию. Зюев оставил ее на всякий пожарный случай – не дай бог что произойдет, ну и для того, чтобы перед окончанием работ Леша с Татьяной общили на базу, когда за ними высылают вездеход.

Туда же, под нары, Тюкин запнул рюкзак. Его примеру последовала Татьяна.

Назавтра Волошина, волнуясь, точно первокурсница перед сессией, сидела за кухонным столом перед картой («зеленой»). Завтра необходимо начать работу. Советоваться не с кем. Тюкин с самого начала дал понять, что в организацию работ влезать не намерен. Ну и ладно, хватит и того, что организует лагерный быт.

И вот она, вороша короткие темные волосы, подстриженные в поселке в последний момент перед самым выездом на перевал, сидела перед картой и кроила-вышивала стежки-дорожки будущих маршрутов. Нужно было вписать в две недели работ девяносто с хвостиком километров. Одну пунктирную линию Татьяна потянула вдоль Средней Лагорты: река могла обнажить коренные породы, и наверняка что-нибудь помягче, а не эти чертовые кремни, торчащие двумя скалами у самого лагеря. Там, у реки, могли быть (а вдруг и на самом деле?..) выходы известняков, ну, сланцев или, на самый крайний случай, известковистых песчаников – те отложения, из которых можно надеяться выцарапать хоть что-то похожее на фауну. На Среднюю Лагорту нужно положить дня три. К северо-западу, километрах в трех от перевала, на карте показана какая-то горушка. На нее, скажем, еще день. И вообще, в ту сторону еще два...

Татьяна ворошила короткие темные волосы (голова от того лучше соображать не хотела), потом в отчаянии швырнула на карту карандаш. Он воткнулся острием в безмянную вершину и сломался. Волошина подперла подбородок небольшими руками и уставилась в брезентовую стену напротив. Вход раскрылся и в палатку, согнувшись, залез Леша. Он посмотрел на пригорюнившуюся Татьяну и спросил участливо:

– Что, Данила-мастер, не выходит каменная чаша?..

Татьянина рука безотчетно зашарила по столу, выискивая что-нибудь помассивнее, – бросить в Лешу, но, не обнаружив ничего, Волошина произнесла только:

– Ну... ты!..

– Да брось ты все к черту, – снисходительно посоветовал Тюкин. – На месте определимся. Давай лучше пить чай.

– Поставь, – седила Волошина и снова уставилась в карту. Ничего себе – «на месте»! Просидят дня три на одном обнажении, а потом, как время начнет поджимать – галопом по европам? Нет уж, пусть лучше к вечеру будет болеть голова...

– Леша, собери на завтра еду, мешочки, ну и... всякое такое, – докончила она.

– Сделаем, – небрежно бросил Тюкин, поднялся и выключил газ под закипевшим чайником. Разлил по кружкам чай и мельком глянул на карту, по которой протянулись три неув-

ренные пунктирные линии: две – на северо-запад и одна – к югу.

– На юг-то можно было побольше маршрутов, – сказал он, шумно отхлебывая горячий чай.

– Почему? – спросила Татьяна, внимательно глянув сначала на Лешу, потом – на карту.

– Там теплее, – совершенно серьезно произнес он.

– Да ну тебя! – рассердилась Волошина и взялась за кружку.

Обожглась, почувствовала подступающие к уголкам глаз слезы и выскочила из палатки. Забежала за ближайшую скалу и под ее прикрытием побрела по камням, обходя карликовые – чуть выше ее узких лодыжек – березки, и временами утирая слезы костяшкой указательного пальца. Волошина не видела, как из кухонной палатки вслед за ней вышел Тюкин. Обшарил взглядом окрестности лагеря и, сплюнув, удалился в жилую палатку.

Проревевшись, Татьяна еще с полчаса побродила по тундре – абсолютно бесцельно, не обращая внимания на «геологический район», и уже по сумеркам вернулась в лагерь.

Тюкин ничего не понял. А, скорее, просто сделал вид, что не понял. Он стоял на корточках возле печки, загружая в нее уголь. Лешина спина была обычной, не напряженной, и Татьяна поняла, что он абсолютно не чувствует себя виноватым. Значит, в том, что Леша над ней посмеялся, виновата она сама?

Ну да, если уж даже маршруты нормально проложить не может... А «товарищ Тюкин», как называла его Татьяна в минуты раздражения, ведет себя не как техник-геолог, а как простой маршрутный рабочий! Мог бы и подсказать!.. И тут же сама усомнилась: мог бы? А если их в техникуме не учили организации работ? Кстати, вполне возможно.

Уголь хорошо держал жар, но растапливался плохо. Привычной, удобной в лиственных лесах растопки – бересты – не было. Ту, что захватили из поселка, спалили в первую же неделю. Леша поднялся, взял валявшийся под его ногами топор и начал отстругивать от обломков досок тонкие щепочки для растопки. Осторожно сложил их в печь.

– В щепки ему разбейтесь!.. – ворчал Тюкин, пытаясь разжечь уголь. – Похоже, так и придется. Растапливать-то нечем...

Леша приподнимался, хлопал себя по бедрам, чертыхался, но упорно не хотел последовать совету Волошиной. Минуты две назад она не выдержала:

– У нас еще столько дров, а ты с углем маешься... «Товарищ Тюкин» недовольно бросил за спину:

– Не лезь под руку! Этого «много» дня на три хватит, не больше. А случись что... Он замолчал. Кажется, занялось. От печки пошло едва заметное тепло. Предпринимать еще один обиженный демарш в тундру не имело смысла, и Татьяна сказала:

– Не поворачивайся! Я спать ложусь.

– Нужна ты мне! – хмыкнул Тюкин. – Зубы почистила?

Да что же это за день сегодня такой?! Танька стиснула зубы, разделась до белья. Положила под бок телогрейку, чтобы, если к утру похолодает, набросить сверху на спальник (так советовал Тюкин) и отвернулась к брезентовой стенке палатки, которую трепал ветер. В голове крутились мысли о завтрашнем маршруте. Волошина пыталась представить его воочию, старалась все предусмотреть, ничего не забыть... И вдруг

обмерла. В кухне, на столе, так и осталась карта-«зеленка»! Пропали она, Зюев с Татьяны семь шкур спустит!

Конечно, вероятности того, что она пропадет, совсем немного – здесь за месяц, как говорил Тюкин, можно не увидеть ни одного человека, но...

Она собралась с духом и почти жалобно проговорила:

– Леша-а! Я уже разделась, а на кухне – «зеленка». Принеси, а?..

– Порезалась, что ли, пока по тундре шарохлаешься? – хмуро спросил Тюкин. Татьяна секунд пять осмысливала сказанное, потом бросила возмущенно:

– Карта-«зеленка»!

– На кой она тебе сдалась сегодня? – пожав плечами, проговорил «товарищ Тюкин». – Завтра утром возьмешь.

– А пропадет?! – возмутилась Татьяна.

– Кому она, на фиг, нужна? Здесь оленей и тех километров на сорок вокруг нет.

– Техник Тюкин, я прошу вас принести из кухни карту! – Волошина попыталась произнести эти слова строго, но в голосе ее слышались едва скрываемые слезы.

– Пошел... – вздохнув, сказал «техник Тюкин» и скрылся в темноте.

Татьяна ворочалась всю ночь. Все не так. Все не складывалось. Почему? Наверное, рано ей было стремиться на Полярный! Силенок не хватает. Но дороги назад уже нет. Значит, придется терпеть.

Волошина уснула ближе к рассвету, уже твердо веря, что «козьявок» из немых толщ она выковыряет.

Когда Татьяна открыла глаза, Леша в палатке не было. Сверху на ее спальнике лежала телогрейка. Волошина могла поклясться, что ночью она телогрейкой не укрывалась – было жарко. Набросить ее мог только Леша. «А все-таки он ничего, – решила Татьяна. – Прорвемся». Она решительно отбросила телогрейку и выпростала из спальника ногу. Голые икры тут же покрылись гусиной кожей. Волошина пару секунд подумала, не одеться ли прямо в спальнике, но, решив, что это будет жутко неудобно; дрожа, полностью вылезла наружу и осторожно потрогала печку. Та была еле теплой.

В палатку зашел Тюкин. Татьяна хотела возмутиться: «Почему без стука?!», но Леша, не обращая на нее никакого внимания, вытащил из палаточного кармана мыльницу и бросил:

– Проснулась? Пошли есть, я разогрел.

– И что у нас на завтрак? – справившись с собой, поинтересовалась Волошина.

– Перловка с тушенкой, – отозвался Леша. «Руководящее» ископаемое – то, по которому совершенно однозначно определяется возраст отложений. «Ага, – подумала Татьяна. – Бухнул на сковородку пару банок, и всё. Не мудрствуя лукаво... «Хотя, кто говорил, что готовить должен он? А кто? Она? Нет, лучше уж все-таки по очереди.

Леша скрылся. Татьяна напялила телогрейку, достала из рюкзака мыло и вслед за Тюкиным спустилась к реке. Средняя Лагорта шумела переливисто, ветер то и дело относил ее шум к перевалу.

Из лагеря вышли спустя полчаса. Леша нащупал брод, и они с Татьяной, переправившись через реку, решительно устремились на северо-запад. Метрах в пятистах от лагеря торчала кремневая скала.

– Оставь на потом, – лениво посоветовал Тюкин, когда они подошли к ней. – Когда погоды не будет. В просветы сделаем.

Наверное, он прав. Татьяна, сделав вид, что и не собиралась здесь останавливаться, а только хотела определить, из чего сложена эта скала, ударила молотком по выступу. Подхватила обломок и посмотрела на свежий скол. «Кремень, серо-голубой, с многочисленными трещинами», – сказала она себе, как записала бы в пикетажку. Прищурившись, всмотрелась внимательнее, достала из кармана энцефалитку лупу... И чуть не подпрыгнула. На свежем сколе светлел маленький, едва заметный, зубчик. Конодонт! «Живой» – не какой-нибудь там обломок!

– Напиши этикетку и заверни, – велела она Тюкину.

«Ну вот, началось...» – хотел сказать тот, но промолчал.

«Вот это удача! – в то же самое время подумала Волошина. – С первого удара – и такое!..»

Пока Леша возился с мешочком и этикеткой, Татьяна соображала, что делать – идти дальше или осесть здесь? Тюкин был прав: это обнажение они могут «сделать» в просветы между ливнями. Но фарт... За три геологических года Татьяна уже убедилась: фарт существует. Бывает – бьешься-бьешься, и ни в какую! Ни-че-го. А иногда в таком же «немом» интервале наткнешься сразу и на что-нибудь «руководящее». Поэтому Волошина спросила:

– Леша, ты веришь в фарт?

Тюкин пожал плечами, положил в мешочек этикетку, образец и спросил:

– Ну что, вперед?

Артачиться не хотелось. И Татьяна бодро сказала:

– Вперед!

Утро было довольно светлым. На солнце, конечно, надеяться нечего, но хоть почти не моросит, и тучи наверху не такие темные, как вчера.

Волошина идет бодро, считая шаги парами и внимательно глядя по сторонам. Но вокруг нет ни одного выхода – сплошные обломки, скатившиеся неизвестно откуда. Лишь на пятсотой восьмой паре шагов Татьяна обнаружила торчащую из земли глыбку вулканита и, не обращая на нее никакого внимания, шагает дальше: все эти места давным-давно откартированы, и их с Лешей интересуют лишь известняки, кремни, сланцы и – на худой конец – песчаники.

Правда, на всякий случай Татьяна ударила по верхушке глыбки, убедилась, что она и в самом деле – не осадочного происхождения и заторопилась вслед за Тюкиным. Тот вдруг свернул круто в сторону, к западу, и теперь сидел на корточках, что-то рассматривая.

– Похоже, известняк, – бросил он подошедшей Татьяне.

«Хоть бы молотком для профформы ударил», – неприязненно подумала Волошина, глядя на небольшой коренной выход. Порода была явно осадочная, но с ходу Татьяна назвать ее известняком поостереглась бы. Выход был почти гладким – зацепиться не за что. Волошина попыталась сделать скол острым концом молотка, но он лишь оставлял на камне белые полосы.

– Отойди, – сказал Тюкин, легонько отстраняя девушку. – Молоток дай. Волошина безропотно протянула молоток. Пока Леша рыхлил землю вокруг «корешков», Татьяна смотрела на

его сосредоточенное лицо, двигающиеся под энцефалиткой мышцы... Она чувствовала, что ведет себя не так, как нужно при ее «должности». Тюкин, помогая себе то молотком, то руками, обнаружил-таки в породе трещинку, вставил в нее острие своего молотка, прицелившись, стукнул по нему Татьяниним, вбивая клин, и после трех сильных ударов отколол кусок примерно шесть на восемь сантиметров. «Нестандарт», – подумала Волошина. Впрочем, им не нужен стандартный образец. Им нужна фауна.

Леша, не поднимаясь, протянул Татьяне – снизу вверх – отколотый кусок.

– Ну и что? – спросил он. – Я прав?

– Нет, – сказала Волошина и добавила саркастически. – К сожалению, техник Тюкин, это не известняк, а известковистый песчаник. Всего лишь.

– Какая, фиг, разница? – поинтересовался Тюкин. – Все равно ведь CaCO_3 есть.

– Здесь больше SiO_2 , – парировала Волошина. – А значит, фауны – фиг! Вот тебе и фиг разница.

– Ладно, сдаюсь, – спокойно ответил Тюкин. – Поехали дальше.

– Полукилограммовую пробу сначала отбери, а потом ежай! – проговорила Татьяна. – Кусочки сантиметр на сантиметр, и чтобы со всех сторон – свежий скол.

– Извергиня! – ругнулся Тюкин. – Ты посмотри, из чего здесь брать?

– Ничего не знаю! Здесь может быть микрофауна.

– Ага! Планктон, – схибно бросил Тюкин. – Такой же мелкий, как и ты. Волошина не отреагировала. Она присела на корточки и теперь заполняла пикетажку. Они тянули к северо-западу абсолютно «пустой» маршрут. В Татьяниним рюкзаке теплелось всего два мешочка: один – с малюсеньким кусочком кремня, и второй, полный. Надежда была только на первый. Может, стоило подчиниться первому порыву, не послушаться Тюкина и остаться на кремневом обнажении? Татьяна шла по «березовой роще», ругая себя за «позднее зажигание». Ноги подворачивались на пружинящих деревцах, и очень легко можно было заработать растяжение связок, а то и вывих.

Шедший впереди Тюкин остановился, глянул сначала на часы, потом – назад, через левое плечо, и сказал:

– Солнце на юге.

– И что? – не поняла Татьяна, глянула вверх и увидела лишь низкое серое небо. Солнца на нем не было.

Леша два раза внушительно хлопнул себя по животу и произнес:

– Угу? Или огородное растение?

Волошина не поняла последнюю фразу и сказала:

– Угу.

Есть действительно хотелось.

– Стол сооруди, – распорядился Тюкин. – Я – за дровами.

Он вернулся через четверть часа с полными карманами полусырых веточек. Выгрузил «дрова» среди плоских камней, недалеко от сооруженного Волошиной стола, и произнес:

– Нарви немного свежих березок. Можно ив.

– И из этого ты собираешься ладить костер? – хмыкнула Татьяна.

– Если ты найдешь здесь хотя бы одну сухару, я буду тебе

несказанно благодарен, – изысканно парировал Тюкин.

Волошина невольно огляделась, хотя это было абсолютно бесполезно: с запада, сколько можно было окинуть взглядом, тянулись горы; на востоке лежала бескрайняя серо-зеленая, не выше лодыжек, тундра. Сооружая костерок, Тюкин бросил Татьяне:

– Сгоняй к перевалу, там где-то должен быть снежник. Натолкай в чифир-бак, примни посильнее, иначе не хватит. И в кружки набери. А еще лучше – отковырай кусок побольше. Чтоб два раза не ходить.

Нет, он явно обращался с ней, как с девочкой на побегушках! Татьяна не выдержала и выпалила эту фразу Лешке прямо в лицо. Тот выслушал и поинтересовался спокойно:

– Костер из этой сырости разжечь сможешь?

Волошина посмотрела на кучку полусырых веточек и, не говоря ни слова, вытащила из рюкзака чифир-бак, две кружки, на всякий случай – нож, и направилась к перевалу. Она лезла по круче, пытаясь обнаружить снежник. По логике, из-под него должен струиться ручеек. Но все камни, на которые бросала взгляд Татьяна, были мокры. Нет, она никак не могла понять Полярный Урал. Средний был ясен, он был весь как на ладони. А тундра... Она тоже была – как на ладони, но от этого яснее не становилась.

Так. Встать на этом пятачке, свободном от камней. Оглянуться. Сообразить, где же все-таки находится этот чертов снежник? Может, вон там, в небольшом распадке?

Волошина, держа в обеих руках чифир-бак и обе кружки, балансировала на камнях, каждую минуту грозящих осыпаться. Она шла к распадку. Сверху привычно моросило. Татьяна уже десяток раз пожалела, что по-глупому полезла «в лоб». Нужно было пройти у подножия, найти ручеек, и уж потом... Сейчас идти вниз не стоило: до распадка оставалось метров пятнадцать.

Пахнуло холодом. Шагах в двадцати – вверх – возвышался снежник. Он был не очень большой – Татьяне по пояс, из-под него едва струился ручеек. Волошина немного подумала – стоит ли спускаться к подножию за водой, или лучше здесь набрать снег? – и решительно направилась к снежнику. Впервые, ей было интересно взглянуть на него, а во-вторых, где гарантия, что внизу ручей – более полноводный?

Волошина вырезала из плотного, слежавшегося снега кубики. Наполнив чифир-бак и кружки, заморозив руки, спустилась к подножию горы и пошла вдоль языков осыпей. По левую руку, метрах в тридцати, лежало болото, но пробраться к нему было невозможно.

– ...Ну ты и ходишь! – недовольно бросил Тюкин, взял у Татьяны чифир-бак и примостил его на сооруженный из плоских камней очаг. Встал на колени, чиркнул спичкой и, оберегая ее от порыва ветра, осторожно поднес к скомканной синьке, предназначенной для заворачивания образцов.

– Не зажигается ни хрена!.. – зло бросил он. – ...Хантыйская мать! Обернулся к Татьяне и, все так же раздраженно проговорил:

– Собосирай еще дров. Этих не хватит.

В довершение ко всему снова зарядил дождь. Не слишком сильный, но все равно – неприятный.

Вода в чифир-баке, наконец, закипела. Тюкин высыпал в него горстку заварки, плотно закрыл «золотинкой» и, обжига-

ясь, вытащил из углей на камни скворчащую жиром жестяную банку перловки с тушенкой.

– Ешь, – коротко сказал он Татьяне. – Идти надо. Горячий чай и жирная каша влили силы. Второй чифир-бак чая кипятить не стали. В лагерь вернулись к шести, промокшие почти насквозь. Волошина выгнала Тюкина из палатки – чтобы переодеться в сухое. В конце концов, это неудобно – жить в одной палатке!

– Завтра же ставим еще одну, – деловито проговорила она, когда Леша вернулся.

– Нет! – жестко сказал он. – Жить будем в одной палатке! Нужно экономить уголь и дрова.

– Неужели на две недели не хватит? – удивилась Волошина.

– Всякое может случиться, – заметил Тюкин. – Это – Север. Он присел у печки, забросил в ее чрево порцию угля, настрогол щепок и зажег спичку... «Спустя минут пятнадцать, кажется, занялось. Лешка рукой, испачканной в золе, облегченно вытер покрытый испариной лоб. Татьяна глянула на Тюкина и прыснула: Лешка был похож на «предводителя командчей». Волошина порылась в карманах рюкзака, вытащила круглое зеркальце и поднесла к чумазой Лешкиной физиономии.

– На, глянь... чудо... – сказала она.

– Ладно... – буркнул Тюкин и спустился к Лагорте. Набрал полную пригоршню холодной воды и, отфыркиваясь, начал смывать с лица черные полосы.

Следующий день не принес почти ничего нового. Восемь километров маршрута, сырь и сплошные «немые» толщи. Да еще три мешка проб. И ни малейшей гарантии, что в них после растворения обнаружится хоть какая-то фауна... Подобное повторялось день за днем. А по вечерам – вечная мороза с разжиганием печки, стук дождя по брезентовой крыше...

На четвертый день закончился газ в первом баллоне. Лешу это не обеспокоило: баллона в норме всегда хватало на три-четыре дня. Хуже обстояло дело с дровами. С фауной тоже, конечно, не фонтан, но это дело не его, а Таньки.

Волошина уже начала привыкать к частой смене мороси и дождей, к отсутствию в маршруте «дров» и частью – воды, к которой можно было бы легко подобраться. В общем, к тому, что Север – это Север, и здесь нет легких путей. Слава богу, хоть быт был более или менее налажен – в основном благодаря Тюкину.

Два дня – в просветы между ливнями – торчали Татьяна с Лешей на серо-голубых кремешках, высккивая нечто, хотя бы отдаленно напоминающее конодонты. Волошина, почти близоруко щуря глаза, вглядывалась в свежие сколы кремней. Солнца не было, и не предвиделось, без него могло померещиться невесть что. К вечеру глаза болели от напряжения, в образцах в лучшем случае были видны обломки зубного аппарата червей, и ничего более лучшего не предвиделось. Волошиной начало казаться, что всё – бесполезно, ничего хорошего их с Лешей здесь не ждет. К тому же зарядили дожди, они шли почти не переставая уже пятый день – плотной стеной; от жирной тушенки и перловки начинало сводить желудок, и настроение у Татьяны было ни к черту. Она раздражалась по малейшему поводу, накидывалась на Лешу по поводу и без повода. Тюкин отмалчивался, но однажды не выдержал:

– Танька, хватит беситься! Тащи к берегу камни покрупнее, ну там, кварцевое что-нибудь. Баню топить будем.

Да, Леша был прав: баня должна вернуть ей любовь к жизни. Накинув дождевик, Волошина пошла вдоль Средней Лагорты, высккивая «кварцевое что-нибудь». Сначала попало непутевое: известковистые песчаники, скатанные глыбки известняка, свалившиеся откуда-то с горного склона. Потом, наконец, Татьяна обнаружила крупные обломки серо-голубых кремней, захватила сразу два и вернулась в лагерь. Леша уже где-то набрал сломанные вездеходные «пальцы», треснувший гаечный ключ – чтобы каменка лучше держала жар.

Спустя полчаса печка была сложена, и Леша, махнув рукой:

– Помирать, так с музыкой! – взял топор и, расколов пяток поленьев, сложил их рядом с каменкой.

– Ты ж говорил, что нам дров не хватит, – заметила Татьяна.

– Да, не хватит! – бросил Тюкин. – Но ты ж не выдержишь без бани. Сдохнешь.

– Да я!.. – начала было Волошина, но осеклась.

Леша был прав. Она действительно устала. Вот уже скоро неделю Татьяна не слышит ничего, кроме звуков льющейся воды. Здесь не щебечут даже птицы. Здесь нет иных цветов, кроме серого. Да и сами цветы... Разве можно назвать цветами вот эти, похожие на ромашку – едва ли сантиметр десять высотой? У них даже сердцевинка – не ярко, а серо-желтая, а лепестки – не ярко, а мутно-белые. И никакого просвета!..

Когда они натянули над пышущей жаром каменкой банную палатку, Тюкин отправил Татьяну мыться. Минут двадцать она с наслаждением обхлестывала себя веничком из карликовых березок, а потом, испугавшись, что Лешке может не хватить жара, тоже минут за двадцать наскоро помылась, хотя дома в ванной торчала не меньше часа. Потом, разгоряченная, нырнула в Лагортку и тут же с визгом вылетела обратно – по правому берегу кто-то поднимался к лагерю и был от него уже метрах в сорока. Волошина оделась наспех, и выскочила из банной палатки.

Первое, что она увидела – был Тюкин, рядом с которым стоял хант. На нем было странное войлочное одеяние с балахоном, свисающим вниз и закрывающим пол-лица. Рукава этого одеяния оканчивались округлыми карманчиками, как у ползунков. В эти карманчики, как в рукавицы, можно было прятать руки.

– Геологи, однако? – спрашивал хант у Тюкина.

– Они самые, – отозвался Леша и, махнув рукой в сторону кухонной палатки, предложил: – Пойдем, что ли, чайком побалуемся.

– Чай – хорошо, однако, – обрадовался хант. – А водки нет?

– Не держим, – отозвалась Татьяна. – Здравствуйте.

– Жалко, однако... – на плоском лице ханта изобразилась досада.

– Танюша, – попросил Тюкин (он именно попросил, а не приказал, как обычно!). – Чайку сооружи, пожалуйста.

Ну ладно, если просит...

Газовый баллон не подавал никаких признаков жизни. С того момента, как его поставили, прошел всего день...

– Старый подбросили, х-хантыйская мать! – ругнулся Леша.

– Ставь другой. Делать нечего. «Опять приказывает! – возмутилась про себя Татьяна. – Совсем уже обнаглел!» В правом углу палатки стояли два полных баллона, в левом – один пустой. После того, как Волошина сменила баллон, в правом углу остался всего один... Хватит ли до конца работы? Или придется торопиться, экономить время, лишний раз не включать плиту? Нет, это не выход.

– Чай – это челове-е-ек! – уважительно протянул хант, громко прихлебывая из кружки бурую влагу.

Пока он сосредоточенно пил, Волошина исподтишка оглядывала его. Не выше Леша, тоже лет двадцати семи, стройный («попробуй не быть стройным, когда пасешь оленей и постоянно мотаешься по тундре пешком!») – подумала Татьяна, с обветренным плоским лицом. Молча допив чай, хант отодвинул кружку в сторону, сдержанно поблагодарил и принялся расспрашивать хозяев о житье-бытье и о работе. Спрашивал он тоже сдержанно и обращался только к Тюкину, абсолютно игнорируя Татьяну. Ей это скоро надоело, и она – в отместку – бросив небрежно:

– Ну вы тут болтайте, а я пойду. Мне нужно к завтрашнему маршруту подготовиться, – вышла из палатки.

Но, кажется, ни Леша, ни хант не обратили на ее слова никакого внимания. Татьяна обиженно хлюпнула носом и спустилась к Средней Лагорте. Встала на большой камень, омываемый рекой, и минут пять стояла и смотрела на бегущую куда-то серую воду. У реки было прохладно, и Татьяна засунула руки в карманы штормовки. Нащупала там остатки сухарей, кинула один кубик в рот, захрустела им. Настроения не было. Оно всегда улучшалось, когда Волошина смотрела на бегущую воду, но сейчас это верное средство не помогало. Вокруг – сплошная сырость, Леша командует, фауны – ноль, а время идет. И к тому же, газовых баллонов осталось всего два. Татьяне казалось, что не привези она ничего путного, ей в следующий раз не будет доверять. Скажут: дескать, прохлаждалась там вместо того, чтобы впахивать! А здесь – впахивай – не впахивай – один черт!.. В общем, настроение испортилось окончательно и бесповоротно.

Волошина поднялась на речную террасу. Чуть поодаль, на

камнях, лежал олень. «Красавец!» – сказала себе Татьяна и устремилась к нему. Серо-коричневый, с большими ветвистыми рогами, с белой манишкой на груди и цветной узорчатой ленточкой на шее, он медленно жевал траву. «Где он ее нашел – камни кругом?» – удивилась Татьяна и, вынув из кармана сухарик, положила его на ладонь. Олень привстал, потянулся мягкими губами к Татьяниной руке и осторожно взял угощение.

– Хороший мо-ой... – нежно протянула она и погладила серо-коричневую спину. Из кухонной палатки вышел хант и что-то отрывисто крикнул. Олень поднялся и пошел от Волошиной прочь. «Сейчас Леша выйдет», – подумала Татьяна и, чтобы не встречаться с «техником Тюкиным», сбегала в жилую палатку. Быстро разделась и, даже не пытаясь разжечь печку, юркнула в спальник. Минуты две спустя в палатку зашел Тюкин.

– Спишь, что ли? – удивился он. – Ну спи. А я – в баню.

Повозился немного, собирая вещички, и усакал. Татьяна молчала. Ни говорить, ни думать не хотелось. Снова забарабанил дождь. Волошина лежала, тупо глядя в серо-зеленый выцветший потолок, потом глаза ее начали слипаться, и она не заметила как уснула.

Пробудилась она ближе к утру-от холода. Видно, Тюкин, «шиканув» на бане, решил сэкономить, и в эту ночь печку не топил. Волошина вместе со спальником свесилась с нар, вытащила из рюкзака телогрейку и набросила сверху на спальник. Вскоре стало немного теплее.

Дождь все не переставал. Значит, еще один день для работы потерян. Татьяна поднялась в одиннадцатом часу, поставила чай и только после этого начала варить суп. Лешка еще дрых. Суп вышел немного странный – сплошная вермишель с тушенкой и лишь чуть-чуть – картошки. Что ж поделать, если на Полярном картошка-жуткий дефицит..

Поев, Татьяна с Лешей часов до трех резались в карты. Где-то вдаль, в районе базы, гремело и сверкало, там бушевала гроза. На перевале дождь тоже не переставал. Еще немного, и работа сорвется. Та работа, за которую отвечает она, Татьяна. Спрашивать-то будут с нее, а не с Тюкина. И самым паршивым было то, что сделать ничего было нельзя. Стихию не отменить. Значит, нужно пересмотреть график работ. Скажем, на ту кремневую стену..

– ...А это тебе шестерки на погоны! – торжествующе произнес Леша.

– Да ну тебя к черту! – рассердилась Татьяна. – Когда работать будем?

– А я знаю? – пожал плечами Тюкин. – Непогода. Может, дня два еще продержится. А может, неделю.

– Мы ж ничего еще не сделали!

Леша посмотрел в полные отчаяния Татьянины глаза и предложил:

– Хочешь, к ближайшей скале схожу, посмотрю твоих конодонтов?

– ...На эту скалу положить не два дня, а один. День экономим здесь... Так, что он там говорит?

– Еще раз, – попросила Волошина.

– Хочешь, сгоняю сейчас к ближайшей скале?

– Зачем? – удивилась Татьяна.

– Поработаю.

– Сдурел? – поинтересовалась Волошина. – Через пять минут тебя нужно будет выжимать!

– А за эти пять минут я какого-нибудь конодонта выковыряю.

– Дур-р-рак! – обиженно проговорила Татьяна и отвернулась к стене.

– Как хочешь, – пожал плечами Леша. – Как лучше хотел. Пошел чай ставить. Минут через десять приходи.

После второй кружки Волошина почти успокоилась и спросила:

– Тебе что, совсем плевать на работу? Леша помолчал, а потом сказал:

– Ну давай вместе побесимся. Изменится от этого хоть что-нибудь?

– Нет, – созналась Татьяна.

Тюкин поднялся и налил себе, кажется, уже четвертую кружку чая.

– Чуть развиднеется, отработаем скалу, – сказал он и добавил. – Хочешь – морошку принесу? Пару секунд Волошина осмысливала неожиданное предложение. За стенками палат-

ки бушевал дождь.

– Да! – неожиданно для себя ответила она.

– Сейчас, – коротко сказал Тюкин и исчез в дожде. «Ну вот, – подумала Волошина. – выгнала человека в ливень. Ради чего?..» Леша вернулся минут через десять. Мокрый почти насквозь, он подошел к Татьяне и разжал кулак. На покрасневшей от холодных струй Лешиной ладони лежали четыре желто-красные ягоды.

– Держи, – хрипло сказал Тюкин. – Продрог насквозь...

– Спасибо, – почти шепотом произнесла Татьяна.

Ягоды были еще кисловатые, но разве можно было обращать внимание на такие мелочи? Волошина сорвалась с места.

– Я чай согрею!

– Не надо. И так баллоны полупустые. Перебьюсь холодным.

– Не перебьешься! – начальническим тоном сказала Волошина и решительно зажгла над плиткой спичку.

Выпив две кружки «купчика», Тюкин куда-то исчез. Он вернулся через час, волоча что-то в куске полиэтилена, переброшенного через плечо. Не говоря ни слова, прошлепал бо-

лотниками к реке, развернул полиэтилен и начал что-то мыть. Волошина не смогла усидеть и тоже спустилась к Лагорте. На берегу лежали огромные куски свежего мяса.

– Откуда? – обрадованно удивилась она. Тушенка им обоим уже обрыдла.

– Хант подарил.

– Запросто так?!

– Ага, – отозвался Леша и объяснил терпеливо, точно пятилетнему ребенку. – Олененок скопытился, девать некуда... Свари кусок, наедемся хоть от пуза...

Дождь бился в брезентовые стены всю ночь. Утром Татьяна проснулась от гнетущей тишины. Едва она поняла, что это значит – выпросталась из спальника, не ощущая холода; села и начала болтать ногами, как первоклассница. Дождя нет! Почувствовав, что замерзает, оделась и выскочила из палатки. Смыла остатки сна холодной речной водой и забежала в кухонную палатку, из которой уже струился пряный запах жареной тушенки.

Волошина подскочила к Тюкину, затеребила-затискала его:

– Ле-ша, дождя нет! Ле-ша!!!

– Садись есть, – не обращая внимания на бурное выражение девичьих эмоций, сказал Тюкин. – Надо идти, пока снова не началось.

И снова он был прав. И как бы Татьяна ни возмущалась в ответ на Лешины слова и поступки, потом всегда оказывалось, что он прав.

Они проторчали на кремневой скале полдня, пока снова не зарядил дождь и не прогнал их в лагерь. На дне Татьяниного рюкзака телепалась пара мешочков с образцами – кремнями, в которых едва были видны неясные обломки, похожие на конодонтов. Чем обернутся эти обломки осенью, под микроскопом, с увеличением в шестьдесят раз – неизвестно.

Татьяна зашла в палатку, бросила на землю полупустой рюкзак. Стянула с ноющих ног болотные сапоги, зашвырнула их под нары. Пора бы сменить носки. Волошина вытащила рюкзак из-под нары, залезла в него в поисках носков, и недоуменно вытянула определитель ордовикской фауны. Повертела его в руках, пытаясь вспомнить, как же он очутился в ее рюкзаке, и вдруг вспомнила, что сама сунула этот чертов определитель – в последний момент. Зачем?

По брезенту по-прежнему молотил дождь. Карты уже обрыдли. И Татьяна от нечего делать начала перелистывать страницы определителя – медленно, чтобы убить время. Какие же они все-таки разные, эти конодонты! Например, вот этот: длинный клык в центре и парочка мелких по бокам. Точь-в-точь акулий, только в несколько десятков раз меньше. А вон тот – искривленный весь, – как таким, вообще, можно что-то пережевать? А вот этот... Стоп! Такой, именно такой, сомнений быть не может! – Волошина обнаружила на ближайшем кремневом обнажении. А может, все же не такой, а просто похожий?

Татьяна свесилась головой вниз, под нары, выволокла мешочки с образцами и аккуратно, по одному стала развязывать. По закону подлости, нужный образец оказался в самом последнем. Достав лупу, напрягая в полусумраке глаза, Волошина рассматривала конодонт в серо-голубом кремне и сравнивала его с тем, что был изображен в определителе. Нет, ну совершенно точно – он! «Средний ордовот западного склона

Урала» – так записано в определителе. Значит, и в самом деле – ордовик!

– Леша! – заорала Татьяна, пытаясь перекричать шум дождя.

– Чё орешь как оглашенная?! – недовольно отозвался Тюкин, отгибая полу палатки.

– Лешенька, это ордовик! Средний. Честное слово...

И тут Леша произнес дикую, абсолютно кошунственную фразу. Он сказал:

– Ну и что?

Волошина опешила, несколько секунд осмысливала услышанное, а потом спросила:

– Ты притворяешься?

– Я?! – громко возмутился техник Тюкин, и Татьяна поняла: нет, он не притворяется.

– Тебе что, совершенно не важно, какие отложения на участке, где ты работаешь?..

– Абсолютно. Я техник, Танечка. Пусть за то болит голова у вас, инженеров. Случайно или намеренно, но в последнем слове он поставил ударение на букву «о», и оно получилось совершенно уничтожительным.

– Т-ты!.. – смогла только произнести Волошина.

А Леша пожал плечами и присел возле печки, намереваясь, видно, ее протопить.

На одиннадцатый день опустел последний газовый баллон. Запасы угля и дров тоже подходили к концу. Печку Леша разжигал по вечерам – для того лишь, чтобы приготовить на ней еду на следующий день. Печка не успевала как следует прогреть палатку, и потому спать приходилось одетыми.

Татьяна лежала, полностью закутавшись в спальник и думала, что было бы, если б она все-таки настояла на отдельной для себя палатке? Как поступил бы Леша? Стал бы он прогревать свою палатку, или весь запас дров и угля отдал ей? Впрочем, с какой это стати он должен все отдавать ей? Что, она, такая особенная, что ли?! Потом она пыталась понять, существует ли у техника Тюкина к ней, инженеру Волошиной, какое-либо чувство. Так и не поняв, уснула.

– Ну что, дня за два управимся? – спросил наутро Леша. Татьяна подумала и сказала:

– Должны. – И на всякий случай добавила. – Наверное.

– Без всяких «наверное»! – поправил ее Тюкин. – Должны.

Они закончили последний маршрут, когда уже спускались сумерки, и глаза перестали замечать хоть что-то, похожее на фауну. Вернувшись в лагерь, Волошина присела и заглянула под нары, точно оценивая проделанную работу. Там возвышалась довольно внушительная горка мешочков с образцами. Все-таки это было что-то. Немного в стороне лежал мешочек с тем бесспорным, явно среднеордовикским, конодонтом.

Татьяна потянулась, улыбнулась и сказала:

– Леша, найди муку! Лепешки печь будем. В честь окончания этого чертового участка.

– Обычный участок, – пожал плечами Тюкин, но, спустя несколько секунд, все-таки похвалил Татьяну. – Умница.

Он произнес фразу слишком уж коротко и ушел в кухонную палатку.

Татьяна переоделась во все чистое – ради праздника – и теперь сидела на спальнике. И куда там Леша запропастился?

Со стороны кухонной палатки послышался скрип отдираемых от чего-то досок. «Ломает стол, – догадалась Татьяна. – На дрова». Пора было подниматься и идти замешивать тесто.

Волошина вышла из палатки и оглядела ставший почти за две недели родным лагерь. Дня через два их должны отсюда вывезти. А там, в лесотундре, будет проще. Теплее. И, может быть, с фауной там тоже попроще... И все-таки отсюда уезжать жаль. Обжитые места всегда жаль оставлять.

Татьяна сидела на корточках возле печки, время от времени переворачивая лепешки и сыпая их в большую кастрюлю. Лешка стоял над душой и выпрашивал хотя бы одну.

– Лучше бы чай поставил! – возмутилась было Волошина и тут же смолкла: для чайника на печке места не было.

В палатке стало тепло. Татьяна сбросила телогрейку. Всю палатку наполнил румяный дух, от которого текли слюнки. Ничего страшного, что они сожгут кухонный стол, и даже если прихватят скамейки – тоже ничего ужасного. В конце концов, сегодня – праздник.

Леша куда-то исчез, но тут же появился и торжественно водрузил на стол банку сгущенки.

– Отку-у-уда? – округлила глаза Татьяна.

– От верблюда, – резонно ответил Тюкин и добавил. – Заначка.

За палаткой снова зашуршал дождь, но теперь он мог бושевать сколько угодно: вся работа была уже сделана. Оставалось только ждать вездеход. А это лучше делать именно в дождь. Татьяна положила на сковородку последнюю порцию теста и приказала:

– Леша, тащи чайник! Открывай банку!

Они окунали горячие лепешки прямо в банку со сгущенкой, слизывали сладкую белую массу и запивали сладким «купчиком».

– Ка-а-а-айф! – протянул Тюкин. – Скоро будем на базе.

– Ну все! – облегченно бросил он, жуя на ходу лепешку. – Шабаш! Пошел звонить на базу. Вытащил из-под нар стоявшую две недели без дела рацию, щелкнул тумблером. Рация молчала.

Она не подала признаков жизни даже после того, как Тюкин выключил и еще раз включил ее. Татьяна видела, как он покрутил какие-то винтики, крякнул и сказал:

– Шабаш... Отцвели цветочки. Связи нет. И не предвидится.

С минуту Волошина осмысливала происшедшее. Значит, они теперь в этой чертовой промозглой тундре одни. И, слышась что, никто не придет им на помощь. Ни-кто!.. И праздничное настроение испарилось.

Леша еще раз оглядел рацию, хотя все было ясно и так – сдохла батарея, и начал рассуждать про себя. В общем-то, в том, что рация замолчала, ничего страшного не было. Ну, пару лишних дней подождут своих... Потеря двух рабочих дней, – конечно, вещь не очень приятная, это Леша понимал прекрасно. Но ведь не смертельная же! Однако, на всякий случай, Тюкин заначил пару банок тушенки. Он положил их в свой рюкзак тихонько, чтобы не заметила Татьяна. Зачем зря пугать девчонку? Может, все еще обойдется.

Но самым хреновым было то, что дрова почти закончились. Продуктов осталось от силы на два дня. Хорошо, если

за это время придет вездеход. А если нет?.. Надо бы провести ревизию оставшегося топлива и продуктов. Пожалуй, этим он займется с утра.

Татьяне всю ночь снился шум вездехода. Она даже просыпалась, поднимала голову, вслушиваясь в неясный гул, но потом, сообразив, что это всего лишь звук дождя, снова ненадолго засыпала.

Она проснулась без двадцати двенадцать. Леша уже шуршил в кухонной палатке, наводя ревизию продуктов. Результаты оказались неутешительными: четыре банки тушенки (вместе с двумя заначенными), полкило вермишели, примерно столько же риса. И всё. Да, кажется, еще оставался кусок мяса в «холодильнике». Негусто! Дня на четыре, ну пусть на пять, хватит – в режиме строгой экономии. Но нет никакой гарантии, что вездеход придет в течение этих пяти дней. Это – Север, здесь случается всякое. Впрочем, Татьяне об этом знать было незачем. Кухонных скамеек хватит едва-едва на вечер. Леша корил себя за то, что «шиканул» вчера, спалив кухонный стол, но Татьяна хотела праздника. И она имела на это право. Леше на самом деле было глубоко плевать, карбон здесь или ордовик, но девчонка ведь нашла все-таки, почти доказала свое! Ладно, проехали, теперь нужно соображать, как жить дальше. У них еще есть стол в жилой палатке. Это еще – на вечер.

Нары ломать нельзя – ночи холодные, а спины нужно беречь. Значит, дров – на два вечера. К этому времени выйдут почти все продукты. Потом придется (если они не съедят все) жевать холодную тушенку, запивая ее водой прямо из речки. В общем, весело!..

Через два дня действительно закончились дрова и остатки угля. Еще через день – тушенка. Жарить или варить оленьё мясо из «холодильника» было не на чем. Волошина лежала в спальнике, то и дело поднимая голову и вслушиваясь в шум дождя, пытаясь вычленив из него что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее шум мотора. Это значило бы, что через час, максимум – через полтора, вездеход придет в лагерь. Но вездехода не было.

Оставалось одно-единственное средство – завернуться в спальник и спать. Беречь силы. Вездеход мог прийти в любую минуту. Он мог прийти сегодня. Мог – завтра. Или через неделю. Если он не придет завтра, значит, что-то случилось. Значит, им торчать на этом чертовом перевале по крайней мере неделю.

– ...Х-хантыйская мать! – сцедил Тюкин следующим вечером, когда ждть вездеход было уже бесполезно.

На этом перевале они торчали уже почти месяц. Вездеход казался мифом. Заваривать чай было не на чем. Поэтому они пили воду из Лагорты. От нее ломило зубы, Леша спасался от зубной боли настойкой золотого корня – совсем по чуть-чуть, чтобы не опьянеть с голодухи и не сжечь желудок.

Волошина молчала. Лешка скосил глаз в ее сторону. Татьяна лежала на спине, подложив руки под стриженный затылок и глядя в мокрый брезентовый потолок. Губы ее – узкие, длинные – мелко дрожали. Дрожь эту Лешка заметил не сразу, а лишь присмотревшись, но принял ее за дрожь от холода. Но дров не было.

Ветер пытался задрать полы палатки, но глыбы изнутри

держали плотно. Хлестал дождь. Татьяна вдруг показалось, что на всей земле нет вообще никого, только они с Лешей, и этот почти осенний холодный дождь, и этот пронизывающий ветер. И всё! Волошина лежала, глядя в потолок и пытаясь вспомнить, когда в последний раз приходил хант. По всему выходило – дней пять назад, а может, неделю. И исчез. И вокруг – никого, и дождь – непробиваемой стеной, и они с Лешей умрут здесь от голода и холода, останутся навсегда в этой палатке, точно в могиле, и...

Лешка, точно в ответ на ее мрачные мысли, сказал:

– Ничего, выживем!

И эта фраза, сказанная с нарочитой бодростью, стала каталитатором той реакции, которая уже зрела в Татьяне и только искала случая, чтобы прорваться наружу и стать неуправляемой. Волошина рывком села и, повернув к Тюкину перекошенное от злости лицо, заорала:

– Выживем?! И ты еще надеешься? Как маленький мальчик, которому пообещали конфетку, и он ждет, а мама знает, что никакой конфеты не будет, ей главное – ребенка успокоить... Они же нас бросили! Бросили и сбежали, неужели не понимаешь?!

Это было похоже на бред. Или на истерику. Что в данном случае было почти одно и то же. Волошина говорила не переставая, но смысл оставался все тем же: их бросили. Им отсюда не вырваться.

Лешка тоже выпростался из спальника, не обращая никакого внимания на Татьяну, быстро оделся. Выскочил наружу и, пригибаясь, точно это могло защитить его от холодных струй, побежал в сторону кухонной палатки, где во выючнике дожидался своего часа заветная бутылочка с настоем золотого корня. Ее час настал.

Когда Леша, все так же пригибаясь, вернулся в палатку, Татьяна ревела в голос. Она ревела, задыхаясь, как бывает обычно при истерике, и не могла остановиться. Вдобавок ее, похоже, трясло от холода. «Совсем плохо», – думал Тюкин, разливая по кружкам только что принесенную настойку. Потом он осторожно приподнял Татьянину голову и почти силком влил в девушку целебную жидкость. Волошина сделала пару судорожных глотков, закашлялась, и Лешке пришлось ощутимо стукнуть ее по спине. То ли подействовал золотой корень, то ли удар по спине, только Татьяна, кажется, начала приходить в себя. Шуршание по скатам палатки становилось все слабее и слабее и, наконец, совсем стихло. Вроде, даже стало светлеть.

Татьяна воспряла духом, видно, надеясь на вертолет, но Тюкин знал: вертолета не будет. Их может спасти лишь вездеход. Но в том лагере что-то случилось. Либо закончился бензин, либо сломался вездеход. В любом случае это надолго. Пока Зюев по радию свяжется с поселком, попросит помощи, пока помощь придет... А если учесть, что сейчас – короткое полярное лето, и каждый вездеход на счету...

Тюкин прекрасно осознавал, что Волошина до лагеря не доберется. Приходилось рассчитывать только на себя.

– Оставайся, – бросил Тюкин, вылезая из спальника.

– Ты куда? – подозрительно и все же с мольбой в голосе отозвалась Татьяна.

– В разведку.

Леша сам не знал, куда и зачем он идет. Вдруг удастся до-

быть хоть немного дров или хоть какую-нибудь еду. Здесь, километрах в десяти от лагеря, они исползали все маршрута-ми, значит, придется идти либо за перевал, либо, наоборот, вниз по течению Лагорты. Поразмыслив несколько минут и бросив в сторону Татьяна: «Жди часа через три, не раньше», Тюкин решительно, широкими шагами, устремился в сторону лесотундры, хотя до нее было, по крайней мере, километ-ров сорок.

Минут десять Волошина лежала, вперив взгляд в брезен-товый потолок. Потом возмутилась самой себе: Лешка пыта-ется спасти и себя, и ее, а она лежит и ждет?! Ведь по долж-ности руководить спасением должна она!

Татьяна оделась, вышла из палатки и застегнула ее за собой. Потом взобралась на безымянную высотку, торчав-шую неподалеку от лагеря, и оглядела окрестности. На во-стоке расстилалась бескрайняя тундра – кое-где заболочен-ная, кое-где – каменистая, но без малейших признаков дров. На северо-западе Волошина заметила удаляющуюся точку. «Леша», – поняла она, спустилась с высотки и пошла на юго-восток.

На юго-востоке лежала каменистая пустыня, лишь кое-где, в основном в заболоченных местах, тянулись к серому поляр-ному солнцу, почти не выглядывавшему из-за стальных туч, невысокие, чуть выше циклоптов, полярные ивы и березки.

Татьяна старалась обходить стороной заболоченные участ-ки, а вообще брела почти бесцельно. Впрочем, одна цель у нее все-таки была: Волошина надеялась обнаружить что-ни-будь хотя бы отдаленно напоминающее дрова. Она была ми-ниатюрной, эта надежда, но все-таки...

Волошина кружила меж карликовых деревьев, обламывая мертвые веточки и стволы. Она сложила их на плоский об-ломок песчаника и, сидя на корточках, в отчаянии смотрела на маленькую горку ив и березок, которых едва хватило бы, чтобы вскипятить один чифир-бак. И все же Татьяна аккурат-но рассовала «дрова» по карманам, потом поднялась и пошла вперед.

Ноги в тяжелых болотниках подворачивались на курум-нике. Волошина остановилась отдохнуть. Она обводила взгля-дом серую, мрачную, не оставляющую, кажется, никакой на-дежды тундру, и ей хотелось плакать. Даже не плакать, а ре-веть, выть, проклиная тот день, когда она согласилась ехать за этот чертов Полярный круг вместо привычной средней поло-сы.

И вдруг взгляд ее остановился на каком-то длинном сером предмете, напоминавшем... Волошина запретила себе даже ду-мать о том, что ей напомнил этот предмет, чтобы, не дай бог, не сплзнуть. Она сделала неуверенный шаг вперед, потом еще и еще, и, уже убедившись, что это не мираж, не разбирая дороги, ломанулась к нему. Споткнулась о камень и рухнула животом на каменистую осыпь. Охнула от тупой боли, но тут же вскочила и опять устремилась туда, к подножию скалы.

...Татьяна сидела на длинном, неведь откуда взявшемся здесь, на перевале, длинном стволе какого-то дерева. Высу-шенное ветром, отполированное снегом, дождем, оно уже дав-но не было полновесным, но все-таки было деревом. Жизнью. Волошина сидела и любовно гладила гладкий, мягкий ствол. Ей хотелось петь, и она вскочила, и заорала:

– «Тень облака, плывущего над тундрой, Тень птицы, про-

летающей над тундрой, И тень оленя, что бежит по тундре, а рядом с ними – собственную тень...»*

Вот как раз оленя-то им и не хватало. Олень – это мясо. Это жизнь.

Татьяна собрала все оставшиеся силы, вцепилась в обрубки веток и потянула дерево на себя. Оно подалось, оставляя бо-розду меж камней. Первые метров сто Волошина протащила дерево на одном дыхании. Потом первое дыхание закончи-лось, а второе начинаться не думало. Татьяна села на ствол, подперла руками щеки и уставилась на северо-запад – в ту сторону, куда ушел Тюкин. Но в той стороне было пустынно. Леша не видно. Волошина не могла решить – хорошо это или плохо, что Тюкин ушел так далеко.

– А дома сейчас ужин, – подумала вслух Татьяна. – На-верное, мама нажарила блины... Она слотнула слюну и снова вцепилась в обрубки веток...

Тюкин шагнул на северо-запад. Хандра закончилась, и те-перь нужно было выживать. Чтобы выжить, необходимы были дрова и еда. Дрова – в первую очередь. Потому что еда без дров не имела смысла. Даже если как-нибудь исхитриться и поймать дичь – что с ней делать, с сырой? Да, в первую оче-редь – дрова. Дичь – после. Кстати, за дровами могла бы схо-дить и Танька. Тоже мне, фифа городская!..

Леша сплюнул. Дров нигде не было. Тюкин цепким взгля-дом ощупывал безжизненную равнину. Вдруг взгляд вычле-нил среди серых каменных глыб нечто неясное, тоже серое, но слишком уж округлое. «Не камень! – сказал себе Тюкин. – Явно не камень». И Леша зашагал вперед.

Метров через двести он уже не сомневался: на камнях ле-жал олень-четырёхлетка с разлапистыми рогами. Либо рядом ханты, и тогда, пообещав бутылку водки или спирт, они с Та-тьяной могут на оленях добраться до лагеря, отогреться и отъ-есть. Отъесть и отогреться. Но возможен и второй вари-ант, более реальный, но худший: олень просто болен копыт-кой, и его оставили умирать. И никаких хантов на ближайши-е тридцать километров. Или даже семьдесят.

Олень, заметив человека, сделал слабую попытку подняться, но тут же рухнул на камни. «Так и есть – копытка», – удов-летворенно подумал Тюкин. Раздумий быть не могло. В кар-мане лежал небольшой перочинный ножик.

...Олень понял. Он смотрел на Лешу молящим взглядом – как человек перед смертью. Потом он закрыл затянутые му-тной пленкой глаза. «Все равно не жилец», – будто оправдывая себя, подумал Тюкин и, раскрыв ножик, с силой вонзил его в белую манишку на груди оленя...

Он уже пожалел, что не захватил с собой тесак. Свеже-вать тушу нужно было здесь и тащить в лагерь кусками. При-чем делать все нужно одному: вести сюда Татьяну Леше не хотелось. Ни к чему ей видеть кровь. В общем, так или иначе, но придется возвращаться в лагерь. Темнеет. Нужно спешить.

Подходя к лагерю, Леша заметил Татьяну. Сгибаясь, вид-но, из последних сил, она волокла за собой дерево. Тюкин на мгновение обалдел. Ведь нашла же! И почти доволокла! Нет, он явно ее недооценивал.

* – Строчки из песни Александра Городничского «Тени тундры».

– Стой! – крикнул он.

Татьяна, точно не слыша, продолжала из последних сил тянуть ствол. «Упорная», – с удовлетворением подумал Тюкин, ускоряя шаг. Но Волошиной до лагеря оставалось идти гораздо меньше, чем Леше. Она доволокла ствол до кухонной палатки (видно, дальше – сил не хватило) и опустилась на него, победно поджидая «подчиненного».

– А ты ничего, – ободряюще сказал тот, опускаясь рядом.

– Молодец!

Татьяна улыбнулась. Она даже закинула ногу на ногу. Тюкин тоже улыбнулся и сказал:

– Завтра будем с едой.

Потом он поднялся, согнал Волошину с дерева и втащил ствол в кухонную палатку – подальше от мороси. Захватил кусок толстого полиэтилена, тесак, нож подлиннее и пошире, и бросил Татьяне:

– Ложись спать, я вернусь поздно. И зашагал на северо-запад.

Татьяна показала ему вслед язык. Потом спустилась к Лагорте, умылась, сделала несколько глотков ледяной – до лomotы в зубах – воды и ушла в холодную палатку.

...Тюкин обдирает с оленя шкуру почти наощупь. Он делает это всего лишь второй раз в жизни, а в одиночку, вообще, – первый. Дождь смывал кровь с пальцев и с мяса, молотил по Лешкиной голове, по спине; капли заливали обветренное лицо. Где-то невдалеке грохотал гром. На мгновение показалось – гремят по камням траки, но всего – на мгновение. Все-таки это был просто гром.

Леша вытер влажным, еще не успевшим промокнуть навсквозь, рукавом лицо, бросил на полиэтилен тесак, нож и куски мяса. Сверху положил печенку. Он уже предвкушал тающий на языке темно-коричневый кусочек. Поднял полиэтилен за четыре угла, прикинул: донесет, и, сгибаясь под тяжестью ноши, зашагал к лагерю. Оставшееся мясо и шкуру нужно забрать утром.

Дождь молотил не переставая. Скрыться от него было нелегко. Леша положил ношу на камни и, стерев с лица дождевую воду, разведенную пополам с потом, посмотрел вверх. Луна не угадывалась. Дождь на морось меняться явно не хотел.

Передохнув, Тюкин опять взвалил на спину мешок со спелым мясом и, спотыкаясь на камнях, пошел вперед. Почти ничего не было видно, лишь изредка молнии освещали пространство на несколько метров вокруг. Леша надеялся на внутренний компас, да во время сверкания молний угадывал знакомые по недавним маршрутам ориентиры.

...Кажется, все-таки уклонился немного на восток. Надо правее...

Татьяна проснулась от вспоровшего небо всполоха. Чуть погодя рванул гром. По палатке замолотили струи. «Должно быть, два или три часа», – подумала Волошина и глянула в Лешину сторону. Тюкина в палатке не было. Татьяна встревожилась. Он ушел часов в семь или в восьмом, и даже не сказал, куда. Искать его сейчас не было никакого смысла. А если что случилось? Леша – ее подчиненный, и, не дай бог что, спросят с нее. Да если даже и не спросят! Разве дело в этом? Спасать! Но сейчас – бесполезно, только утром... А если и утром – уже бесполезно? Волошина ворочалась в спальнике, и вдруг услышала шорох. Он не был дождевым, этот шорох,

его могло производить лишь живое существо. Но кто? Леша? А может, кто-нибудь еще? Татьяна, преодолев страх, вылезла из спальника и осторожно выглянула наружу. Возле реки, едва светившейся в темноте, возилась какая-то фигура. На всякий случай подняв острый камень и стараясь ступать бесшумно, Волошина прокралась к Лагорте. Спрятавшись за кухонной палаткой, она внимательно вглядывалась в движения стоящего к ней спиной человека. Уловив знакомые повадки, она заорала:

– Лё-ёша-а! – и бросилась к нему. Тюкин вздрогнул, обернулся и произнес:

– Ну ты даё-ошь! Чуть зайкой не сделала...

В его правой руке Татьяна заметила длинный нож, а в левой – кусок свежего мяса.

– Живем, Леша... – тихо произнесла она и снова заорала – кажется, на весь перевал: – Живё-ё-ом!..

Лешка бросил кусок мяса на дно стоявшей в реке бочки «холодильника» и покрутил пальцем у виска.

– Откуда?!

Тюкин пробормотал что-то уклончивое и потом сказал более отчетливо:

– Иди спать. Я сейчас. Иди! Пировать будем утром.

Татьяна постояла еще несколько секунд на берегу Лагорты, вглядываясь в ее мерное течение, и пошла к палатке. Волошина всегда хорошо засыпала под шуршание дождя. Но это было дома. Или в поле, но в средней полосе. Там от дождя можно было не ждать подвохов. Здесь он грозил гибелью. Наверное, это было не совсем так; должно быть, Волошина просто придумала себе это, но...

Уснула она лишь когда начало светать, а проснулась ближе к обеду. В палатке было жарко натоплено и пахло жареным мясом. Должно быть, от этого запаха Татьяна и проснулась.

– Вставай... чудо... – произнес Тюкин. – Небось, намазала вчера, когда дерево тащила?

– А ты? – с вызовом спросила Татьяна.

– Есть немного, – сознался он. – Беги умывайся, скоро есть будем.

Ливень снова хлестал по крыше палатки, он то накатывал, норовя сдвинуть с места брезентовый домик, такой хрупкий на вид; то откатывал, чтобы через несколько секунд с удвоенной, утроенной силой наброситься на единственное прибежище Татьяны и Лешки.

Они лежали в темноте, не шевелясь, чтобы не расходовать зря силы, которых, казалось, уже давно нет, и молчали. Потом, наконец, Татьяна спросила:

– И что дальше?

– А что – дальше?! – раздраженно бросил Тюкин. – Наши в семидесяти километрах. Ну ладно, даже если мы бросим здесь все и уйдем, у тебя хватит сил добраться?

– Нет, – созналась Татьяна.

– Ну вот и у меня – нет.

– Но ты же мужик, – попыталась возразить Волошина.

– Ну даже если я чисто теоретически смогу добраться до наших и узнать, что у них там стряслось... А практически? Я тебя что, здесь одну брошу? Дня три туда, день там... А если у них вездеход сломался? Значит, обратно еще дня два-три...

Нет, конечно, неделю она в одиночку не выдержит. Лешка

прав. Значит, придется ждать. Но сколько еще?! Их должны были забрать отсюда по крайней мере две с половиной, а то и три недели назад.

Танька осторожно поднялась, выпросталась из спальника и свесила ноги с нар. Ее повело в сторону, и Волошина едва успела схватиться рукой за спальник. Потом опустила ноги в болотники и медленно, преодолевая головокружение, поднялась.

– Куда? – настороженно спросил Тюкин. Татьяна не ответила.

– Куда ты? – уже настойчивее повторил он.

– Надо. На две минуты, – отозвалась наконец Волошина.

– Дождевик возьми...

– Сама знаю! – раздраженно бросила Татьяна.

Он ее что, за девочку несмышленную держит?!

Хотя, на Лешку, если уж быть до конца честной, обижаться было грех. Сколько угля они сберегли, живя в одной палатке! Татьяна откинула полог и осторожно выглянула наружу. Дождь перестал, но с неба все так же валилась морось. «Окон» среди серых, от гор до горизонта, туч, не было заметно, как ни вглядывалась Волошина в низкое небо. Невдалеке шумела Средняя Лагорта. Слева торчала бывшая кухонная палатка. Она уже давно, недели, наверное, две, была просто складом – после того, как закончился газ и плита стала просто грудой бесполезного железа.

Сил идти далеко не было, и Татьяна присела за ближайшей каменной глыбой. В голове прокручивались самые неожиданные варианты спасения. Вертолет... Нет, нереально: каждая минута вертолетного времени стоит уйму денег, да и какая «вертушка» полетит в такую погоду?! Вездеход... Должно быть, и в самом деле он сломался, если они так долго не едут...

Волошина поднялась и вдруг поняла: у них еще есть НЗ – ее нары. Лешка запретил их трогать – строго-настрого, говорил, дескать, «простудишь почки – как рожать будешь?», но Татьяна вот сейчас, сию секунду, пришла в голову гениальная мысль, и Волошина удивилась, почему эта мысль не пришла ей или Тюкину раньше: если уж он так боится за ее почки, то можно оставить шит, и спать на нем, а ножки – спалить, и поджарить на печке... ну хотя бы вот этот подберезовик или кусок оленины из речного «холодильника». Откуда-то появились силы, и Татьяна побрела вдоль реки, нагибаясь за редкими подберезовиками. Потом она подошла к «холодильнику». Его не было! Видно, разлившаяся от дождей Лагорта вывернула бочку с олениной и унесла ее вниз по течению.

Татьяна оставила горку подберезовиков на берегу и пошла вниз. Она ушла уже метров на двести от лагеря, как услышала сзади крик. Обернулась. Тюкин стоял возле палатки, кричал и размахивал руками. Из-за шума реки ничего нельзя было разобрать. Пришлось вернуться. Волошина брела, спотыкаясь на курумнике, и вдруг увидела мясо. Кусок оленины, уже изрядно поеденный рыбами, лежал ближе к тому берегу. Татьяна рванулась вперед, будто секунды могли что-то решить. Вода доходила Волошиной почти до пояса, но она этого, кажется, не замечала. Мокрая насквозь, она шла, спотыкаясь на камнях, и блаженно улыбалась, прижимая к себе спасенный кусок мяса...

– С ума сошла? – хмуро поинтересовался Лешка, когда

Танька остановилась в двух шагах от него.

– Сейчас мы его зажарим, – проговорила Волошина, сглазывая слюну.

– На чем?! – взвился Тюкин. – На твоих нарах?

– Нет, – спокойно сказала Татьяна. – На ножках от моих нар...

– Этого мало, – внезапно остыв, возразил Тюкин. И, помолчав, добавил. – Ну что ж, это хотя бы что-то...

«Значит, я еще не совсем безнадежна, – с удовлетворением подумала Волошина. – Значит, в мою голову еще способны приходить гениальные мысли...»

А Леше все-таки не давала покоя мысль: а что если попробовать добраться до лагеря своим ходом? Взять с собой только самое необходимое: кое-что из личных вещей, тесак, палатку, брезент на пол... В общем, набиралось немало. Каждый лишний килограмм – это непройденный километр. А за ними могут приехать в любую минуту и, не обнаружив Татьяну и Лешу в лагере, забрать оставшиеся вещи и умотать. Может, конечно, и поищут их где-нибудь по дороге, но что найдут – никаких гарантий. Нет, нужно сидеть и ждать. И никуда не рыпаться. Главное – не нервничать. Это самое главное.

На тридцать девятое утро пребывания Леша и Татьяна на перевале, кто-то поскребся в палатку, и чей-то голос неуверенно проговорил:

– Есть кто живой, однако?

– Миша, ты, что ли?! – раздался радостный Лешкин возглас.

– Я, однако...

Хант осторожно протиснулся в палатку, поцокал языком, оглядывая полупустую палатку, осунувшиеся лица геологов, и добавил:

– Однако, вывози вас надо... Моя олень – твоя олень. Два возьми, до своих дойди, после верни. Кушай осторожно, мало-мало надо...

Он вынул из котомки кусок вяленой оленины и, разломив его пополам, протянул сначала Татьяне, потом – Лешке.

– Мало-мало надо. И долго-долго жевай...

Он отломил от своего куска небольшой – в сантиметр – квадратик и, положив его в рот, начал сосредоточенно жевать.

– Тундра живи – много умей, – сказал он.

...Татьяна сидела на олене, мертво вцепившись в серо-коричневую холку. Временами она закрывала глаза и валилась головой на олений затылок. Олень шел осторожно, словно понимая, что на его спине – совершенно обессиленный человек.

Наконец, показались палатки. Из печек поднимался вверх ароматный смолистый дух. На второй террасе, возле кривой березы, стоял на приколе вездеход.

Олени остановились. К ним уже торопились люди. Самым первым, спотыкаясь на карликовых березках, бежал Зюзов.

– Вален...тин...Вас...сильев...вич... – очнувшись, едва выговорила Татьяна и сползла с оленя на землю.

Зюзов поднял ее на руки, точно ослабшего от долгой болезни ребенка. Волошина слабо улыбнулась блаженной улыбкой и с усилием произнесла:

– И все-таки... там... ордовик...

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Несколько алых лепестков

Оглянувшись на жизнь, вдруг обнаруживаешь воспоминания. Собрав звено к звену, получаешь сюжет. Подумаешь – и согласишься: ничего случайного в жизни нет, а если вдруг нашлось – это всего лишь значит, что ты чего-то недопонял...

После окончания Литинститута я угодила сначала воспитателем в рабочее молодежное общежитие, потом – инженером в местное ЖКУ. Я готовила к изданию первую книгу, и начальник ЖКУ, Павел Львович Израитель, привез откуда-то огромный рулон бумаги для нее. Бумагу закатали в теплицу подсобного хозяйства, я зашла туда – конечно, по делам, но на самом деле посмотреть, как там мой рулон (представьте состояние автора накануне первой книги!), женщины в рабочих куртках срезали цветы и составляли букет. В центре букета фантастически полыхали огромные алые лилии. Я забыла про свой рулон: «Что это?» – «Амариллис,» – заулыбались цветочницы. Идя обратно, я уже знала:

Мы не умерли и не смирились,

Но взгляни на далекий закат:

В синем дыме цветет амариллис -

Это гибнет оставленный град...

Город-пожар увиделся мне в этом цветке. Что-то бумажное словно сгорело в нем, и осталась музыка. Через шесть лет имя цветка стало названием книги. Пока рукопись версталась, в издательском доме Татьяны Лурье цвел амариллис – цвел, выбрасывая стрелу за стрелой. Рукопись унесли – и он погас.

Дальше сюжетная линия закономерных случайностей приводит нас в Златоуст, на праздник трехлетия «Пробы пера» – так называлась литературная студия при реабилитационном центре «Надежда», которую я вела. Здесь одна из поэтесс, Лидия Шалдуга, спросила меня: не буду ли я возражать, если студия теперь будет называться «Амариллис». Идея всем понравилась, «пробы пера» были, действительно, на тот момент исчерпаны, пора было браться за что-то серьезное – тем более, что городская администрация пообещала издать коллективный сборник, и «Светлый день» вышел к юбилею города.

Моя книга с именем цветка теперь живет своей жизнью, самостоятельной стала и студия... Я вспоминаю эти годы со смешанным чувством: как сложно было объяснять неуловимую материю стиха, и понимали меня мои слушатели! Литература для них была не досугом, не хобби – это было окно в мир, реальная возможность порвать цепи беды и болезни. Можно ли научить писать стихи? – постоянно спрашивали меня. Нет, – говорила я, – но можно научить по-иному воспринимать мир и откликаться ему. И они учились – как трудно было им отказываться от привычного и выходить в неведомый космос взволнованной речи!

Пять лет подряд я приезжала в город раз в месяц, на шесть часов, и все эти часы были одной непрерывной лекцией: фольклор, философия, история, текстовая практика... Годы

были не из легких: 1996-2000, когда и здоровые люди ломались и уходили на обочину жизни. Моя аудитория не признавала скидок в работе, и мы вместе постигали, как воздействуют на сознание человека глубокие структуры языка – его высокие смыслы и чистая музыка.

Помню, в первые крутые ноябрьские морозы по дороге в Златоуст сломался автобус, и наш водитель – странный человек! – предлагал пересадить нас на рейсы куда угодно, только не в Златоуст и не обратно в Челябинск. Он распахивал дверь салона, в котором мы тщетно пытались сохранить остатки тепла, и делал щедрый жест в сторону каждого проходящего автобуса: «А вот кому...»

В 2001 году, когда я уже отошла от руководства студией, у студийцев стали выходить авторские сборники, их стихи напечатал питерский журнал «Аврора», один из авторов – Юрий Тоскалев – стал лауреатом городской литературной премии Иоанна Златоуста, а вся студия – неоднократным дипломантом и лауреатом областных и международных конкурсов.

Сегодня многие студийцы «Амариллиса» сами ведут литературные кружки, активно участвуют в литературной жизни города. В литературе, которая вся – поток, можно говорить только о промежуточных результатах. Для «Амариллиса» это – выход в литературное пространство диалога с миром. У каждого автора сформировался свой, неповторимый голос. Без труда можно различить в подборке легкой, эскизный слог Людмилы Травиной, взволнованность стиха Людмилы Бондаренко, глубокою чистоту слога Галины Барковец, лирическую философичность Надежды Аншуковой, зримую музыку Юрия Тоскалева. Радуют удачи Юрия Пестерева – он пришел в студию позже всех, опытный журналист, но поэт – начинающий, и новые его стихи отмечены уверенностью и точностью. Творческий диапазон Лидии Шалдуги – не только стихи, но и переводы – с украинского и на украинский, и литературная критика.

«Амариллис» уникален – я всегда чувствовала, а сегодня смело говорю это. Поэзия целительна в самой своей основе – ее целостное звучание восстанавливает и человеческую цельность, дает радость полной жизни – если нелегкий путь творческого развития проходить с той степенью мужества и уверенности в своих силах, которая присуща любимым моим ученикам.

Ну и последний эпизод, последний лепесток нашего сюжета: этим летом на книжной ярмарке ко мне подошли две женщины. «Смотри, «Амариллис», – взяла одна мою книгу. «Это же наши, златоустовцы! Вот молодцы какие!» – и стала листать книгу в поисках знакомых имен. Я попыталась объясниться, но получила в ответ: «Вы просто назвали книгу именем нашего известного литературного объединения, вот и все.»

Вот и все...

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

Как недолго пока удалось нам прожить без войны...

В канун Дня Защитника Отечества в госпитале ветеранов войн на Широкой речке состоялось торжественное собрание, на котором были вручены памятные медали, посвященные 60-летию Сталинградской и Курской битв, снятию блокады Ленинграда, учрежденные Национальным благотворительным Фондом «Вечная слава героям». Эти медали – дань уважения и глубокой признательности ветеранам ВОВ и труженикам тыла, оценка их личного вклада в достижение Великой Победы, напоминание молодому поколению россиян о великом подвиге соотечественников. Медали в тот день получили свыше 30 ветеранов, находящихся в госпитале.

Многие из тех, кто защищал Родину не передовых позициях, погибли в боях или скончались от тяжёлых ран. Но остались те, кто всеми силами старался приблизить победу. Согласитесь, никакой военной профессионализм не выполнит своего предназначения, если он в достаточной степени не экипирован, не сыт, не вооружен, если управляемая им военная техника не заправлена горючим и некомплектована боеприпасами.

Пусть человек в годы Великой Отечественной войны имел не генеральскую должность, пусть он был простым солдатом или тружеником тыла, но ведь он несет в себе частичку того, что для молодого поколения стало историей. Сегодня вокруг много говорят о патристическом воспитании, но ведь есть яркие живые примеры, люди, которые могут немало рассказать о тех годах, рассказать не скучным перечислением событий, а ощущениями, переживаниями, трагедиями и радостями военных лет, пропущенными через себя.

Мне удалось пообщаться с одним из пациентов госпиталя, который, в числе прочих, получил медаль, посвященную 60-летию снятия блокады Ленинграда.

Роберту Васильевичу Миронову было пять с половиной лет, когда он оказался в блокадном Ленинграде. Он рассказывает об оживающих картинках, запечатленных цепкой детской памятью: «Там, в кольце блокады, погибла моя мать и еще восемь родственников. Нас с

братом на Урал вывез отец». Долгое время после окончания войны Роберт Васильевич работал в Свердловске, но его постоянно тянуло на Родину. Тогда молодой специалист поступил в Высшую профсоюзную школу города Ленинграда. Готовился стать работником культуры. Когда вернулся на Урал, начал подумывать о серьезных занятиях вокалом. И до сегодняшнего дня вот уже 38 лет поет на эстраде. «Я исполняю произведения именно тех композиторов, которые в годы войны и трудное послевоенное время поднимали людям настроение. В моей программе большой блок произведений, сейчас называемых ретро».

Бывший блокадник считает, что его обязанность сейчас заключается в том, чтобы рассказать о военном времени. «Я видел бомбежку и десятки, сотни мертвых тел. Помню, в нашем дворе стоял сарай, который был доверху забит мертвецами. В те годы дети пяти-семи лет в связи с трудностями становились по уровню сознания похожими на двенадцати – пятнадцатилетних».

Говоря о награде, Роберт Васильевич отметил, что ее получение – это ожившие воспоминания об испытаниях, голоде, холоде, унижениях и потере близких. Но, несмотря на все это, он остался жив, сохранив память о пережитом, чтобы донести все это до новых поколений, не видевших Великой Отечественной войны, рожденных значительно позже.

На долю старшего поколения выпала Отечественная война, среднего – Афганская, а молодого – Чеченская. Сегодня мы очень много говорим о войнах и конфликтах. Но если о Великой Отечественной пишут в учебниках истории, рассказывая подробности даже школьникам, то многое в локальных конфликтах до сих пор неясно.

В этом году страна отмечала 15-летие вывода войск из Афганистана. В честь знаменательной даты Комитет по делам воинов – интернационалистов при Совете глав правительств – участников Содружества Независимых государств учредил памятную медаль «15 лет вывода Советских войск из ДРА». По положению о

медали, ею были награждены не только активисты движения ветеранов афганской войны и других локальных конфликтов, но и все те, кто помогает ветеранам, занимается их реабилитацией, участвует в их судьбе.

Учреждение медали – дань уважения тем, кто защищал интересы государства, не посрамил чести мундира, сохранил верность военной присяге, Отечеству и Правительству. Они жертвовали здоровьем, а иногда и жизнью, исполняя воинский долг советского солдата.

Возвращаясь из «горячей точки», солдаты нередко попадали в Госпиталь ветеранов войн. Его персонал никогда не оставлял людей в беде и делал все от него зависящее, чтобы залечить раны и вернуть больных к нормальной жизни. Именно поэтому большинство наград было вручено медицинским работникам Госпиталя. Одним из медработников, получивших награду, стала старшая медсестра 10 отделения Реутт Елена Ивановна.

Как говорит Елена Ивановна, эта медаль для неё символ уважения коллектива, награда за тот труд, который она делает на протяжении 16 лет.

«Работать, конечно, тяжело, – делится со мной Елена Ивановна. – Мальчики разные попадают».

Реутт пришла на работу в 1988 году, когда начали поступать пациенты из Афганистана. Состояние у всех было крайне тяжёлым: нервные, возбуждённые солдаты долгое время не понимали, где они находятся. Ведь на войне они ходили строем, выполняли задания и строго подчинялись приказам. Здесь же появилась какая-то свобода, а мысли с момента приезда из Афгана не изменились. Постепенно медики создавали такую атмосферу, в которой вернувшиеся с войны почувствовали себя как дома и стали гораздо спокойнее.

Но сегодня работы не убавилось. Медсёстры, остающиеся дежурить на сутки, помимо своих прямых медицинских обязанностей решают психологические проблемы больных. «Мы лечим их не только лекарствами и процедурами, но и душевным отношением, – рассказывает Елена Ивановна, – стараемся понять. Надо отметить, наши пациенты всеми своими горестями и радостями делятся с нами. А мы советуем, как на наш взгляд, лучше решить ту или иную проблему. И не только со здоровьем, но и семейные неурядицы, депрессию, плохое настроение. Меня мальчики зовут мамой. А почему, даже не знаю...может, очень ценят то, что я им много помогаю...если подходят с личными проблемами, я никогда не отказываю. Но в те годы, когда ребята только возвращались с войны, было тяжелее, чем сейчас. Сейчас они регулярно лечатся, становятся более уравновешенными, спокойными. Тогда сложнее было именно психологически».

Сейчас через заботливые руки Елены Ивановны и других работников госпиталя проходят молодые ребята, воевавшие в Чечне. Надо сказать, что ситуация, практически, одинаковая. Солдаты и офицеры, возвращающиеся с интернациональных войн, не чувствуют того, что они защищали Родину. Не чувствуют своей нужности государству. И убедить их в обратном очень и очень трудно. Эта задача тоже ложится на плечи медиков госпиталя.

«Вот, например, молоденький мальчик только пришёл из Афгана, – рассказывает о своих подопечных Елена Ивановна. – Женился первый раз, но брак не сложился. И в ночь на моей смене он решил повеситься. Я его сняла, поговорила с ним несколько раз. И эти беседы привели парня в чувство. Он, наконец-то, осознал, где находится. Позже женился. До сих пор приходит, рассказывает о своей жизни. Всё время благодарит меня. А я с ним в ту ночь говорила, как мама. Попыталась вместе с ним найти какие-то пути решения проблемы, убеждала в том, что он ещё молодой и всё ещё впереди».

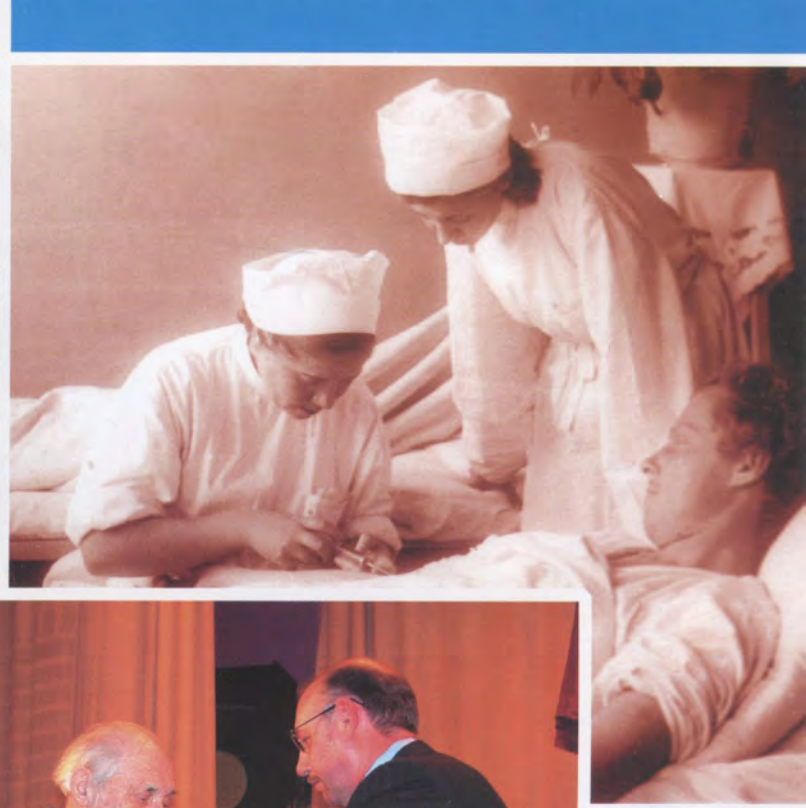
Елене Ивановне приходилось беседовать и с жёнами афганцев. Женщин она убеждала в том, что к ребятам нужно относиться терпеливо, немного подождать и помочь человеку встать на ноги. Но помимо глубоких психологических травм, люди возвращаются с войны физически искалеченными.

«Лежали у нас двое мальчиков, – продолжает Елена Ивановна, – оба потеряли на войне ноги. Морально тяжёлые пациенты. Очень замкнутыми были, мы их с таким трудом пытались разговорить! Но сейчас на них просто приятно смотреть. Мальчики занялись волейболом и постоянно ездят на различного рода соревнования. Не замыкаются в себе, одним словом.»

Ребята, которые возвращаются из горячих точек, всё болевшее держат в себе. И большую часть времени молчат. Медперсоналу очень трудно бывает вывести их из этого состояния. Мальчишкам всё время кажется, что вокруг стреляют. Они просыпаются по ночам, кричат во сне.

Война ломает всех. Там равнодушных нет. Работа врачей очень ответственна, ведь она заключается в том, чтобы реабилитировать, чтобы воины приходили в отделение не как в казённое заведение, а как к себе домой. Чтобы могла поговорить по душам. «Мне самой важно их душевное равновесие – это моя работа!» – заявляет Елена Ивановна Реутт.

Ветераны всех войн связаны вместе ратными подвигами, защитой Отечества, исполнением того, что потребовало от них государство. А ещё все они связаны одним общим домом – госпиталем для ветеранов войн.

Как недолго пока удалось нам прожить без войны...

В. А. Серов (1865-1911)

ВЫЕЗД ПЕТРА II И ЦЕСАРЕВНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НА ОХОТУ

1900

К., темпера, Государственный Русский Музей

Юний ГОРБУНОВ

Юность императрицы

Берегиням редких книг Белинки и УрГУ.

Удивительная, непостижимая загадка – наши ассоциации. Сижу заполненная у стола, еще не зажигая огня. За окном загостившаяся осень, почти зима: голо, сыро, холодно. Уличный фонарь выхватывает из темноты нашу придорожную рябину. Она давно сбросила свои листья-перчатки, и они, уже едва различимы у ее ног, слились с жухлой травой. Зато сама рябина щедро усыпана гроздьями ягод, и этим обилием плодов спорит с затянувшимся предзимьем.

Ну что, скажите, в этом полуночном пейзаже общего со словами и мелодией песенки, которая вдруг проснулась во мне и стучит в голове неусыпным пульсом на мотив «Ах вы, сени, мои сени»:

Во селе, селе Покровском
Среди улицы большой...

Откуда эти строки, и по какой такой оказии разбудили меня этой ранью?

Во селе, селе Покровском...

Сколько Покровских сел по России!..

Ба, озарило вдруг меня, да ведь это та загадочная «ничейная» песенка, которую приписывают нашей императрице Елизавете, дочери Петра!.. Месяц или полтора назад это имя мелькнуло в моем словаре «Писательницы России» и вот поди же ты – оставило занозу.

Во селе, селе Покровском...

Портрет цесаревны Анны Петровны и Елизаветы Петровны.
Л. Карвакк. 1717 г.

Листал сборник «Русские песни и романсы» (М., 1989), и меня мимолетно насторожила дата, поставленная в конце этого текста – 1750-е годы. Что-то тут не так, подумалось походя. Если автор – Елизавета Петровна, то уж очень не вяжется эта лукаво-игривая песенка с занятиями императрицы в разгар ее двадцатилетнего царения, когда рождались указы, кладущие основу российской просвещенности.

Во селе, селе Покровском
Среди улицы большой,
Разгулялась-расплясалась

Красна девица-душа...

Но все-таки почему и кому пришла мысль соотнести эти строки с именем российской императрицы?

Давным-давно, в одном из залов Эрмитажа взгляд остановился на женском лице красоты удивительной. Когда прочитал, что это юная цесаревна Елизавета, то, помнится, объяснил ее пригожесть усердием придворного художника.

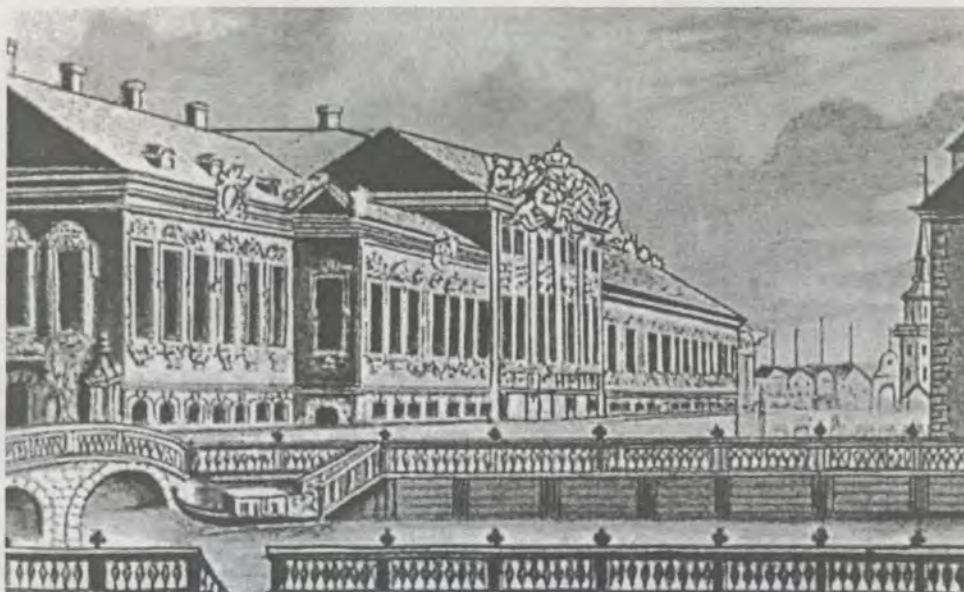
А сейчас вот читаю ее портрет, написанный современником: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза и рот, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива...».

Французу, написавшему эти слова в 1728 году, ни перед кем не было резона заискивать: 19-летняя Елизавета осталась в эту пору круглой сиротой. Три года назад скончался император Петр, ее отец; в прошлом, 1727-м приказала долго жить матушка, императрица Екатерина I; и вот уже нынешним февралем, сообщили из Киля (неожиданно умерла сестра ее единоутробная, Анна. Стояла, сказывают, у ночного открытого окна, глядела на фейерверк, устроенный народом по случаю крещения ее первенца, а февраль-то в Голштинии коварны...

Российская корона теперь обреталась на белокурой головке ее 14-летнего племянника Петра II, правили при его малолетстве князь Долгорукие и канцлер Остерман. Младшей Петровой дочери ничего не светило, и на нее никто при дворе не оглядывался.

А Елизвете, кажется, того и надо было. Облюбовала себе для житья село Покровское, тогдашнюю московскую окраину, давнюю вотчину царей Романовых, и жила, как Бог на душу положит. А найдет скаку, так устроит шумную верховую кавалькаду в Александровскую слободу или Измайлово.

Ныне территория села Покровского давным-дав-

Старый Зимний дворец в начале XVIII в.

но канула и растворилась в Москве, как в Лете. Прежние «покровские» названия теперь спрятались за еще более ранними: Рубцовско-Дворцовая улица, Рубцов переулок, Рубцовская набережная... А в начале XVIII века здесь лежало роскошное пригородное село, живая сказка, если оглянуться из сегодня. Деревянные и каменные дворцы царей и цариц (среди них выделялся дворец Алексея Михайловича), усадьбы придворной знати и окружавших ее придворных же на разные руки мастеров: богомазов, певчих и лицедеев; сады вельмож и огороды простолодинов; прихотливая быстрая Яуза, летящим лебедем вознесшийся мост через ее прозрачные воды (все это, вместе взятое, являло удивительно естественный, почти природный и удивительно же рукотворный источник народного вдохновения).

И прежде всего вдохновения песенного. Век-то был, по словам Державина, песенный. Село само вдохновляло и притягивало тех, кто умел вдохновлять. Здесь начинался песенный родник хороводов и гульбищ, который потом исподволь перетекал на улицы Москвы. Слышал песню и видел хороводы каждый сад при частном доме, внимала им каждая залавочка у ворот, каждая улица с переулком и перекрестком. Как пишет знаток народной песни П.В.Киреевский, покровские хороводы долго и после Елизаветы отличались от других обилием голосов и особым песенным строем. Даже припевка такая жила-бродила по округе: «Покровские девки гульбивые были...».

И вот в таком-то селе объявилась в свои 17 лет наша праздная и бесшабашная цесаревна.

Историки наперебой утверждают, что гляделась она в ту пору истинной дочерью Петра. Была своенравна и обидчива среди «своих», дворцовых и, напротив, добра, раскованна и беспечна в молодом крестьянском окружении. Была неподражаема в верховой езде; никому, как ей, не шел мужской гусар-

ский костюм; никто, как она, не умел и не смел рыжей амазонкой пронестись по селу в самое неурочное время, разбудив его утреннюю дремоту. Никто, как она, не мог так лихо затравить борзыми зайца, а то и волка, отыскать в окрестных лесах богатый тетеревиный выводок и возвратиться в село охотничьей песенной кавалькадой, увешанная добычей. (См. цветную вкладку). Никто, как она, не умел спроворить крестьянскую свадьбу, поистратив на подарки, вино и угощения весь свой наличный капитал: доходы от имений и содержание от казны, коим ее не очень щедро баловал канцлер Остерман.

Вслед за Елизавет * —

так по-мужски именovala себя цесаревна, подписывая даже деловые бумаги) неумно потянулись в Покровское, в ее песенно-бесшабашную свиту все, кого влекла и грела народная песня. Двор ее в Покровском был переполнен певчими. Она и сама охотно пела дискантом в девичьем монастыре Александровской слободы. Говорят, в ее покровских хорах подвизался то ли истопником, то ли сказочником один из братьев Чулковых, будущих собирателей народной песни. А постельничего ее окрестили Лебедевым за то именно, что он, будя по утрам цесаревну, величал ее не иначе, как «лебедь белая».

Обстановка и нрав принцессы рождали в ней не только восприимчивость к песне, но и энергию творчества. И то сказать: здесь каждый был стихийным сочинителем и одновременно исполнителем своих творений. Вдохновение и отдохновение — слова одного корня, они и ходили когда-то об руку, а не смотрели косо друг на друга, как ныне.

В одном из томов песенного собрания Киреевского, среди безымянных народных творений, — вдруг находим именную: «Песня государыни Елизаветы (ею сочиненная)». (Государыней, конечно, Елизавета в покровскую пору не была, а была цесаревной). Киреевский нашел эту песню у Державина, в его «Беседе любителей русского слова».

Песня мало чем разнится от народной, то есть не имеет событийной, авторской привязки. Сочинялась, что называется, без пера и бумаги, а таким песенным наитием. Но тем любопытней ее соотносимость с именем Елизаветы.

* Кстати сказать, один из заводов на Урале — Верхне-Уктусский железодельный, построенный в 1726 году, В. де Генин назвал именем цесаревны Елизаветы. Завода этого давно не существует, а вот поселок в Екатеринбурге, после завода оставшийся, и поныне носит название Елизавет. — Авт.

Давайте насладимся этой родниковой стихией слова.
 Чистый источник! Всех цветов красивой
 Всех приятней мне лугов,
 Ты и рошь всех, ах, и меня щастливей,
 Гор, долин и кустов.
 Но не тем, что лишь струйки тихо льются
 По сыпучему песку
 И что птичек вслух песни раздаются
 По зеленому леску:
 Нет, не тем – но прекрасно умывала
 Нимфа что лицо тобой,
 С брегу белые ноги опускала
 И ток украшала твой.
 Тут и алые розы устыдились,
 Зря ланиты и уста,
 И лилеи к ней на грудь преклонились,
 Что белей их – красота.
 О, коль щастливы желтые песчинки,
 Тронуты ее стопой!
 О, коль приятны легкие травинки,
 Смятые ее красой!
 Тише же ныне, тише протекайте,
 Чисты струйки по песку
 И следов с моих глаз вы не смывайте,
 Смойте лишь мою тоску!

Конечно же, это сама Елизавета, «лебедь белая» спускается ранним утром к водам Яузы, босоногая, в одной рубашке, распустив по плечам свои рыжие волосы, нагибается, набирает пригоршню воды и плещет на ланиты, потом ноги погружает в прозрачные струи... И видится она себе нимфой, что осчастливила своим прикосновением песок и траву речную.

Да что говорить: все это песенное село осчастливила она своей юной, своевольной и капризной царственной особой!

Кто еще из местных раскрасавиц может пропеть такое о себе, даже и прикрывшись прозрачным образом нимфы?

Мы видим юную принцессу, ее просыпающееся, но еще никем, кроме речных струй, не занятое чувство и первую ее любовную тоску.

Народная песня, а это творение Елизаветы и было таким, наверно, долго пребывала живым, меняющимся, приносящим к хороводу организм. Ее пели, и в песенной струе она шлифовалась, облекалась в новые слова-одежды. Киреевский, на нашу удачу, приводит другой, сильно отличный от вышепрочитанного вариант этой песни, с добавлением нового персонажа – возлюбленного «нимфы». Кто его ввел: автор или безымянная стихия хоровода? Эта тайна тонет в счастливом хохоте разудалого народного гулянья.

А теперь нам самое время заглянуть на императорский двор. Был-таки у двора один интерес, который крепельской ниточкой держал у себя на привязи нашу покровскую певунью-отшельницу: все, кому было не лень, считали нужным искать для нее жениха.

Пример показал еще державный ее отец – Петр Великий. Он непременно хотел обеих своих добрачных дочерей Анну и Елизавету спроворить за коронованных иностранцев. Их и воспитывали в новом духе – учили грамоте, языкам. Принцессы

Портрет Петра I с семьей.
 Миниатюра на финифти.
 Г.С. Мусиковский, 1717 г.

были не в пример своей матушке Екатерине I, подарившей, кстати сказать, имя городу Екатеринбург, которая, когда надобно было поставить под документом личную подпись, звала к перу ту из дочерей, что оказывалась поблизости. Елизавета, например, могла говорить и писать по-немецки, французски и итальянски. С молодых лет овладела эпистолярным жанром, переписываясь со своей закадычной подругой Маврой Шуваловой, которую сестра Анна увезла с собой в Голштинию камер-юнгферой.

Первым, за кого прочил Петр Елизавету, был малолетний французский король Людовик XV – и тогда цесаревну усадили за французский. Но Людовик, по разным политическим причинам, предпочел принцессу испанскую. С другими женами королевского дома дело тоже как-то не сладилось.

Екатерина после смерти мужа обратила взор на Германию. Ей удалось отдать старшую Анну в жены герцогу Голштинскому. Она родила сына, будущего несчастного российского императора Петра III, и, как мы знаем, умерла, простудившись у открытого окна.

Двоюродный брат герцога, принц Карл-Август, носивший титул епископа Любского, показался Екатерине хорошей партией для младшей дочери – и Елизавету срочно усадили зубрить немецкий. Но провидение, и на сей раз, уберегло нашу принцессу: уже будучи женихом, епископ Любский вдруг скоропостижно скончался в Петербурге.

А двор никак не хотел оставить Елизавету в покое. Но тут,

что называется, нашла коса на камень: осиротевшая цесаревна, отвернувшись от короны и от участия в дворцовых интригах, решила, что если и выйдет замуж, то только по любви. Кого бы не предложили дворцовые свахи – принца ли Саксонского, герцога ли Курляндского – покровская затворница и слушать не хотела, мотивируя отказы тем, что желает остаться в России.

Безбожник Остерман, так тот даже вознамерился свести Елизавету в браке с ее коронованным 14-летним племянником Петром II, чтобы, мол, избежать дальнейших династических споров. Тетку вытребовали из Покровского в Петербург и приблизили к Петру. Мальчик-император так привязался к Елизавете, что ни на шаг не отходил от нее и слушался во всем. Близкие к трону князя Долгорукие не на шутку забеспокоились – у них ведь уже была своя невеста для императора. Одни историки (Н.И.Костомаров) утверждают, что Елизавете подставили молодого камергера Бутурлина; другие (С.М.Соловьев) намекают, что в нее был влюблен один из князей Долгоруких – Иван Алексеевич.

Но неподдающаяся Елизавета никому не оставляет никаких надежд. Она уже опять в Покровском, хороводит с сельскими девушками, заигрывает с парнями, угощает всех привезенными из столицы цареградскими стручками и орехами, устраивает шумные катанья на салазках. Принимает крестьянских детей от святой купели, давая им имена, устраивает свадебные пиры.

Вернувшаяся из Голштинии Мавра – тоже в Покровском. В «Архиве князя Воронцова», экземпляр коего обретается в Лицейском фонде Уральского гос. университета, находим сведения, что Мавра Егоровна, в ту покровскую пору, сочинила целую комедию на малороссийском языке, и придворные певчие исполняли сие «действие» в елизаветинских хоромах.

Вот тут-то, в этой творческой песенно-гулевой круговерти, под впечатлением нескончаемых женихов то из Германии, то из Петербурга и рождается еще одна песня Елизаветы, приуроченная к сельскому хороводу.

Во селе, селе Покровском
Среди улицы большой,
Разыгралась-расплясалась
Красна девица-душа,
Красна девица-душа,
Авдотьюшка хороша.

(А может быть пели: «Лизавета хороша»?)

Разыгравшись, взговорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь;
Я со радости с веселья
Поиграть с вами хочу:
Приезжал ко мне детинка
Из Санктпитера сюда;
Он меня, красну девицу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил.
«Поезжай со мной, Дуняша,
Поезжай, – он говорил, –
Подарю тебя парчою

И на шею жемчугом;
Ты в деревне здесь крестьянка,
А там будешь госпожа;
И во всем этом уборе
Будешь вдвое пригожа!»
Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять.
«Нет, сударик, не поеду, –
Говорила я ему, –
Я крестьянкою родилась,
Так нельзя быть госпожой;
Я в деревне жить привыкла,
А там надо привыкать.
Я советую тебе
Иметь равную себе.
В вашем городе обычай, –
Я слыхала ото всех:
Вы всех любите словами,
А на сердце никого.
А у нас-то ведь в деревне
Здесь прямая простота:
Словом мы кого полюбим,
То и в сердце век у нас!»
Вот чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь:
Что осталась жить в деревне,
А в обман не отдалась!

Вполне народной эту песню Елизаветы назвать затруднительно, хотя ее и включали во многие сборники народных песен. Она – творение авторское, вызванное конкретным поводом, очень личными переживаниями. К Авдотьюшке приехал свататься «детинка» из «Санктпитера». Авдотьюшка сначала было согласилась пойти за него, а потом спохватилась. Вовсе ни к чему народной песне это конкретно-личностное:

Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять

А вот с самой Елизаветой такое случиться очень даже могло – с тем же, например, камергером Бутурлиным или князем Долгоруким. Не даром же говорят историки, что юный император Петр II, не на шутку увлекшись тетюшкой, стал ревновать ее к Бутурлину и, воспользовавшись случаем, отправил его от Питера подальше. Но так или иначе, а песня у Елизаветы получилась не грустная, а скорее веселая и пели ее, по словам Киреевского, на мотив всем известной тогда песенки «Ах вы, сени, мои сени». Свободна в своем выборе была не только Елизавета, но и сердце ее еще свободно, не занято никаким большим чувством, а только ждет его.

И чувство это пришло к Елизавете. Не из неметчины и не из двора императорского – она влюбилась в своего ездового Алешку Шубина, прапорщика лейб-гвардии семеновского полка, казармы коего располагались неподалеку от Покровского (ныне Семеновская набережная Яузы, площадь и Семеновские улицы Москвы). Он неизменно сопровождал цесаревну на охоте, скачках и прочих забавах, был ловок, чертовски красив и в меру (а когда надо, и не в меру) смел в своих притязаниях. И молодая принцесса потеряла голову. Она не могла и не умела прятать своего чувства, напротив, выставляла напоказ, что в Покровском, что среди гвардейцев, готова была

кричать о нем, а уж про стихи и говорить нечего. Не случайно они долго потом жили в армейской среде.

Одна строфа из этих любовных посланий Елизаветы напечатана в старинном «Словаре достопамятных людей» историка Д.Н.Бантыш-Каменского.

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить?
Что всегда разлучно и без тебя скучно –
Легче б ты не знати, нежелть так страдати
Всегда по тебе.

Мало того, дошел до наших дней и хранится теперь в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге автограф Елизаветы с этими стихами, опубликованный в Отчете императорской публичной библиотеки за 1870 год.

Здесь, как видим, уже не беспечная певунья сельских гуляний, а женщина, познавшая первое большое чувство.

Забыто и отступило прочь Покровское с его веселыми и безбидными хороводами. Теперь цесаревну часто можно видеть в среде семеновцев – солдат и офицеров. Она столь же любима ими, как прежде сельскими девушками. Она не гостьет царит на офицерских свадьбах. Любой солдат-именинник, пишет ее биограф Д.Л.Мордовцев, мог свободно прийти к цесаревне, как к своей матушке, угостить именинным пирогом, а та – поднести ему чарку анисовки и сама выпить за здоровье именинника. Всем своим обхождением Елизавета Петровна напоминала гвардейцам ее великого отца и его великое время. А Алешка Шубин, так тот мог в узком кругу и тост поднять за то, чтобы Петровой дочери не сиротой плакаться, а пребывать бы на отцовском престоле.

Влюбленные страху не имут.

До двора нет-нет да долетало эхо тех семеновских засто-

лий. Новая императрица Анна Иоанновна заглядывалась на потерявшую голову цесаревну, которая чуть ли не открыто заговорила о женитьбе на своем ездоме, тем самым, как бы официально отказываясь от притязаний на корону. Но императрица не из легковверных была, а ее фавориты – и тем более. Все прекрасно понимали, чем могла обернуться популярность в офицерских казармах молодой цесаревны, дочери Петра: не раз уже гвардейцы своими штыками поднимали на трон очередного императора.

Дворцовый суд короток: в 1731-м Шубина схватили, вместо венчального кольца надели не него оковы, и оказался он не в светелке своей возлюбленной принцессы, а в страшном «каменном мешке» – одиночной камере, где нельзя было ни сесть, ни лечь.

Судьба ждала его жестокая (ссылка на недоступную Камчатку, насильная женитьба на местной камчадалке и безымянное, под страхом смерти, и вечное там пребывание).

Достигнув престола, Елизавета Петровна с трудом, но отыщет на Камчатке своего бывшего возлюбленного, даст ему безбедное существование и чины. Но, говорят, второй снаряд в ту же точку не попадает, как и стрела амура...

Тотчас после Шилова пришла к ней другая любовь (к певчому из малороссийской приходской церкви Алексею Розуму, ставшему впоследствии графом Разумовским). Говорят, что была она с ним в законном, но тайном браке и плодом той счастливой любви (насколько может быть счастливой любовь возле российского трона) была княжна Августа Тараканова... Но это уже другая история, другой Елизаветы – императрицы всероссийской.

А до трона, похоже, что не один Разумовский грел сердце любвеобильной цесаревны. В том же «Архиве князя Воронцова» помещено начало игривого акростиха, писаного рукой Елизаветы, и начальные буквы его строк выдают фамилию некоего Самарина...

Но вернемся в село Покровское. Трудно теперь сказать, каким конкретным поводом была навеяна та лукавая песня цесаревны (поводов, как видим, набирается уйма). Несомненно только, что это было время ее свободной счастливой юности. Потому что скоро перо Елизаветы примет несколько иную лирическую тональность. И вовсе нельзя согласиться с Киреевским и последующими за ним авторами, что песня относится к началу сороковых годов, когда Елизавета, что называется, по уши влюбленная в Разумовского, отвергла очередного немецкого жениха – брауншвейгского принца Людовика, которого ей навязывала опять новая правительница Анна Леопольдовна.

В сороковых годах перед нами уже совсем другая Елизавета: цесаревна, ощутившая близость короны, осознавшая свою силу и право на эту корону. Она готовилась с помощью гвардейцев занять престол и далека теперь была от села Покровского, его хороводов и псовых забав. Совсем другие мысли и страсти обуревали принцессу. Отказ брауншвейгскому претенденту (Людовик был родным братом принца Антона, супруга правительницы Анны Леопольдовны, против которой и вооружала Елизавета преданных ей гвардейцев), отказ этот был актом политическим, громогласным, будущая императрица заявляла свою антигерманскую позицию и открыто говорила теперь своим гвардейцам, что вообще не выйдет замуж, потому что любой официальный брак может быть толь-

Император Петр II.

ко династическим, а она, Елизавета, верна своему принципу – брака по любви.

Словом сказать, сороковые годы были для нее временем не песен, но интриг, и к лирическому перу душа Елизаветы вовсе не лежала. Никаких следов ее творчества в пору царения мы не наблюдаем.

Юность Елизаветы прошла, и в новую область ее души, ее натуры мы вторгаться не будем. Кажется только, что песенно-лирическая юность оставила-таки свой отпечаток и на ее царствовании. Ведь до Елизаветы Петровны Россия не знала театра. Не было у нас и высшей школы искусств – академии художеств. Да ведь не было до нее и литературы в профессиональном ее выражении. При Елизавете, сказали в ней свое веское слово и Ломоносов, и Сумароков, и Херасков; и женщины русские вступили на это поприще тоже при Елизавете Петровне – она сама показала им пример.

А покровская песенка Елизаветы жила в народных играх, как народная же входила в первые песенные сборники. Однажды она даже оказалась в центре дворцовой истории времен императрицы Екатерина II. Эту историю поведал нам все тот же П.В.Киреевский.

В Эрмитажном театре готовилась к постановке опера, написанная самой Екатериной. Называлась «Федул с детьми». Роль девушки Дуняши в ней была сразу же отдана Лизаньке Урановой, певице еще юной, но много обещающей, любимице эрмитажной дворцовой публики. А эта самая Лизанька, как и героиня оперного сюжета, терпела настойчивые домогания богатого мецената гр. Безбородько, которого угожливо поощряли театральные управители.

И вот первое представление. «Театр уж полон, ложи блещут». Лизанька Уранова в ударе – ведь она играет едва ли не самое себя! На ее глазах неподдельные слезы обиды на судьбу, сделавшую ее игрушкой в руках богача. И когда сцена этой обиды достигает апогея, из уст Лизаньки-Дуняши вдруг вырывается «Во селе, селе Покровском...» (ария, которой нет в опере и которую никогда бы не одобрила державная авторша. А голос у Лизаньки Урановой сильный, богоданный, заставляющий сердца сжиматься, а глаза – набухать невольными слезами.

Он меня, красну девицу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил...

– неслось под своды Эрмитажного театра.

А в зале стояла тишина (одновременно восторженная и настороженная, пока, наконец, не грянули аплодисменты тех, кто не мог не знать авторского текста и замысла.

Императрица в своей ложе улыбалась, постукивая веером о ладонь – никто бы теперь не сказал, что ожидалось за этой улыбкой.

А финал истории, по Киреевскому, был таков: на втором представлении оперы актриса, вместо вставной арии, упала на колени и попросила государыню внять ее мольбе... Тайные намерения мецената были пресечены, театральные управители ушли в отставку, а Лизанька Уранова была обвенчана в придворной церкви с любимым ею человеком – актером Сидом Сандуновым.

На милость и на расправу скор российский деспот (...«наместник Бога на земле»).

Елизавета

Не с той ли эрмитажной премьеры началась всероссийская слава Елизаветы Сандуновой, певицы, актрисы, утвердившей народную песню на концертной сцене?

А песня цесаревны Елизаветы продолжала жить народной, в лучшем случае, ее подавали как «произведение знаменитой россиянки». И только некий издатель М.Маклаков уже в 1820-х годах в своих песенниках уточнил: «знаменитой россиянки, воспетой Ломоносовым», имея в виду его многочисленные оды.

Но если изложенная выше версия верна: песня «Во селе, селе Покровском» написана цесаревной Елизаветой и написана никак не в 50-х и даже не в начале 40-х, а именно в конце 20-х, начале 30-х годов XVIII века, то что же у нас получается? А выходит тогда, что Елизавета Петровна, дочь великого Петра, будущая императрица всероссийская есть не только одна из первых наших женщин-поэтесс, но и одна из зачинателей авторской песни. Даже канты-«виватьи» В.Тридиакковского и М.Ломоносова куда моложе песен Елизаветы, а творения «песенников» М.Попова, Ю.Нелединского-Мелецкого, А.Мерзлякова, Дельвига и Кольцова и вовсе уступают им в возрасте. Словом, начало так называемой «русской песни» положено именно ею.

Жанр полуночных этюдов не призван расставлять точки над «i». Его аргументы иного рода. И автор не будет в обиде, если этот опус прочтется хотя бы и с улыбкой снисхождения.

Олег МОШНИКОВ

Мошников Олег Эдуардович родился 1 ноября 1964 г. в Петрозаводске. В 1988 г. окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. До сих пор хранит самые светлые воспоминания о годах, проведенных на Урале, о товарищах по учебе и о своей встрече с Владиславом Крапивиним, поддержавшим когда-то начинающего поэта. В 1996 г. окончил Ивановское пожарно-техническое училище, сейчас работает инспектором отряда Государственной противопожарной службы г. Петрозаводска. Автор книг стихов и прозы, публикуется в журналах «Север», «Урал», «День и Ночь» и др. Член Союза писателей России.

* * *

И.И. Сидоренко

Родимый край – бревенчатые храмы,
Клик журавлей, мерцанье темных рек...
От нас весной уходят ветераны,
И тает снег, и тает серый снег.

Осел сугроб. И рухнула эпоха.
И пуст стакан. И со стола смели
Последний вздор. Ни шепота, ни вздоха.
До звезд не дотянуться от земли.

И тишина. Дмясь, она клубится
Провалами в бессонницах ночей.
Она хранит исчезнувшие лица
И, как земля, не может быть ничьей.

Мы – карелы!

Огород – потеха дровня,
Зуд до кончика штыка!..
Инда, походя, делением
Приумножишь червяка,
Сковырнешь под куст смородины
Долю дроли-ползуна.
Отделил шесть соток – родина.
Шаг за изгородь – страна,
Чью историю донашивать,
Боль поруганных свобод...
Все свое дороже нашего,
От того и недород,
От того меж пнями прелыми
Держим цепко черенок:
Россияне мы, карелы мы!
А червяк... червяк утск.

Рядовой Гулливер

Лето... отпуск... полминуты
На кино и на халву...
Муравьи, как лилипуты,
Заплели меня в траву.
Мои мысли без пилотки
Размотали как клубок
И измучили щекоткой
Мои пятки без сапог.
Место занято под солнцем -
И да здравствует жара!..
Пересох до дна колодца
Человек-Олег-гора.

Пастораль

1

Урал... Испуганная птица
Тревожный прокликает кров:
Ей досветла кричать и биться
О каменный ночной покров.

Ей бесконечно одиноко
Нести под сердцем пустоту.
Она, как весточка от Бога,
Обречена на высоту.

Она до самого рассвета
Непререкаема... Как гул
Сухих лавин, сошедших с веток
В часы, когда весь мир уснул.

И караульные собаки
Со всех пустующих дворов
Пасут, покусывая траки,
Железом пахнущих «коров».

2

Отзвенел, отсеребрился
Вереницы след.
Рассекают крылья птицы
Сумеречный свет.

Блеск воды и луч обманный.
Льется лист парчой.
Над урочищем туманным
Круг еще, еще

Можно в глубь уйти кругами
На седых крылах:
Загудит глухое пламя
На семи ветрах.

Отойдет отверстой бездной
Алый жар рябин...
Потягаться б с той, Небесной,
Силой на один,

И, презрев судьбы потуги,
Круги разомкнуть!..
Различим в неясном звуке
Безоглядный путь.

* * *

Сыночек, гуси в вышине! -
В твоих рисунках осень...
Не спрячут шапка и кашне
Родимой дали просинь,

Что так близка глазам твоим,
Но птицам в ней теплее -
И с каждым годом ранний клин
Любим еще сильнее.

Уходят листья вдоль аллея,
Сад – в позолоте старой...
И тон меняет акварель,
Зеленый клин – на алый.

Осень

Скучать... Читать календари,
Шурша бумагой янтарной...
И выходить из дома при
Необходимости пожарной.

На штык – холодная зола...
Рванув соседа за рубаху,
Бубнить, как правило, слова,
Стаканом уха о плаху.

Обыкновенно... Все круша...
И лишь останется под вечер
Закрывать глаза... Согбенны плечи...
А обрывается душа.

Сорок первый

Вячеславу Агапитову

Беженцы... беженцы... дальние, близкие...
Стылая пристань, мерцающая во мгле,
Будто плывет над затонами кижскими.
Бродит фонарь по былинной земле.

Боже, прости им сравнение невольное
Сумерек храма и трюма баржи!..
Люди в пути помогли сердобольные,
Дали по горсти мороженой ржи.

Изголодались, намерзли, измучились,
Тропку по белому свету торя,
В храмовой тьме заблудившимся лучиком
Шли за доской... в глубину алтаря...

Тлеет сухое иконное дерево.
Груды священного хлама темны...
Сколько еще бедолагам отмерено
Скорби народной, народной вины?

Мамки и детки – великие грешники!
Плачет старинных икон киноварь...
Залиты заревом тучи кромешные:
Божий над пристанью поднят фонарь.

Сон президента

Царствие сонное. Шелест дождей.
Люди в погонах за дачным забором
Чутко следят за своим разговором,
Не помяная в эфире вождей.

Камни в воде обращаются в слух,
Даль воспаленным пронизана взором:
Озеро Укш – усыпальница мух -
Нейтрализует особым раствором

Кровососущих и рыбаков,
Веслами рвущих кольцо оцепенения.
Рыба озерная в оцепенение
От высоты рукотворных садков.

Вывернется дух, заглядевшись на дно:
Чудо-ловцы не приемлют укора...
Если предсказано – веретено,
Послеобеденный сон от укула.

*Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Иосиф Бродский*

Нью-Йорк... Венеция... Висячие сады.
Тугие сливы. Бархатное море.
«Иосиф Бродский к родине остыл»
На сквозняке в барачном коридоре,

Где со стены еще не сорван лик,
Зовущий эзков в Болдинскую осень.
За слово «Бог» любой другой язык
Неоднократно проклинал бы Иосиф.

Черты лица... пятидесяти лет.
Холодный плащ, расправленный, как простынь.
«Иосиф Бродский умер как поэт»,
как диссидент, как тунеядец...

Просто

Вчера во сне в Неву сошла луна,
Дрожала грань, кто тверд, а кто безумен.
Сияла ночь!.. Другой была страна.
В другой стране Иосиф Бродский умер.

Безвременье... Седая пустота...
Немногого противится разлукам.
Угадан день. До палого листа.
До осязания воздуха и звука.

В разбеге скал и вечности: «Персей,
Бессмертьем заручайся у Горгоны!»
И ни следа от терний и гвоздей.
Язычеству не отданы поклоны.

Навар с десятка – лучшая строка,
Предгорнею пропетая трубою...
Цена неверья слишком высока,
Чтоб о цене справляться пред тобою.

Великий Бог! – Единственная жизнь,
В разливе Леты канув берегами,
Для новых строф раскроет чистый лист,
Угаданный весенними богами.

Эдуард РУМЯНЦЕВ

МЕДВЕЖИЙ «ПОДАРОК»

После часовой тряски на мотоцикле «УРАЛ» по заброшенной лесовозной дороге, наконец, добрались до нужного отврата и, проехав с полкилометра, уперлись в тупик. Дальше к бототу вела узкая тропинка, кривляющаяся по мелколесью березняка и осинника.

Наш проводник, Сергей, остановился, и, когда мы подошли, взглядом указал на тропинку, где в грязи четко отпечатался след задней, правой лапы медведя. След был похож на человеческий, только короче и шире с вывертом вовнутрь. «Хозяин шастает», – прокомментировал Сергей.

Прошли с километр. Наше внимание привлек огромный валун, шагах в двадцати от тропинки, метра три в длину, торчащий из земли, как горб неведомого животного. Два дня назад он был покрыт мхом и ничем не выделялся на окружающем ландшафте, а сейчас был голый и сразу бросался в глаза. Подойдя ближе, увидели такую картину: весь камень был обрыт канавой в полметра глубиной, вокруг разбросана земля, камни, гнилушки. «Клад искал», – заметил проводник.

С первого взгляда было видно, что это проделки «косолопаго», и развлекался он тут в поисках бурундука.

Некоторые охотники считают, что медведя привлекают бурундучьи запасы на зиму. Конечно, если это кедровые орешки, то поведение медведя объяснить можно. А если кедровника нет, тогда грибы? Но зачем медведю рыть такие канавы, когда грибов и так кругом много?

По моему мнению, медведя привлекает особый, раздражающий запах бурундука, как корень валерианы раздражает кошек.

Я еще раз обошел обрытый медведем камень по большому кругу и увидел гриб, странный, как по форме, так и по цвету: на одной искривленной ножке выросло пять шляпок, покрытых светло-коричневым «лаком» с концентрическими полосками, как у рыжика. Снизу шляпок будто наклеены тонкие лепешки из светло-серого пористого материала. Весь он походил на какое-то рукотворное произведение.

Гриб лежал на боку вместе с небольшим куском сгнившей осинки, на которой он рос, и привлек внимание своим глянцево-покрытием. Ни я, ни мои спутники раньше такого не встречали. Сергей пошутил: «Ну вот вам и презент от «хозяина».

Мне настолько понравилась форма гриба и его необычность, что я срезал его с гнилушки и привез с собой. В самом деле, не пропадать же в лесу такой красоте!

Дома перебрал все книжки о грибах, но ничего похожего не нашел. Консультировался у преподавателя по биологии и даже кандидата «лесных» наук, но тоже нового не узнал. Оба

подтвердили принадлежность находки к семейству трутовиков – и все.

Прошло полгода. На день рождения сыновья купили мне подарок: в красочной упаковке с надписью «ЛИНГЪ ЗИ» и ниже «ДАЙ БО» вьетнамского производства находился симпатичный кувшинчик на пол-литра – из белого фарфора, раскрашенный синими узорами с цветочками, закупоренный деревянной пробкой и залитый парафином.

При внимательном рассмотрении я обнаружил, что мой загадочный гриб и те грибы, что изображены на упаковке, очень похожи, особенно шляпки (цветом и рисунком), и ножки блестящие, коричневые, лакированные. Отличие состояло лишь в том, что мой экземпляр имеет пять шляпок!

Но что же в кувшинчике? Сопроводительный листок, вло-

женный в упаковке, гласит: «ЛИНГЪ ЗИ, или ГАНОДЕРМА – это драгоценный лекарственный гриб. В древневосточном лечебнике «Шен Нунг Пен Тпао» написано, что ганодерма имеет одновременно горький, сладкий, острый, соленый и кислый вкус. Этим пяти оттенкам вкуса соответствуют пять внутренних органов человека – сердце, почки, печень, легкие и селезенка. Врач Ли Ши Чжен в своем лечебнике указывает, что эффективность применения ганодермы – в качестве тонизирующего средства, которое восстанавливает силы и память, поднимает настроение, сохраняет и поддерживает молодость человека, и потому, ганодерму иногда называют чудесным средством, дарующим бессмертие. Регулярно принимая препарат «Ганодерма», человек до глубокой старости чувствует себя здоровым и крепким.

Этот препарат также выводит шлаки, укрепляет защитные функции организма, оказывает седативное действие, повышает аппетит».

Далее идет, как положено, описание, состав и т. д. и изготовитель г. Хошимин, Вьетнам.

С Вьетнамом понятно: жара, влажность, словом, тропики, и есть все условия для произрастания всякой экзотической разности. Но в Свердловской области, как известно, тропиков нет. Вновь возникли сомнения. Но вот мой сотрудник принес «Красную книгу Среднего Урала», и в разделе «Грибы» я прочитал: «Трутовик лакированный. Семейство «Ганодермовые». Распространение: Евразия, Северная Америка. Изредка встречается в таежной зоне России. Отмечен на территории, подчиненной городам: Верхняя Пышма, Североуральск, в Верхотурском и Нижнесергинском районах Свердловской области».

Сомнения развеялись: «Да, это Ганодерма!» И я с полным правом могу указать еще один район ее произрастания – окрестности города Тавды.

Сомнения развеялись, но сразу возник ряд вопросов. Как гриб мог оказаться на севере области, в таежных районах? Это же не тропики. И второе, если этот ценнейший гриб произра-

стает в нашей области, почему бы не наладить его искусственное разведение (как шампиньоны), или хотя бы его сбор?

Когда заметка была уже готова, решил проконсультироваться у специалистов этого профиля. Меня в момент «опустили» на грешную землю.

Во-первых, нет никаких исследований и никакой информации о ганодерме, и никто этим не занимался и не занимается. Чтоб провести такие исследования, нужно не менее тридцати тысяч «баксов». Что касается Вьетнама: да, у них налажено производство микстур на основе грибов, но всю технологию они держат в секрете, и ни патентов, ни лицензий не продают. Все производство содержит одна семья.

Во-вторых, для исследований нужно килограмм двадцать сухого сырья, а это целая плантация. Значит, нужны денежные вложения. Кто сейчас вложит в это деньги, будучи не уверенным в отдаче?

В-третьих, если даже предположить наличие денег и сырья, никто не возьмется за это дело, т. к. ганодерма внесена в «Красную книгу», т. е. нужна лицензия и «куча» разных согласований.

Вот парадокс: под ногами ценнейшее сырье, можно сказать, здоровье, а мы не знаем, не умеем, да и нельзя!

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Михаил БЕССОНОВ

Первая женская школа

После отмены крепостного права последовал ряд реформ, затронувших и народное образование. Не обошли реформы и Верхотурский уезд.

8-го октября 1872 года 3-е уездное земское собрание решает открыть в селении Турьинские рудники (ныне г. Краснотурьинск) женскую школу. Нельзя утверждать, что женского образования в посёлке не было совсем. Но это была капля в море. Так по ведомости за февраль 1873 года в Турьинском начальном училище обучалось 58 мальчиков и только 1 девочка. Поэтому решение открыть женскую школу было своевременным.

29 декабря 1872 года заведующий хозяйственной частью народных школ Верхотурского уезда Касаткин рекомендует в попечительницы школы Елену Тимофеевну Космач, муж которой, Епифродит Сергеевич, служил мировым посредником в Турьинских рудниках. Касаткин также сообщил, что исполнять обязанности учительницы изъявила желание Александра Александровна Горшкова.

В тот же день Управа направляет Е.Т. Космач и А.А. Горшковой письма с просьбой сообщить о своём согласии.

Получив таковое, верхотурская уездная управа отпускает на содержание школы 430 рублей в год и на первоначальную обстановку ещё 100 рублей. Уже 22 марта 1873 года Елена Тимофеевна сообщает в уездную управу: «Женская земская школа в с. Турьинских рудников открыта 18 числа настоящего марта месяца; на другой день открытия начат приём учениц, и в течение двух последующих дней заявили желание поступить в училище 25 девочек».

В апреле к ним добавились ещё 22 девочки. Правда, в мае две выбыли, и на конец июня общее число учениц составило 45 человек.

Таким образом 130 лет назад в Краснотурьинске было положено начало женскому образованию. Первой учительницей стала Александра Александровна Горшкова. Она родилась в Турьинских рудниках, в семье штаб-лекаря, коллежского асессора Александра Борисовича Горшкова. Окончила курс в Казанском Родионовском институте. В 25 лет стала учительницей у себя на родине. Молодой была и попечительница училища - Елена Тимофеевна Космач. В 1873 году ей было 27 лет.

Алексей ЯКИМОВ

ПОМОЙКА

Говорят, хорошие мужики на дороге не валяются. А она своего не на дороге – на помойке нашла. На самой обычной, какие прячутся нынче по городским дворам.

Она похоронила мужа почти год назад. Уже перегорело в душе чувство горькой потери. Уже приспособилась она жить по-новому. Не заходилась по ночам в безысходных слезах, наткнувшись в полусне на пустоту рядом. Теперь, спустя почти год, осталась лишь тоска, которая наваливалась временами, и которую глушила она домашними хлопотами да идиотскими сериалами по вечерам.

Она выскочила с мусорным ведром, как всегда, лишь накинув поверх домашнего халата старую болоньевую курточку, в тапочках на босу ногу. До контейнеров от подъезда – рукой подать.

Возле мусорки кто-то был. Она не обратила бы внимания, но что-то в поведении человека показалось странным. Мужчина не был похож на жильца какого-нибудь из окрестных домов – в его руках не было ни ведра, ни пакета с мусором. И на бродягу он мало походил.

Пасущиеся на помойке бомжи не тушевались, когда к мусорным контейнерам подходили люди с ведрами. Они продолжали рыться в мусоре, цепким взглядом отмечая, что полезного прибыло в контейнере с очередным ведром.

А этот как-то испуганно метнулся за металлическую загородку контейнерной площадки, встал там, засунув руки в карманы и глядя куда-то вдаль с независимым видом. Ей даже послышался какой-то легкомысленный мотивчик, который тихонько мычал мужчина себе под нос.

Через час она снова проходила мимо помойки в магазин. И снова за металлическую загородку метнулась от контейнеров странная фигура. На сей раз она успела разглядеть мужчину, и даже отметила про себя: «А ростом-то он с моего будет...»

Возвращаясь с сумкой из магазина, остановилась. – Что вы тут делаете? – язык почему-то не повернулся сказать «ты».

Мужчина вздрогнул как от выстрела, оглянулся по сторо-

нам – к нему ли обращен вопрос. Потом посмотрел на нее долгим, грустным взглядом. Нахмурился слегка, отвел глаза.

– Живу я тут... – усмехнулся невесело. Сунул руки в карманы. Отвернулся.

– Пойдемте, я вам что-нибудь из одежды дам – от мужа осталось... Вам как раз по росту будет...

Потом она не раз задавала себе вопрос: почему не возникло у нее в душе ни тени сомнения, ни опасения, когда вела она вот так в свой дом незнакомого человека с улицы, по сути – бродягу с помойки? Но ни разу не могла она найти на этот вопрос разумного, понятного ответа...

Он шагнул следом за ней в прихожую, посторонился, давая закрыть дверь, остался стоять на коврике, с интересом поглядывая по сторонам – не хищно, оценивая обстановку, а именно с простым человеческим интересом.

И вдруг шумно, так, что она даже вздрогнула, вдохнул носом полную грудь, надолго задержал этот вдох, закрыв глаза. А когда медленно выдохнул и снова посмотрел вокруг, глаза его заблестели.

Она сняла было с вешалки пальто мужа, которое все еще висело в прихожей, хотела подать гостю, но вдруг остановилась, будто вспомнила что-то важное.

– Хотите ванну принять? – спросила она, немного смущаясь, словно боясь обидеть гостя этим вопросом.

– А можно?

– Проходите. Там на полочке у зеркала есть все для бритья. Полотенце чистое, – добавила она торопливо, когда гость уже открывал дверь в ванную.

– Погодите...

Она принесла из комнаты трусы, майку, носки, трикотажный тренировочный костюм.

– Вот, возьмите... А свою одежду оставьте там...

Спустя час он вышел из ванной. Одежда ее мужа и впрямь была ему как раз по росту. Разве что чуть свободна...

На кухонном столе дымилась большая тарелка борща, горкой лежал нарезанный хлеб. Он принял это молчаливое приглашение, сел к столу. Она присела напротив и, положив руки на стол перед собой, смотрела как он ест. Ей почему-то вспомнились строчки из «Теркина»: «... ел он много, но не жадно – отдавал закуске честь...»

Обед затянулся до самых сумерек. Она давно уже сунула в раковину грязные тарелки, уже раза три подогревала чайник, а он все рассказывал о себе. И это не был рассказ профессионального бродяги, стремящегося пробудить в собеседнике жалость и сочувствие. Он рассказывал просто и, как ей показалось, честно, иногда подтрунивая над собой, не заботясь, какое впечатление производит его история на хозяйку.

Когда-то давно – в прошлой жизни – у него был дом, была жена, была работа. Но потом на заводе перестали выплачивать зарплату. Потом в один прекрасный день дверь дома ему открыл незнакомый мужчина, а жена выставила за порог чемодан и сказала, что он тут больше не живет. Пару месяцев он жил в подвале соседнего дома, откуда каждое утро исправно уходил на работу. Потом его вызвал начальник и сказал, что своей помятой рожой он портит лицо фирмы...

Они проговорили на кухне допоздна. Вдруг он как будто спохватился, заторопился уходить. Она тоже опомнилась – кинулась собирать по шкафам мужнину одежду.

Он сидел на краешке кухонной табуретки, опустив голову, свесив кисти рук между колен. Рядом скрипнула половица. Он поднял голову.

Она стояла в дверях кухни с пустыми руками.

– Оставайся, – тихо проговорила она...

КРЕМОНА *

Она стояла в музыкальном магазине на специальном, только ей предназначенном месте. Чуть в наклон, опираясь шейкой точеного грифа на особый штатив. Кузов ее, темный снизу, со светлой верхней декой, тускло светился в отраженном витринными стеклами свете.

Круглое пятнышко у пятого лада выделялось родинкой на матовой белизне грифа. Впрочем, белизна эта не была чистой. Скорей, чуть желтоватой, а под особым углом зрения – даже розоватой. Неполированное дерево грифа казалось мягким и бархатистым на ощупь, полупрозрачным и теплым...

Этот странный человек изредка приходил в музыкальный магазин. Он останавливался напротив Кремоны и подолгу смотрел на нее. Потом осторожно прикасался к головке грифа, плавно привлекал Кремону к себе и трогал ее струны...

Никто и никогда не пытался помешать ему взять Кремону в руки. С того самого дня, когда это случилось впервые. Тогда продавец отдела сделал было движение в сторону, как ему показалось, потенциального покупателя, раскрыл было рот, чтобы спросить, чего тот желает.

Но в тот самый момент вздохнула впервые Кремона в руках незнакомца, всхлинула, застонала. И продавец отдела так и не закончил своего движения, не задал своего вопроса. Что-то изменилось тогда в магазине. Тишина разлетелась по всему залу, подобно взрывной волне, от эпицентра, в котором стоял этот странный человек с Кремоной на руках. Погасли звуки, свойственные обычному торговому заведению. Лишь Кремона вздыхала и пела в руках мужчины...

Так было и в следующий раз, когда он снова появился в магазине. Он опять постоял рядом, опять решительно и нежно привлек ее к себе, опять заставил трепетать и плакать в наступившей тишине. Никто и никогда раньше не слышал та-

*Кремона – город в Италии, фирма, производящая музыкальные инструменты, название гитары.

кой музыки. Она не принадлежала ни одному из известных композиторов. Это, скорее, была какая-то импровизация, в которой один музыкальный темп вопреки всем канонам сменял другой, одни звуки непостижимым образом чередовались с другими, не нарушая все же гармонии. Даже легкое дребезжание струны, недостаточно крепко прижатой к ладу, не несло диссонанса, а воспринималось естественно.

В этой музыке не было мелодии, не было темы, которой исполнитель оставался бы верен. Но каждый, кто хоть немного разбирался в музыке, вдруг понимал, что ничего подобного раньше не слышал и не видел.

Никто не знал, когда в следующий раз незнакомец придет в магазин. Это могло случиться и через неделю, и через месяц. Да и появлялся он всегда как-то незаметно. Иногда, лишь услышав, как запела Кремона, все вдруг понимали, что он опять здесь.

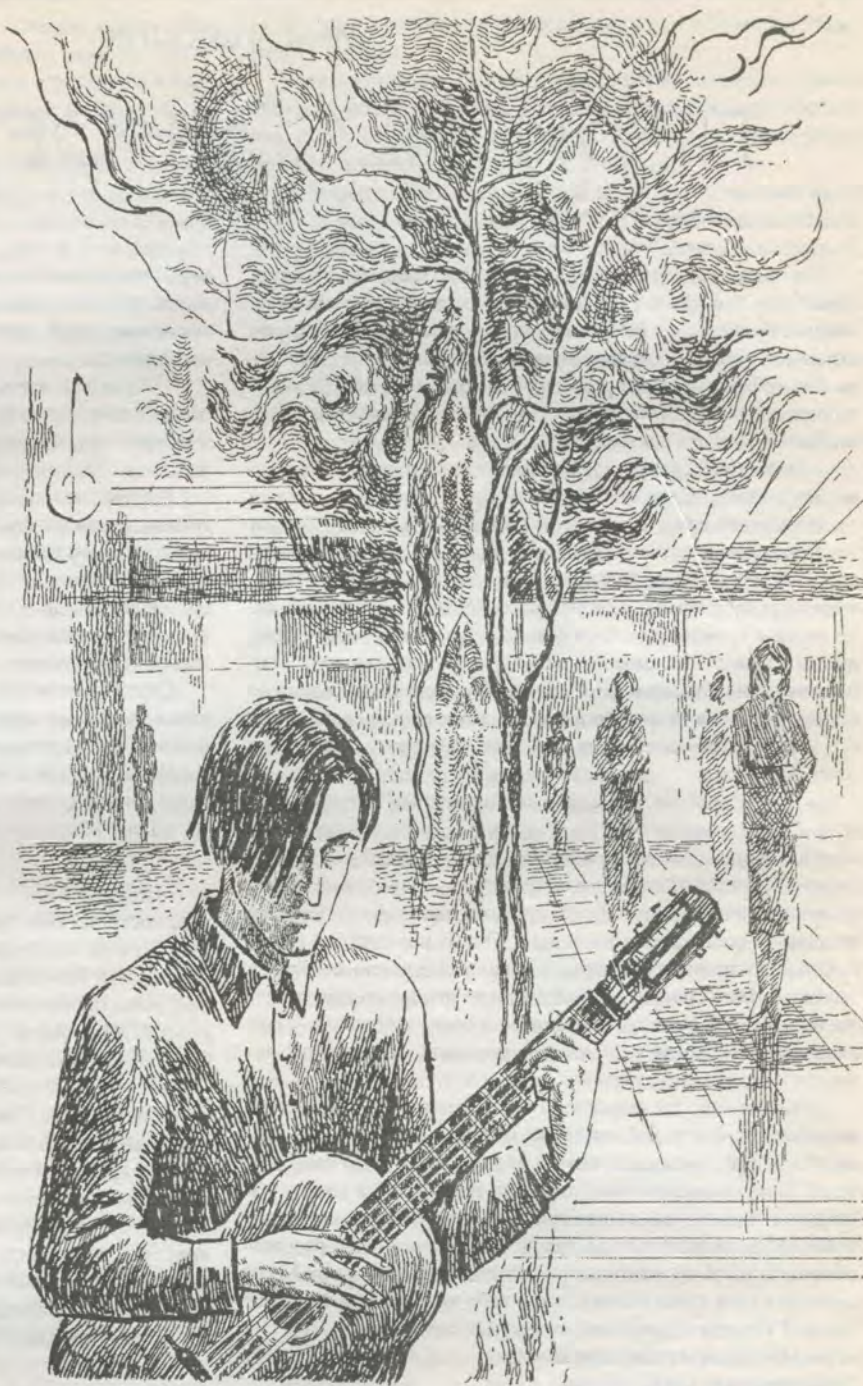
Странный человек не был виртуозом. В магазине бывали и настоящие мастера. Выбирая себе инструмент, они устраивали целые концерты, проигрывая для пробы отрывки из сочинений классиков. Исполнение этих мастеров было безупречным. И все же никто не рискнул бы сравнить их игру с игрой этого странного человека. Так не может сравниться мастерски вылепленная скульптура с веткой обычной сирени. Так несравнимы величественный собор и скалистый утес над речной водой...

На днях странный человек опять приходил. Он привычно направился в тот угол, где всегда ждала его Кремона. Но ее там не было... Штатив, на который она опиралась шейкой точеного грифа, торчал в углу, тускло поблескивая хромом.

Человек стоял и тупо смотрел на этот штатив. Ему казалось, что пыльный блеск хромированного металла рождает в воздухе очертания знакомого силуэта с плавными линиями объемного, но такого легкого кузова, с трогательными завитками струн у колков...

Постояв немного, незнакомец ушел, чтобы никогда боль-

ше не появиться здесь. А где-то среди веселья и праздника жизни пела его Кремона, старательно выводя сложнейшие мелодии. Пела чисто, правильно, без дребезжания струн, небрежно прижатых к ладам.

Художник Оксана Войтюк.

Иван АНДРОЩУК

ПРОИЗНЕСЁННОЕ ВСЛУХ

1.

Он сидел у входа в пещеру. Его захламлял дождь, заметала пыль, а он сидел неподвижно, как изваяние, и молчал. Многие приходили к нему, но ни придворный, ни брахман, ни странник, искавший мудрости, не могли добиться от него слова. Так проходили века: пришло время неверия, и многие усомнились в его мудрости. Тогда старший из учеников, Нарангама, подошёл к нему и спросил:

– О учитель! Не пришла ли пора указать дорогу заблудившимся во тьме? Скажи, о чём твои мысли?

Но мудрец даже не посмотрел на него.

Прошло ещё пятьсот лет, и многое из того, чего опасались, сбылось. Орды варваров пришли из-за гор. Многих убили, многих угнали в рабство: по улицам городов и селений ходили люди в чужеземных одеждах, звучала чужая речь. Оставшиеся в живых поклонялись новым богам, которым чужеземцы построили капища. Но мудрец продолжал неподвижно сидеть у входа в пещеру, и ни слово, ни вздох не сорвались с его уст. И тогда средний из учеников, Девадатта, подошёл к нему и спросил:

– О учитель! Не настал ли час испытаний? Открой нам путь Света!

Но Махакала, мудрейший из мудрых, не удостоил его даже движением глаз. И снова прошло пятьсот лет: «новые варвары» пришли из-за моря. Ни обликом, ни одеждой они не были похожи на всех, кого здесь видели. Они были жестоки и беспечны, они приручили смерть и носили её в длинных чёрных палках. А бога своего, в назидание и устрашение, они распяли на кресте, – изображение этого креста считалось у них священным. И тогда я, Махарика, младший из учеников, подошёл к нему и спросил:

– О учитель! Ты сидишь здесь так давно, что вокруг тебя выросли горы, и за всё это время никто не видел твоего движения, никто не слышал твоего слова. Почему это так, учитель? Быть может, твой дух покинул тело, и тот, к кому я обращаюсь, всего лишь высохший труп, пустая скорлупа человека? Или за долгие годы уединения ты разучился разговаривать и теперь не можешь произнести ни одного слова? Или мудрость твоя столь велика, что в тебе не осталось ни одной мысли? И тогда мудрейший из мудрых заговорил:

– Мысли летят как птицы: слова – это гнезда для птиц. Произнесённое вслух обретает плоть.

Я был тогда молод, самонадеян и потому посмеялся над его словами:

– Как может пустое сотрясение воздуха обрести плоть? Но если это и так, – то почему ты за полторы тысячи лет не открыл своей мудрости?

Махакала сказал:

– Сказанное одними тает, как тень; слова других способны разбудить только другие слова. Из всех, кто приходил ко

мне, только ты обладаешь даром воплощения речи. Этот дар велик, но в нём сокрыта большая опасность. Помни, что всё, сказанное тобой, становится явью. Я предупредил тебя.

Я сказал:

– О учитель, неужели ты после стольких лет молчания заговорил только для того, чтобы сообщить мне эту нелепость? Возможно ли, что если я скажу: «В моей ладони лежит банан...»

Я сказал это и умолк, потому что в моей ладони действительно лежал банан. Я задрожал и швырнул его прочь, как будто это была ядовитая змея. Прошло немало времени, прежде чем я снова смог заговорить.

– Идёт дождь, – сказал я тихо, почти шёпотом, и тотчас на нас обрушилась лавина ливня, хотя небо продолжало оставаться безоблачным.

Спустя мгновение я промок насквозь, как будто был брошен в реку; меня бил озноб. «Дождь кончился!» – крикнул я, и дождь тотчас перестал.

Усилием воли я овладел собой, и, когда заговорил снова, голос мой прозвучал спокойно и почти беспристрастно:

– Гуру Махакала мёртв.

2.

Махарика вернулся к мирской жизни. Он спустился в город, построил себе дом и занялся изготовлением обуви. Шли дни, а люди, с которыми ему приходилось встречаться или иметь дело, не слышали от него ни одного слова: окружающие решили, что он немой, хотя слышит и понимает всё прекрасно. Ни слова не услышала от него и прекрасная Маданасена, которую он взял в жены. Махарика нежно любил свою жену и, как мог, открывал ей свои чувства – однако слова от него она так и не дождалась. Промолчал он даже тогда, когда Маданасена призналась, что у них будет ребёнок.

Тем временем чужеземный гнёт становился всё более беспощадным: завоеватели изнурили людей каторжными работами, били до смерти палками, насиловали девушек и женщин. Человек никогда не позволял себе так обращаться со скотом, как они обращались с людьми. Терпение народа истощилось: принц Раджмаратх поднял восстание.

Из-за моря один за одним стали прибывать корабли с подмогой: для британских солдат война с полуголыми, плохо вооружёнными повстанцами была всего лишь кровавой потехой. Восстание утонуло в крови: принц Раджмаратх с горсткой оставшихся в живых ушёл в горы. Солдаты рыскали по горам, как волки, но отряд повстанцев как в воду канул. В горных селениях и близлежащих городах многие были убиты, многие брошены в темницы, где подвергались чудовищным пыткам. Людей пытали огнём и железом, ломали кости, сдирали кожу, выпытывая место убежища Раджмаратха. Люди умирали: одни – не проронив ни слова, другие – со страшны-

ми воплями и проклятиями, – но никто не выдал принца. Однажды утром солдаты в бриджах и высоких шлемах ворвались в мастерскую Махарики: его схватили и потащили к бывшему дворцу раджей, в котором теперь помещался штаб завоевателей.

Каменный двор дворца лежал в запустении и был занесён слоем песка; зловещие кровавые пятна на песке делали его похожим на шкуру гепарда. Во дворе было полно англичан. В глубине, под широкой парадной лестницей, в тени баньяна, сидели на стульях капитан Симоне и лейтенант Барпи. Офицеры время от времени наливали себе из пузатой бутылки, стоявшей перед ними на походном столике. Махарика швырнула наземь: поверженный Будда у разрушенного фонтана напомнил ему мёртвого учителя.

Лейтенант Барли встал, подошёл к нему, остановился напротив и, упершись стеклом в подбородок Махарики, приподнял ему лицо. – Э, да это молчаливый башмачник! – воскликнул он насмешливо. – А что, молчун, правду ли говорят, что ты спустился с гор? Если это так, то тебе наверняка известно, в какую дыру забились крысы по прозвищу Раджмаратх?

Свистнула и, разрывая ткань и кожу, впилась в тело пленника плеть. Затем снова взвилась и снова вонзилась: Махарика сидел не шелохнувшись, ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Зря стараетесь, лейтенант, – зевнул капитан Симоне. – Этим их не проймёшь.

– Как знать, – Барли хлестал и хлестал, одежда пленника превратилась в лохмотья, кожа покрылась кровавыми полосами, но избиваемый так и не вздрогнул. Наконец лейтенант выбился из сил. Он вытер пот со лба тыльной стороной ладони и приказал:

– Продолжайте, Тейлор.

Подбежали трое солдат. Сержант Тейлор – детина с низким лбом, из-под которого хмуро смотрели глаза палача, – выделялся среди них своей дремучестью и зверской силой. На голову и плечи Махарики посыпались сокрушительные удары палок. Лицо его превратилось в кровавое месиво, из горла хлынула кровь – но он не издал ни звука, и только тело его вздрагивало под ударами. Махарика повалили и продолжали избивать ногами в тяжёлых ботинках. Затрещали кости.

– Отставить, Тейлор, – приказал капитан. – Убивать вы вместе, в этом меня не надо убеждать. Но так вы ничего не добьётесь. Впрочем, я знаю, как развязать ему язык. Килбурн, идите сюда.

Капрал Килбурн подошёл к капитану: тот ему что-то приказал.

Капрал, окликнув двух солдат, ушёл со двора. Вскоре они вернулись – солдаты тащили Маданасену. Махарика попытался отвернуться – но Тейлор, наступив ему на голову, не позволил это сделать.

– Смотри, башмачник, узнаёшь? Вижу, что узнал, – самодовольно ухмыльнулся капитан Симоне. – Быть может, теперь ты вспомнишь, где прячется Раджмаратх? А не то твоей возлюбленной будет очень плохо. Похуже, чем тебе.

Махарика молчал. С Маданасены сорвали сари. Она попыталась прикрыться – но, двое солдат повалили её на спину, силой развели руки и ноги и так прижали к земле, что она не могла шелохнуться. Её огромный живот чуть вздрагивал – до рождения ребенка оставались считанные недели.

Капрал Килбурн построил солдат и сам подошёл к Маданасене первым.

Она закричала – пронзительно, хрипло, отчаянно. После третьего женщина уже не кричала – только громкие протяжные стоны вырывались из её горла. Солдаты всё подходили и подходили – их было не меньше двадцати.

Махарика видел и слышал всё, но ни слово, ни даже вздох не сорвались с его разбитых губ. Когда отошёл последний солдат, Маданасена была ещё жива и даже пыталась подняться, но уже не могла.

Лейтенант Барпи наклонился над Махарикой и заглянул ему в лицо.

– Бесплезно, сэр. Это совершенно дикая, бесчувственная тварь. С тем же успехом мы могли устроить на его глаза изнасилование свиньи.

– Бесплезно?! – капитана задело: он встал и подошёл к Маданасене. – Смотри, башмачник! – он выхватил саблю: клинок блеснул в воздухе и глубоко вошёл в огромный и уже неподвижный живот несчастной. Хлынула кровь. Симоне подошёл к пленнику и присел над ним.

– В своём ли ты уме, Махарика?! Ведь это – Маданасена, твоя жена! Как ты можешь притворяться спокойным?! Махарика выплюнул кровь и заговорил:

– У меня нет и никогда не было жены.

– Не было?! – со злой насмешкой проговорил Симоне. –

Чья тогда кровь на моём клинке? Что это за женщина лежит вот там, с разрубленным животом?

– Это — твоя жена, капитан Симоне.

– Моя? – капитан захохотал, однако крики удивления и ужаса заставили его оборвать смех и обернуться.

На месте Маданасены в той же позе лежала другая женщина. Она была светлокожей и белокурой. Из разрубленного живота хлестала кровь, лезли внутренности, но она была ещё жива. Корчась от невыносимой боли, женщина полными слез глазами смотрела на Симонса и пыталась что-то сказать.

– Вздор... – бледнея, прохрипел капитан. – Элис... Этого не может быть, Элис в Англии, за тысячи миль отсюда...

В этот момент умирающей наконец удалось справиться с речью, и во внезапной тишине прозвучал её шепот:

– Дз-ви...

– Эли!!! – завопил Симоне и бросился к ней. Судорога дикой боли исказила его лицо, он попытался приподнять Элис, сказать ей что-то – но жизнь уже покинула её.

– Это ложь! – отчаянно заорал Симоне, дрожа всем телом. – Элис жива, ты насрал на нас оморочь, проклятый колдун! – он вскочил и, выхватывая клинок, метнулся к пленнику. Но Махарика сказал:

– Капитан Симоне мертв.

И капитан, взмахнув саблей, рухнул на песок. Больше он не пошевелился.

– Что с вами, сэр?! Да застрелите же его! – лейтенант в замешательстве схватился за пистолет, но вытащить его не успел.

Махарика сказал:

– Лейтенант Барли мертв, – и лейтенант свалился замертво.

– Я цел и невредим, – продолжал Махарика. Следы избивания тотчас сошли с его лица, тела и даже одежды.

– Я силён, как сто слонов. Меня не берут пули, – продолжал он, вставая. Солдаты, ошетинившись трясущимися ру-

жьями, пятились к воротам. Махарика пошёл на них, и в его походе чувствовалась такая мощь, что солдаты, бросая ружья, бросились врассыпную. Опасаясь мести страшного колдуна, они разбежались по углам и затаились, точно мыши. Капрал Килбурн спрятался за угол какой-то хижины и дрожал, как осиновый лист. Увидев, что Махарика идёт прямо на него, бравый капрал наделал в штаны. Однако колдун прошёл мимо, даже не взглянув в его сторону. Махарика и не думал кого-либо преследовать — он уходил.

3.

Уже много-много лет я неподвижно сижу у той самой пещеры, где когда-то убил учителя. Многие приходили ко мне, но ни солнце, ни луна, ни зверь, ни человек не добились от меня малейшего движения глаз. Этот мир не стоит ни взгляда, ни вздоха сожаления, ни, тем более, слова.

Говорят, я давно превратился в камень, но у меня нет желания шевельнуться даже для того, чтобы проверить, так ли это.

Художник Татьяна Кулешова.

Наталья ИШКОВА

Прощай, Жангиз

Глава 1. Курс молодого бойца

Наш Жангиз затерялся среди солончаков и сопок в братском Казахстане, куда на благо Родины были посланы служить офицеры, захватившие с собой и нас, своих жён.

Жангиз-Тобе, или Париж-Тобе, как завистливо называют наш военный городок местные казахи, а также сосланные украинцы, немцы, чеченцы, – это оазис в серой полупустыне. Здесь типовые пятиэтажки смотрятся небоскрёбами по сравнению с приземистыми и плоскокрыхими казахскими домишками. Здесь в привозную землю уже пустили корни заботливо поливаемые настоящие деревья: тополя и какие-то местные кривые кусты с колючими ветками и мелкими листочками, повернутыми к солнцу ребром, и потому не дающие тени. Здесь две прямые улицы, клуб с кино и банкетным залами и студийными помещениями. Здесь спорткомплекс с бассейном, гимнастическим залом и сауной. Здесь, наконец, магазины, школа, больница, госпиталь, два фонтана и даже памятник, прозванный в народе Памятником единственным трём испьющим. Это три дядьки в военной форме, которые придерживают левыми руками винтовки, а в правых почему-то ничего не держат.

Нашим миром правят мужчины, часто пьяные или с похмелья, иногда – более или менее порядочные. Почти все они смотрят на нас, женщин, с превосходством, уверенные в нашей беззащитности, и с похотью, замаскированной таким гусарским куражом. Однако, согласно популярному анекдоту, современный офицер, в отличие от дореволюционного гусара, должен быть «слегка выбрит и до синевы пьян». В силу непостоянства всего в этом мире и как здравомыслящая женщина понимаю необходимость обеспечить себе хотя бы относительную самостоятельность. Мне нужна работа! В Жангизе работать – значит служить в армии. Чтобы призваться в её ряды, мне нужно нейтрализовать двух-трёх конкурентов, чем я усиленно и занимаюсь последнее время. Примерно за полгода становится известно, что освобождается вакансия, так как кто-то уезжает по замене на Большую землю – в Россию. Скромное сравнение своих достоинств с недостатками конкурентов обычно бывает неэффективным. Чаще всего всё решает случай. Кто-то кого-то рекомендовал, кто-то понравился или не понравился жене начальника и так далее и тому подобное. Ура! Кажется, получилось – я прапорщик!

Где вы, мои модельные туфельки? Где юбки с романтическими воланами или вызывающие в своей простоте мини? Где блузки из тонкого кружева с кокетливыми бантами и волнующими декольте? Где, наконец, праздник красок: элегантный чёрный, агрессивный красный, солнечный жёлтый, ста-

бильный синий, незаменимый белый? Всё поглотил стиль старых дев времён давно минувших цвета безрадостного болота.

А тут ещё «великое» событие – Союз распался! Теперь мы – остров российской цивилизации среди оседлых кочевников казахских степей. В воздухе запахло грозой. Одна новость тревожнее другой. Обещают введение местной валюты, что ещё больше затруднит проникновение на Родину во время отпуска. Часто отпускные затраты превышают все семейные сбережения за год. Обещают новую армейскую форму и грозят реформой.

С формой напряг – обуви для всех просто нет. Одежда выдаётся по минимуму. Что касается реформы – поднажившись, поменяли вывески. Теперь замполиты называются заместителями по воспитательной работе. Остальное по-прежнему: работают новоиспеченные воспитатели только на бумагах. Армия не детский сад, и методы воздействия здесь достаточно жесткие. Это совсем не те методы терпеливого убеждения и героических примеров, о которых нам рассказывали в советских кино и литературе. Поэтому иногда забавно наблюдать за работой Комитета солдатских матерей. Удивляет лицемерие этих женщин, в чьих семьях ОТНОШЕНИЯ годами складывались на доминировании матриархата или патриархата (разница не имеет особого значения), но не на так называемой демократии. И вот теперь они тупо требуют, чтобы всё было «почестному». Хотят, чтобы их сыновей, превратившихся без женского присмотра в молодых животных, замполиты за короткое время переделали в цивилизованных, умных, сильных, честных и так далее. Не получается – в казармах работает не логика, а инстинкты. Побеждает более хитрое и сильное животное. Особенно тяжело трусливым сынкам, привыкшим прятаться за мамку. Более умные из них пристраиваются на штабную работу под защиту какого-нибудь офицера.

Кто-то, очевидно, очень трудолюбивый, кинул клич – мол, в армии одни бездельники. И теперь мы тоже изображаем показное трудолюбие, которое за неимением материальных средств может выразиться только лишь в показушной муштре. Мы ориентируемся на лозунг «стать все, как один». Офицеров муштровать неинтересно – всё это они проходили уже пять лет в военных училищах. Намного интереснее женщин-военнослужащих уподобить солдатам из казармы. Мы, все как один, проходим этим летом курс молодого бойца, или КМБ. Неважно, что некоторые бойчихи уже служат в армии по десять-пятнадцать лет и имеют взрослых сыновей, часто – офицеров.

Любопытное мы представляем зрелище на плацу – солдат (в основном это казахи) от окон казармы просто не оторвать!

Кепка прячет волосы – два сантиметра от козырька над переносицей и не иначе! Неважно теперь, какие они: роскошные или испорченные завивкой и покраской, длинные или короткие. Всё должно быть спрятано и «подвязано» согласно уставу. Талия или то место, где она должна находиться, ловко перехвачена ремнём. Через одно плечо – тяжёлая сумка с защитой от химического поражения; через другое – сумка с противогазом и минимумом косметики (неуставняк!). За спиной вещмешок с тревожными принадлежностями: бельё, сухой паёк, минимум посуды и так далее. На ногах у кого что – женской военной обуви на складе нет. После того, как мы браво промаршировали в таком виде мимо командира дивизии, он, морщась, изрёк: «Женщины-военнослужащие имеют особенно неприглядный, извините, неприглядный, вид». После этого нам приказано было иметь при себе в строю автоматы, только не понятно, почему комдив забыл про каски? В них бы мы смотрелись ещё страшнее. А, ведь армия, в том числе и женская, должна устрашать!

Мы учимся изготавливаться к стрельбе по уставу. Это целый ритуал: в какую руку брать автомат, что при этом говорить, как подбегать и как располагать ноги, ложась на огневой рубеж. Когда наши девочки Нина с Мариной, комплекции Нонны Мордюковой конца 80-ых, неуклюже проделывали эти па в своих, обтягивающих дородное русское тело, военных штанишках, солдаты-второгодки, проводящие с нами это занятие, от смеха хватались за животы, смущённо отворачиваясь.

Следующим испытанием была стрельба настоящими, боевыми патронами. От волнения и страха вначале почти никто не попал в цель. Галка нервно курила, сигарета дрожала в её пальцах. Крошечная Ирочка (метр пятьдесят три ростом) плакала и потирала огромный синячище на плече. Ленка вместо того, чтобы стрелять тремя очередями, выпустила все патроны зараз. Но всех переплюнула Зинаида. Она просто навела заряженный автомат на обучающихся нас офицеров и спросила: «А куда стрелять-то?» Офицеры быстро и чётко выполнили команду «ложись» и только потом громко и нервно стали указывать направление стрельбы.

К концу КМБ наша группа выглядела почти молодецково. Держались мы намного бодрее, чем вначале, и на это было несколько причин. Во-первых, просто привыкли – люди привыкают ко всему. Во-вторых, научились хитрить. Так, я на строевые занятия клала в сумку для химзащиты на дно поролон, сверху (для маскировки) то, что полегче, то есть защитную куртку, а тяжёлые сапоги со штанами оставались дома. Некоторые рисковали ещё больше и на строевые занятия являлись с подушкой в вещмешке. В-третьих, после тактической тренировки в полевых условиях наша группа заметно сдружилась. Как только мы совершили марш-бросок за ближайшую сопку, так сразу же нагло, не обращая внимания на нашего командира, молодого старшего лейтенанта, расположились на кустистой, уже выжженной солнцем, травке. Из противогазных сумок на этот раз мы достали не косметику и, конечно, не противогазы, а закусок с дразнящим запахом. Ещё мы достали оттуда же то, чем это нужно было запивать: чай, морсы и кое-что покрепче. Старлей сдался нам без боя. Тем более, что его молодая и неработающая жена ещё в конце мая вместе с ребёнком укатила к своим родителям в одно из суве-

ренных государств бывшего Союза на фрукты, и молодой отец уже достаточно оголодал во всех отношениях этого слова, имеющего несколько значений в армейской мужской среде.

Я заметила, что все офицеры разделились на две категории. Одни вначале комплексовали, не понимая, как нужно обращаться с часто далеко не молодыми, но всё-таки «молодыми бойцами» женского пола. Потом они стали проводить линию фиктивности и куража в занятиях с нами, понимая всю их ненужность. Другие, тоже комплексуя, но по-своему, срывались на крик и грубость, привыкнув выполнять любые приказы по-солдафонски буквально. Те и другие, однако, отмечали, что с нами работать намного легче, так как мы добровольно пришли в армию, а солдат-срочников в неё загнали силой. Любую женщину, в отличие от пацана-солдата, было легко поставить на место фразой: «Не нравится – увольняйтесь! В армии женщин нет!»

Однако, несмотря на эту расхожую фразу, никто не мог изменить нашу женскую физиологию! Как-то весельчак, майор Гомаз, объяснял нам, как нужно сдавать на зачёт упражнение «отжимание от пола с упора лёжа»: «Спина должна быть прямой, руки сгибать в локтях, касаясь грудью пола...» Наша Зинаида тут же растянулась на полу. Затем приподнялась на вытянутых руках, её пышная грудь пятого размера почти касалась пола. «Может, не надо руки-то сгибать?» – спросила она под наше одобрителное хихиканье. На что Гомаз тут же нашёлся:

«А вам и так – отметка «отлично»!»

У нас выпускной КМБ. Самые активные из группы договорились в клубе о предоставлении нам компьютерного класса для проведения этого мероприятия. Все готовят выпускные наряды, предпочтительно мини и декольте. Хотят наповал убить своим видом преподавателей, которые тоже обязательно будут. Девочки злорадно предвкушают, как, увидав их, суперсексапильных (после уродующих фигуру афганок), обалдевшие офицеры с ошалевшими глазами будут метаться, судорожно выбирая цель. Вот тогда мы покажем, кто на самом деле командует парадом!

Готовится культурная программа: сценарий, танцпрограмма, частушки на актуальную тему...

-Дурманом сладким веяло,
Когда цвела польнь.
Когда в мишень мы целились,
Нам взводный стал родным!
И я уже не прятала
Своих счастливых глаз-
Мишень вся продырявлена,
А взводный рад за нас!
-В Бурда Моден как посмотришь:
Не модель, а просто класс!
Но пускай она попробует
Натянуть противогаз!
-Строевой мы скажем нет,
Хоть и там нужна сноровка,
Ведь всего милее нам
Тактическая тренировка!

Последний куплет явно навеян воспоминаниями о тактическом ужине за сопкой. Всех частушек просто не упомянешь – сочиняли группой последнюю неделю занятий. Столы на-

крыты принесённой из дому снедью и выпивкой. Чей-то, взятый напрокат, магнитофон заряжен заводной музыкой. Аудиокассеты с любовной романтической тематикой также ждут своего часа. Смущённые преподаватели восседают во главе стола. В центр зала выходит наша Зинаида:

– Группа, слушай приказ!

ПРИКАЗ

Командира войсковой части КМБ-24Ж 13 июня 1993 г.

В связи с торжественным концом курса молодого бойца взвода №24Ж Приказываю:

1. Объявить благодарность женщинам-военнослужащим, прошедшим КМБ, с заведением (с возможным занесением) и с последующим выносом из класса компьютерных игр.

2. Присвоить досрочно звание «подполковник» майору Польшгалову С.А. За чуткое и ненавязчивое руководство наградить майора Польшгалова С.А. бесплатной путёвкой и отпуском с выездом на историческую Родину, со своевременной выплатой ему компенсации в российской валюте.

3. Руководителя курсов капитана Гомаз В. И. наградить медалью «За отвагу», бесплатной поездкой на озеро Солёное* на два дня с усиленным шестиразовым питанием (желательно, борщом).

4. Начальника химической службы капитана Палёнова А. П. безвозмездно наградить десятиразовым надеванием ОЗК** с обязательным употреблением закусовых изделий, не снимая противогаза (норматив № раз).

5. Старшего лейтенанта Худайбердыева А. Ю. за проявленный непреклонный характер и регулярное проведение тренировочных занятий с женщинами гарема №24 наградить новым гаремом №26.

6. Капитану Сас С. В. разрешить ежедневное ношение гражданского наряда на службу как достойному представителю свободной Украины.

7. Приказ довести до лиц, в части касающейся. В случае непредвиденных накладок всё происшедшее списать на пятницу, тринадцатое.

13 июня Подпись (неразборчива)

Из этого шуточного приказа явствует, кто из офицеров нам более симпатичен, а кто нет. Но на всю громкость включена музыка и... Понеслась!

Глава 2. Отпуск

Вагон поезда, скрипя, шатаясь, лягая и дёргаясь, тянется по серой полупустыне Семипалатинской области. За окнами унылый и надосевший пейзаж. Я с сыном направляюсь в отпуск. Вначале мы полетим из Семипалатинска в Ленинград, где отдохнём на военной турбазе. Потом я отвезу сына к родственникам в Пермь, там встречу с приехавшим позже меня в отпуск мужем и передам ему сына, как эстафетную палочку. В результате ребёнок проведёт всё лето в более комфортном климате. В общем вагоне (других билетов взять не удалось), как обычно, полно народу. Билеты в основном только у русскоязычного на-

селения и у тех, кто едет издалека. Казахи путешествуют чаще всего группами, не обращая внимания на количество свободных мест в купе; как овцы, жмутся друг к другу, слушаясь только своего вожака. Мы с девятилетним сыном примостились кое-как, окружённые чьими-то корзинами и метками. У меня под ногами прямо по заплёванному полу ползает то ли грязный, то ли смуглый малыш. Его мама, небрежно одетая, но молодая и ещё довольно миловидная, по-казахски о чём-то оживлённо щебечет со своей подружкой. Обе шёлкают семечки, сплёвывая шелуху на пол. Их спутники, молодые казахи (по всей видимости, мужья) пьют пиво. Подмигивая, предлагают выпить и мне. Я отказываюсь. Потом они вместе с моим Саней играют в карты, по-деревенски грубовато подшучивают над ним и громко хохочут над своими же шутками. Саня обижается и нервничает, вызывая этим новые приступы шуток и хохота. Затем неожиданно начинает схибно и зло отшучиваться. Наступает недоуменное молчание.

Вдруг недалеко от нас вспыхивает ссора. Невысокий казах лет тридцати-тридцати пяти, в шляпе, весь кругленький от лоснящегося лица до выпирающего из-под пиджака животика, злобно кричит мужчине примерно того же возраста славянской наружности, судя по одежде – местному сельскому жителю: «Заткнись! По Казахстану едешь! Сейчас вышвырнем тебя из поезда!» В ответ срывающийся от обиды крик: «Мы вас, грязномазых бездельников, работать научили! Вы без нас с голоду подохнете!» Постепенно почти весь вагон втягивается в спор «кто виноват», в котором этих самых виноватых объективно найти просто нельзя. То там, то здесь слышатся угрозы и оскорбления. Мы с Саней притихли и упорно что-то пытаемся разглядеть в опостылевшем пейзаже за окном.

Я никогда не ввязываюсь в такие споры, потому что (как это не покажется странным) мне бывает часто стыдно за нас, русских, хотя по национальному признаку казахи мне и менее симпатичны. Я видела на видеокассетах исторические съёмки ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне: от наземных и воздушных до так называемых подземных взрывов. Видела ужасающие следы разрушений, слышала бодрое бахвальство диктора, называющего страшные цифры. Была удивлена преступной недалёковидностью организаторов всего этого. Неужели никто тогда не знал, что живущие в области местное население и наши русские военные, обрабатывающие места испытаний, обречены на ужасные болезни? Живя в Семипалатинской области, до 1991 года я и сама ощущала подземные толчки ядерных испытаний, похожие на лёгкое землетрясение, и всегда, особенно когда ветер был в нашу сторону, испытывала после этого недомогание. А ведь мы от полигона были удалены на двести километров, а испытания были подземными! Хотя «подземные» – это всего лишь горизонтальная шахта в рыхлой сопке.

Как ни странно, весь этот гвалт прекращает спокойный и усталый голос пожилой крестьянки, в которой долгие годы жизни здесь не стёрли черт южной славянки. Она говорит что-то банальное про тяжёлую жизнь, но интонация умудрённой матери, надорвавшейся на непосильной работе, кого-то успокаивает, а кому-то, наверное, становится и стыдно. Казах в шляпе недовольно дёргает за рукав толстая жена. Её хитрые узкие глазки приподняты к вискам круглыми щеками, руки с

* – Озеро Солёное – одно из многих мелких озер солончаковой полупустыни Восточного Казахстана, расположенное в трех километрах от Жангиз-Тобе.

** – Общевоинской защитный комплект из резины.

грязными ногтями украшают массивные золотые кольца с яркими камнями. Постепенно вагон успокаивается.

В Семипалатинске наши спутники вначале пытаются объяснить нам дорогу в аэропорт, а затем просто помогают донести вещи до нужного автобуса. Они удивлены, что мы настолько богаты, что можем себе позволить такой дорогой перелёт, ведь для них это просто нереально. Я объясняю, что дорога у нас бесплатная, так как я прапорщик российской армии. В их глазах уважение и зависть. Прощаемся, желая друг другу всего наилучшего.

Аэропорт поражает гнетущей тишиной. Кассы закрыты, в залах ожидания пусто. Периодически забредают какие-то подозрительного вида мужчины, явно не пассажиры. Я больше года прожила в изоляции, выезжая лишь изредка за тридцать километров в райцентр с удобствами на улице. Происшедшие за это время перемены для меня пока не понятны. Где люди, и почему не работает аэропорт? Я ещё не понимаю, что мы уже стоим на пороге гиперинфляции и обнищания народа в России, а в отделившемся Казахстане этот процесс набирает обороты ещё быстрее. До четырёх утра сидим с Саней в пустом зале ожидания, испуганно прижавшись друг к другу. Наконец, появляются первые пассажиры. Ура! Рейс на Ленинград не отменён. В российском самолёте даже подали завтрак, что было очень кстати, ведь в семипалатинском аэропорту мы могли лишь попить воды из-под крана.

И вот я с наслаждением вдыхаю пропитанный водяной пылью, ну просто мокрый по сравнению с жангизовским, ленинградский воздух. Я с почти пьяным от переполняющих меня чувств умилением смотрю на такие родные русские лица доброжелательных ленинградцев.

Мы с Саней отдыхаем на военной турбазе Разлив, что в часе езды на электричке от Финляндского вокзала. К счастью, турбаза совсем не похожа на знаменитый шалаш вождя пролетариата, а имеет вполне современный и благоустроенный вид. После полуполевого времени препровождения в Жангизе я категорически отказываюсь от любых, даже самых романтических, походов и всё свободное от пляжа и озабоченных ухажёров время провожу в городе.

Исторический Ленинград очаровывает меня в любую погоду – это просто огромный единый дом под открытым небом, где всё подчинено одной до конца не ясной мне цели. Меня не смущают свалки на задворках, странная разница в ценах на одно и то же. Зато ошарашивает изобилие продуктов и просто вызывающая подозрение вежливость продавцов в магазинах. Что касается шмоток, то я пока выжидаю, растерявшись от назойливой рекламы и изобилия «настоящих» фирм. Мой кошелек пустеет под воздействием многочисленных гастрономических и развлекательных соблазнов, но основные покупки впереди. Я привезла с собой почти все наши сбережения и планирую одеть семью.

Бреду по ночной набережной на исходе поры белых ночей. На душе ощущение, похожее на это состояние природы, впечатляющее после тёмных ночей Жангиза. Вижу и не вижу плещущиеся волны Невы – их цвет сливается с дымчатым воздухом. Глажу голову нереального существа у подножия сфинкса – говорят, сбудутся загаданные желания. Я вся наполнена щемящей светлой грустью. Мерцают огоньки разводящегося моста... Уже поздно – пора в экскурсионный автобус.

В автобусе задумчивую меланхолию нарушает мой спутник, можно сказать, соратник по турбазе. Удивляюсь, как он, подполковник лет сорока, сохранил такие губы в форме кокетливого банта, ярко-розовые и влажные. Впрочем, это, наверное, объясняется тем, что он живёт с мамой в Москве и преподаёт в военном училище, а не мотается по жаркой или холодной, сухой и ветреной полупустыне. Я просто не могу отвести взгляда от этого рта, тем более, что светло-голубые глаза отсвечивают за стёклами очков. Подполковник слегка пьян и, может быть, поэтому в ударе. Уже в течение получаса он читает чьи-то стихи про любовь, периодически прикладывая губами к моей руке. Постепенно меня охватывает необъяснимое веселье, светлой грусти нет и в помине. Подполковник обижается, но азарт охотника подхлёстывает, и он с новым оптимизмом берётся читать стихи, но уже из Галича, едкие и злые. Мне немного стыдно, я восхищена его памятью, но в голову назойливо лезет глумливое: «Наша Таня громко плачет...» Приехав на турбазу, романтик уверенно увлекает меня в тень растущих у забора кустов. Довольно грубо попытается задрать на мне длинный свитер, запроващенный в брюки. Тяжело и противно дышит мне на ухо. Неожиданно я охлаждаю его пыл любознательным вопросом: «А сколько раз ты можешь отжаться на руках от земли с упора лёжа на животе, а сколько раз сесть из положения лёжа на спине?» Мой герой, на секунду опешив, решает бороться до конца и окончательно сбивает себе дыхание, демонстрируя возможности ещё не старого мужчины. Но тут у меня кончаются все остатки приличия и мне приходится принять соответствующую позу, чтобы не уписаться от смеха... От души отсмеявшись, я удаляюсь под недвусмысленное: «Фригидная!»

Воистину, хорошо смеётся тот, кто смеётся последний! Наутро меня ошарашивает не поддающийся объяснению моего примитивного ума очередной этап экономической реформы нашего государства. Зачем-то срочно, за очень ограниченное время, всем россиянам необходимо поменять старые деньги на новые точно такого же достоинства. Транзитникам будут менять ничтожную сумму, которой нам с Сашей едва хватит на обратную дорогу. Куда мне девать свои остальные деньги – они ведь все «старые»? Я обратилась к своему поэту-романтику с просьбой поменять хоть что-то из моих денег на его имя. В ответ – отказ с чувством превосходства воспаряющего орла над подпрыгивающей от страха курицей.

С ощущением, с которым я ем ненавистную перловку: противно, липко, но полезно, а значит, надо: обращаюсь с этой же просьбой к ещё одному ухажёру. Он только вчера вернулся из похода, и поэтому я его ещё не успела обидеть. У него сложенный гармошкой, покатым лоб и вздёрнутый нос. Как большинство пьяниц, он довольно добрый и здорово меня выручает. В моём кармане рублей сорок «новых» (в переводе на современные деньги), а у него есть даже «зелень», то есть доллары. И хотя официальный обмен в тот день был прекращён, в первом же баре он поменял эти самые зелёные на «деревянные» рубли.

В ожидании, пока подойдёт наше время получать свою порцию деревянных, мы два дня бродим по Ленинграду, периодически отмечаясь в очереди утром, в обед и вечером. В очереди одни старушки – наверное, активное население всю наличность давно держит в зелёных. Это мы в Жангизе от-

стаём от жизни, и у нас нет даже обменного пункта. Я ещё не знаю, что очень скоро и у нас появится обменный пункт, только менять там будут уважаемые российские рубли на казахскую национальную валюту, которую мы станем называть фантиками.

Мой спутник отлично знает Ленинград – он когда-то здесь учился. Город просто не может наскучить и надоесть – так в него я влюблена – насладившись стройностью мрачноватой европейской готики, можно переключиться на затейливые русские храмы-терема. А после уютной тихой зелени парка с сентиментальным прудиком, утками и гусями, можно пойти на продуваемую всеми ветрами Неву, чаще всего стального цвета, с её великолепной помпезной набережной. Нева воспринимается мной как дремлющее земноводное чудовище, пугающее тем, что оно может неожиданно и непредсказуемо проснуться. Когда я устаю, мы заходим в какое-нибудь недорогое, но уютное кафе, где мой спутник угощает меня минимумом закуски, выбранной мной, а себя – максимумом выпивки. Минимум и максимум контролирую я. Каждый раз, дойдя до необходимой кондиции, он пытается пожаловаться на многотрудную жизнь военного москвича. Оказывается, у них там всё так дорого! (У нас нет почти ничего. Начальники не хотят вникать в их положение и норовят побольше спросить с подчиненных, в результате остаётся так мало времени «делать деньги»). Мы же в это время только и делаем, что служим Отечеству, выполняя договор суверенных государств. О возможности «делать деньги» нет и речи. Мне бы его проблемы! На третий день ожидания нами своей очереди, президент снимает ограничение времени и суммы обмена. Нет слов – одна ненормативная лексика!!!

Наконец, мы обмениваем все деньги. В этот вечер сидим в кафе дольше обычного. Монотонные страдания моего спонсора заглушает хрипловатый и нахальный голос певицы «И ликёром подпавать дурочку будешь, и духи обещать, и колготки сулить...» На моё предложение вернуть долг спонсор возражает, что подполковники у прапорщиков денег не берут. Из этого явно следует, что он хочет натурой. Приходится позволить ему напиться, а затем спровоцировать ссору.

Как-то на танцах меня представляют мужчине, выгодно отличающемуся от основной, постоянно жалующейся на жизнь, массы отдыхающих. У него всегда довольное смеющееся лицо. Он раздаёт всем желающим визитку какого-то чина отдела кадров министерства обороны. Этот счастливчик отдыхает с молодой красивой любовницей и её двумя малолетними детьми. Мне оказана честь познакомиться поближе и обсудить вопрос о переводе моего мужа из «этой дыры». Что я могу ему предложить? Ничего у меня нет: ни необходимой суммы денег, ни талантов сексуальной обольстительницы.

Ну вот, время подходит к отъезду, и можно подводить итоги. Деньги все обменены и потрачены на культурные и не очень культурные развлечения, а также на одежду мне, сыну и мужу. Чемодан неподъёмный, и опять в дороге мне придётся к кому-нибудь приставать с просьбами о помощи.

Перед самым отъездом подполковник с поэтическими наклонностями угощает меня кофе в кафе напротив знаменитого Шалаша. Он рассказывает о романе с «просто великолепной» женщиной с нашей турбазы – думаю, хочет зародить во

мне зависть. Выпив коньяку, доверительно сообщает, что после отпуска они вплотную займутся тем, чтобы прекратить «этот бардак и развал в стране». Я ещё не знаю, как их потом назовут... и не придаю его словам серьёзного значения.

Шёл 1993 год... До свиданья, Ленинград!

Глава 3. Выживание

Чувствую себя мышью, которая добровольно вернулась в мышеловку. У меня зловещее предчувствие беды. Улицы Жангиза этим летом обезлюдели. Нет прогуливающихся с колясками молодых мамочек. То там, то здесь видны контейнеры с вывозимым домашним скarbом. Ветер ворошит мусор за домами. Престижные места продавщиц и медсестёр, ещё недавно занятые жёнами офицеров, всё чаще укомплектовываются местными казашками. Парикмахерская закрылась.

А по телевизору показывают искажённые политическими страстями, к чему-то призывающие лица перед Белым Домом. Может быть, где-то там и мой знакомый с турбазы Разлив? Не знаю, чего они хотят, а я хочу домой... Правда, не знаю, есть ли у меня дом. С родителями уже давно нет тесных связей. Но нельзя серьёзно считать домом и квартиру в кое-как сляпанной солдатами пятиэтажке, возвышающейся посреди полупустыни в суверенном государстве, где неожиданно решили, что Казахстан должен быть для казахов.

Все куда-то стремятся уехать. В посёлке, соседствующим с военным городком, тоже паническое бегство. Немцы, наконец-то, получили возможность выехать в Германию. С их отъездом Казахстан очень много потеряет. Ведь в основном, лучшие специалисты здесь – это немцы. В ближайшем районе немецкие дома резко отличаются от казахских. Это, как правило, ухоженные и продуманно благоустроенные усадьбы. Сейчас они продаются за бесценок. Казахи изначально не соглашались на реальную стоимость. Затем в назначенное время приносят половину от назначенной суммы, остальное улыбочиво, с извинениями обещают принести завтра. Потом послезавтра. Потом... И вот бывшие владельцы уже вынуждены уехать почти ни с чем.

Чеченцы, как и раньше, держатся хозяевами. Молодцеватые и наглые, они всё ещё диктуют свои правила. Почти все продавщицы в посёлке – чеченки. Их не спутаешь ни с кем: на волосах обязательная газовая косынка, остальная одежда вполне современная. Естественно, декольте и мини отсутствуют. Мужчины-чеченцы не работают, они периодически появляются то в посёлке, то у нас в городке, там празднично прогуливаются, то ли что-то вынюхивая, то ли контролируя. Говорят, что они все так или иначе связаны с наркотиками. Во всяком случае, достать у них папиросы с анашой – не проблема. Ещё год назад на наших дискотеках в военном клубе чеченцы лидировали. Они любили приглашать русских девушек. Любили ввязаться в драку как бы из-за русских девушек. Но обычно не приставали к нашим, если видели, что это семейная пара или компания. Поэтому мы ходили на дискотеки обычно именно своими компаниями. Зато казахов чеченцы лупили просто так, безо всякой видимой причины, наверное, за то, что они явно были слабее. В офицерской среде считалось дурным тоном, если русская девушка гуляет с чеченцем, так как всем было известно, что он на ней не женится. Во многих семьях

за годы жизни здесь уже подросли дочери-невесты. Я наблюдала трагическую любовь одной такой нашей девушки яркой и пышной кубанской наружности со стройным молодцеватым чеченцем. Они встречались уже лет пять и явно любили друг друга, но жениться на ней ему не разрешал чеченский клан. В начале этой зимы между чеченцами и казахами разгорится настоящая война. Казахи, вдохновлённые пробудившейся национальной гордостью, и чеченцы, почуявшие невыгодность своего дальнейшего проживания здесь, станут поджигать дома и резать друг друга. Потом чеченцы получают статус беженцев и всем кланом выедут куда-то в Новосибирскую область. Только тогда влюблённым представится возможностью сбежать вместе. Но это будет лишь исключением из правил.

Из военного городка получили возможность свободно выехать белорусы и украинцы. Многие уже этим воспользовались. Но не все! Есть такие, которые хотят дослужить в России до пенсии, а затем, получая эту пенсию, менять её на свою более дешёвую национальную валюту и жить сравнительно более обеспеченно. Русский рубль ценится во много раз дороже, чем украинский купон, белорусский заяц или казахская тенге. Кстати, в городке уже меняют рубли на казахскую валюту, но желающих почти нет, разве что поменять наоборот – тенге на рубль.

Министр обороны России подписал приказ о выплате российским войскам в СНГ денежного довольствия в местной национальной валюте, чем ещё больше понизил материальный уровень военных. Это было предательство. Тем более, что нас удерживали в Казахстане насильно. Мы все хотели домой в Россию. Наши офицеры, узнав об этом приказе, отказались сдавать проверку московской военной комиссии. Отказались дружно, но назначили пару-тройку зачинщиков. Их уволили буквально за сутки. Я знала одного майора из так называемых «подстрекателей». Он уже прослужил в армии около пятнадцати лет и в обычной жизни никогда не был дебоширом. А тут, спьяну, попался на глаза кое-кому из проверяющих и сказал кое-что о том, что он думал об их чести и совести русских офицеров, приехавших к нам только для того, чтобы забрать последнее, что ещё осталось. Основная цель любой армейской проверки, куда бы и откуда бы она ни ехала, – это на халюву выпить и отдохнуть. Так, даже тогда, когда в Жангизе не будет работать ни один магазин, проверяющие везут от нас вертолётном коробку со сливочным маслом (единственным, чем у нас ещё почему-то можно будет поживиться). Ну а водкой и бараньим шашлыком их встречали и провожали традиционно. И вот вся пятнадцатилетняя служба Родине моего знакомого майора-«зачинщика» забыта, и его выкинули с семьёй без денег, без квартиры и без гражданской профессии. Обидно! Мне приглянулось – остаться у разбитого корыта никому не хотелось.

И наступила жуткая зима, какой не было в нашей жизни... Перед Новым, тысяча девятьсот девяносто четвёртым, годом произошла авария на котельной, и мы остались без отопления и горячей воды. В местной солончаковой земле трубы очень быстро разрушались, поэтому их прокладывали над землёй, утепляя стекловатой и облицовывая жёстью. Однако всё равно трубы необходимо было менять очень часто, так как вода из скважин тоже была солёной. В эту зиму из России перестали к нам поступать не только трубы. Вышли

из строя отопительные котлы. Наш городок оказался частью России, брошенной на выживание. Вначале все думали, что без тепла надолго нас не оставят, ведь зимы в Жангизе суровые. Потом сожгли весь газ. Новый из России не поступал. Потом стали выходить из строя электрокабели – ведь жители обогревались и готовили пищу с помощью электричества. Случалось так, что целые дома стояли без электричества несколько суток. Электрокабели – это единственное, что как-то доставали и меняли, иначе бы мы просто погибли. Мёрзлую и каменистую почву копать было невозможно, поэтому электрокабели прокладывали над землёй, цепляя за деревья. По ним, как по лианам, иногда карабкались дети, не понимая, что внутри этой «лианы» смертоносное напряжение. Жизнь в городке теплилась только за счёт электричества, но Казахстан в целях экономии отключал его примерно часов на пять в сутки. В квартирах был постоянный холод. Обычно вся семья ютилась в какой-нибудь одной комнате, где с помощью электричества поддерживалась температура градусов пятнадцать. В остальных комнатах она держалась на уровне примерно плюс пять. Магазины и больница закрылись, а затем их по ночам стали разрушать, выбивая окна и грабя внутренние помещения. Неразрушенным остался лишь госпиталь, так как там всегда были люди. Закрытую школу разграбили частично, ту часть, за которой не смотрели вовсе. Фасады домов становились похожими на шахматные доски – в пустующих квартирах выбивали окна и двери. Всё происходило постепенно и неожиданно, и мы никак не могли поверить, что нам никто не поможет.

Офицерам истребительного российского полка, дислоцированного поблизости, однажды поутру объявили, что их полк передаётся дружественному Казахстану. Мол, выбирайте: хотите – служите Казахстану, хотите – на все четыре стороны. Это новое предательство поразило всех нас ещё больше. Получалось, что вся прошлая, честная служба лётчиков была просто зачёркнута! Получалось, что выгоднее было бросить самолёты и высококлассных специалистов, чем вывезти их на Родину. А ядерные ракеты отдать Казахстану не слабо?

Однако наши мужчины-ракетчики в это время уехать не могли, потому что их судили бы за дезертирство. Многие жёны с детьми уехали к родственникам. Мужчины должны были заступать на боевое дежурство, уезжая на ракетные комплексы далеко в степь. Пустые квартиры часто грабили, в лучшем случае без тепла стены покрывались льдом, а вода в трубах замерзала. Тогда офицеры стали селиться по двое-трое в одной квартире, чтобы кто-то всегда был дома. По вечерам они пили, чтобы прогнать страх за себя и семью. А потом, некоторые из них стали умирать...

Мой сослуживец, майор Григорьев, жил с двумя товарищами, такими же соломенными холостяками, как и он сам. Каждый вечер, вернувшись в холодную квартиру, садились вокруг самодельного «козла», который поддерживал в их доме относительное тепло. На службе не хватало и таких обогревателей. Как обычно, пили, часто при свете свечей или керосиновой лампы. Плановое отключение электричества приходилось во время с 19 до 22 часов. Григорьев уже давно чувствовал себя нехорошо, но в госпиталь обратился лишь раз. Там принимали только в исключительно тяжёлых случаях, ссылаясь на отсутствие условий работы с больными. Григо-

рьева посчитали просто недомогающим. В этот вечер он не пил, лежал в полузабытьи. Рядом, окружённые батареей пустых бутылок, за столом, заваленным засохшим мусором и объедками, его товарищи пьяно трепались за жизнь. Наверное, Григорьев уже не различал бред в своей голове от кошмара наяву: мечущиеся тени от языков пламени свечи, жестикующие люди, обрывки пьяных фраз. Когда у него началась агония, товарищи растерялись, хотя могли бы заметить состояние умирающего раньше, если бы были трезвее, если бы были сильнее, если бы... К сожалению, это был не первый и не последний случай нелепой смерти.

На следующий день всех оставшихся еще в городке женщины, в основном военнослужащих, собрал комдив. Он уговаривал не уезжать, говорил, что бросать в тяжёлое время своих мужей (оказывается, таких слабых по сравнению с нами) – это предательство. Обещал, что нам помогут, что скоро нас переведут домой в Россию. Обещал, убеждал, стыдил. Нам, женщинам, ещё раньше, сразу после аварии на котельной, официально было разрешено находиться на службе до обеда, допускалось уходить домой ещё раньше, чтобы поддерживать в доме относительное тепло и добывать пропитание. Однако нас обязали нести наряд по сощоаг-ской столовой: чистить овощи, мыть полы, убирать со столов и прочее, то есть обслуживать солдат, которые уже не могли обслуживать себя сами, так как день и ночь по уши в мазуте пытались восстановить котельную.

После собрания у комдива наш командир, полковник Штамбур, объявил, что не допустит, чтобы пострадала семья Григорьева. Он предупредил, что если нужно, то придется нам скинуться, так как заключение вскрытия тела Григорьева в райцентре Георгиевка должно содержать приличную причину смерти достойного офицера, каковым, кстати, он и являлся. У детей должна быть пенсия по потере кормильца, а жене не должно быть стыдно за мужа, который отдал Родине восемнадцать лет и давно уже должен был бы служить в более приличных условиях, если бы хоть какая-то была справедливость на свете. Штамбур сам поехал в Георгиевку, но оказалось, что и без его вмешательства уже поставили диагноз. Григорьев умер от плеврита, приведшего к отёку лёгких. Его пьяные товарищи и соседи по жилищу с почерневшими небритыми лицами обдирали жезь с крыши гаражей на гроб. Во время прощания с Григорьевым один из них упал в обморок. Мы, женщины, рыдали. Мне почему-то вспоминались слова песни: «Да, гвардии майор здесь никому не нужен, как белая сирень под каблуком сапог...» Было страшно, что и нас раздавит жизнь, как эту сирень.

Основными ощущениями той зимы стали холод и страх. В магазине продавали только хлеб, за которым стояли в очереди по два часа. Потом приспособились: ездили в Георгиевку, покупали хлеб мешками, а потом морозили его на балконе. Некоторые научились печь хлеб в электро духовке. Продукты питания за российские рубли покупали на всю неделю в субботу утром на контрольно-пропускном пункте у местных жителей, что и для них и для нас было выгодно. Да, если бы не российский более стабильный, чем тенга рубль, мы, может быть, просто подошли бы с голоду. В будни продукты купить было негде. Водку же продавали или меняли всегда и везде местные жители, свои офицеры и их жёны. Её уважи-

тельно называли СКВ – стеклянная, конвертируемая валюта (не путать со свободно конвертируемой валютой).

После девятнадцати часов вечера старались из дома не выходить – страшно. По неосвещённым улицам шныряли подозрительные элементы, в большом количестве появившиеся в нашем городке. Одиноким возвращающихся домой офицеров часто зверски избивали. Иногда доставалось и женщинам. Мы стали ходить по улицам с газовыми баллончиками и пистолетами. Мы приспособивались, мы выживали... Выжить помогали дружба и любовь.

Может быть, с точки зрения обывателя, не знающего, что такое прожить без горячей воды и в холоде полгода, это была пьяная дружба и грязная любовь, но спустя годы я буду снисходительно и пренебрежительно смотреть на них, «чистеньких», отсидевшихся на кочках в болоте их жизни. Я буду с грустью вспоминать друзей из Жангиза. Такой дружбы и такой любви у меня больше не будет никогда.

Глава 4. Аксёнов

Я обратила на него внимание ещё давно, как-то осенью в девяностом году. Осень – самая лучшая пора в Жангизе. Утром ярко-синее небо. Безветренно. Немногочисленные клёны в городке горят мелковатыми красными листьями. Тополя с пожелтевшими кронами. Прохладно, трава покрыта росой, иногда – инеем. Для удовольствия я пешком иду до КИЛа (контрольно-измерительной лаборатории), что расположена километрах в шести (на «шестёрке») от жилой зоны. Асфальтовое, чуть влажное шоссе в утренних лучах солнца фиолетовое. Сопки до края горизонта преломляются на ярком свете от бурых – тех, что рядом – до грязно-розовых и фиолетовых на горизонте. Днём станет тепло, около десяти градусов, воздух равномерно прогреется, и природа потеряет иллюзорную миражную окраску. В КИЛе я проверяю рабочие параметры радиоэлектронных приборов, используемых в ракетных полках и в связи.

После работы, торопясь домой, стараюсь добираться на какой-нибудь военной машине. Нужно успеть пробежаться по магазинам и в детский сад за сыном. Вечером улицы залиты мягким солнечным светом. В это время начинается променад на центральной аллее. Почти всё население городка, не спеша, посещает магазины, обменивается приветствиями, шутит. Спонтанно образуются компании, некоторые будут гулять часов до двух ночи. Там, на центральной аллее, я почти всегда видела Аксёнова Игоря. Он приветливо махал мне рукой, хотя часто мы уже виделись с ним на шестёрке. Худой, но широкоплечий, высокий, почти на голову выше меня, а мой рост 170 сантиметров. Длинные ноги с узкими бедрами обтянуты джинсами, рыжие волосы, длинный и острый нос, близко и глубоко посаженные тёмные глаза. Агрессивно-приветливое настроение. На поводке, где-то у него под коленями, энергично виляет хвостиком остромордая такса, мастью откровенно напоминающая своего хозяина. «Рыжий клоун», как он сам себя называет, любитель красивых женщин, остряк и эрудит. С Аксёновым легко и весело. Игорь может очень естественно, не дав ни на минуту задуматься о приличии, закинуть меня, в узкой юбке выше колен, в кузов открытого грузовика. И мы, хохоча, под удивлёнными взглядами сослужив-

цев, помчимся, ветер свистит в ушах, раньше всех домой. «Тебе нравится группа «Мальчишник»?» – кричит он мне на ухо. – «На шумной вечеринке, в кругу своих друзей, я понял, что хочу тебя ещё сильнее!» Я смеюсь над его озорным приглашением к интиму, никак не отвечая на завуалированный вопрос.

Как-то мы всей лабораторией выехали по грибы в лесопосадки километров за сто от городка. Я очень люблю грибы кушать и совсем не умею и не люблю их собирать. Мужу было, как всегда, некогда заниматься такими пустяками, и я позвала с собой Аксёнову. Пока Игорь быстро набирал кучу грибов, я меланхолично прогуливалась по мокрой опавшей листве. Грибы должны были находиться где-то под ней. Я нашла их немного, всего лишь, пару-тройку, зато насквозь промочила ноги. На обратной дороге, в машине, Аксёнов, ни слова не говоря, стащил с меня мокрые кроссовки и надел вместо них невесть откуда и зачем взявшиеся у него, огромные меховые варежки. Стало тепло и очень приятно.

В городке Игорь заявил, что пришло время ему подружиться с моим мужем, который уже неоднократно устраивал мне дома сцены, выражая очень сильное желание не видеть около меня «этого рыжего». И вот этот рыжий стоит на пороге моей квартиры с двумя большими пакетами грибов. В дверях упрямо-молчаливый муж. За спиной Аксёнова моё любопытствующее молчание. Раздаётся как всегда агрессивно-приветливый голос Игоря: «Вам грибы нужны? Если нет, то будет очень обидно, так как я не умею их готовить!» Вечером мы ужинаем у нас дома вместе с Аксёновым, поедая приготовленные мной грибы под принесённую Игорем водку. Мой неразговорчивый муж вовлечён в непринужденную беседу. Я, в основном молча, жую и чокаюсь рюмкой, изредка вставляя словечко в мужскую беседу двух офицеров, понимающих друг друга с полуслова.

К этому времени жена Аксёнова, Танюшка, как он ласково её называл, с маленькой дочкой проживала в городе Новосибирске. Нужно было решать проблемы с приватизацией квартиры умершего отца Игоря. На неприватизированную жилплощадь нашлись какие-то другие охотники, и Танюшке пришлось вселиться и охранять квартиру от посягательств, что-то продавать из своих украшений, дабы оплачивать какие-то расходы бесконечных судов. Забегая вперёд, скажу, что квартиру она всё-таки отсудит. Мы в лаборатории, шутя, называли Танюшку девушкой с веслом. Это была очень высокая, да ещё к тому же любящая большие каблуки, когда-то стройная, теперь расплывшая и дородная, плечистая молодая женщина с миловидным русским лицом. Она казалась почти одного роста с Аксёновым. Раньше Танюшка занималась греблей – отсюда и ассоциации с веслом. Когда она увлекалась, танцуя на дискотеке в нашем клубе, вокруг неё быстро образовывалось воступающее пространство. Народ опасался, что его сметёт вдохновение дерзкого, но вызывающе-красивого, мощного танца этой сибирячки. Киловцы часто шутили, что вот-де вернётся Танюшка и размажет меня по стенке, даже и без весла. Но на самом деле жена Аксёнова была добродушна и независлива. Она и сама часто любила расслабиться в тёплой компании и покутить.

Перед той страшной холодной зимой Аксёнов успел перебраться по семейным обстоятельствам в ракетную дивизию

под Новосибирском. На прощанье он, как было у нас принято, устроил отходняк, пригласив самых близких сослуживцев на ужин. Многие были шокированы, когда он привёл туда же и меня. Наверное, этот ход нужен был ему в качестве интригующего фокуса, что приятно щекотало и мои нервы. Мы оба были любителями шокировать и удивлять. В этот вечер я подарила Игорю на память свою самую интересную, на мой взгляд, фотографию. Я в афганке на фоне плакатного изображения прицельной планки автомата в человеческий рост. Ноги широко расставлены, туфли на высоких каблуках. В правой ладони приклад Калашникова, левая придерживает автомат за магазин. Рукава куртки высоко закатаны, на левом запястье часы-браслет. Из низко расстёгнутого ворота выглядывает крест на цепочке. Кепка сдвинута на затылок, волосы распущены по плечам. Вид абсолютно неуставной, можно сказать, анархистский. Фотография оказалась настолько во вкусе Аксёнова, что, приехав в Новосибирск, он повесил её над своей кроватью.

Итак, той зимой Игорь проживал в тёплой квартире с горячей водой в Новосибирске, покупал в магазинах сосиски, сникерсы и прочие буржуйские продукты из-за бугра. Я же, как первобытная женщина, сидела в своей убогой квартирешке, поддерживая тепло сворованными мужем военными обогревателями-эскэбэшками. Холодная кухня была завалена мешками с мукой, сахаром, вермишелью, банками с тушёной и прочим. На балконе лежали мешок с хлебом и половина бараньей туши. Всё про запас! Кастрюля с водой ставилась на еле тёплую электроплитку (то ли спираль маломощная, то ли напряжение в сети ниже нормы), сверху в кастрюлю, прямо вперемешку с продуктами, опускался кипятильник. Другую электроплитку взять было негде, соответственно, продукты употреблялись в пищу иногда в наполовину сыром виде.

Обычно с наступлением темноты я старалась не выходить из дому – опасно. Правда, к этому времени в городке уже появился небольшой боевой отрядик, который мы называли ОМОНОм. ОМОН ввёл наш начальник штаба дивизии, полковник Хашегульков. Ингуш по национальности, гуляка и бабник, холерично вспыльчивый и отходчивый, он, несмотря на всё это, заслужил всеобщее уважение своей справедливостью, решительностью и способностью самостоятельно принимать важные решения. Он взял на себя всю ответственность за действия омовцев, вооружённых оружием с боевыми патронами. Вообще-то за каждый израсходованный боевой патрон в армии приходится по несколько раз отчитываться, предьявляя собранные после стрельбы гильзы. Омовцы же частенько стреляли вверх, а иногда и на поражение, и, как правила в темноте. Из этого мы делали вывод, что им не приходилось отчитываться за каждый патрон или действие. После нескольких таких случаев количество криминальных элементов, в избытке появившихся в нашем городке в поисках лёгкой наживы, явно поуменилось. В отличие от местной милиции, омовцы являлись сразу же по любому телефонному звонку или другому какому тревожному сигналу. Руководил отрядом капитан Слава Пестов. В интересах безопасности он отправил свою семью к родным в Россию и постоянно ходил и спал теперь, как шутили, только с автоматом и пистолетом. Мы все уважали Хашегулькова и любили Пестова.

Этим февральским вечером, несмотря на быстро сгущаю-

шися сумерки, я выскочила из дому в страшном волнении. Муж был в дальней командировке, а в моей квартире, единственной в подъезде, выбило электричество. Завтра же наступали выходные у электриков, и я боялась, что останусь с сыном без электричества как минимум на три дня. Этого было просто невозможно допустить. Я бежала в поисках кого-то, кто смог бы мне помочь. Забежав за угол дома, я неожиданно увидела Аксёнова. Ни минуты не сомневаясь, что он мне поможет, я бросилась к нему: «Ты откуда здесь!» – «Наша дивизия послала добровольцев-специалистов к вам на помощь». На мои бурно изливаемые эмоции (слезы и смех вперемешку) подскочил сослуживец: «Что ты плачешь? Что-нибудь придурачим! В крайнем случае, пока поживёшь с ребёнком у меня!» Аксёнов считался большим знатоком по электричеству. Основную работу делал он, сослуживец лишь страховал. Не снимая электронапряжения, Игорь «посадил на другую фазу» мою квартиру. Думаю, понятно, что это была опасная для жизни работа.

Потом мы быстро соорудили импровизированный ужин преимущественно из гренок. Аксёнов рассказывал, что скачет по ребятам из Жангиза, что в Новосибирске совсем другие отношения среди военных, и поэтому он не ладит со своим командиром. Всё это нам позднее также предстоит пережить в России. А пока мужчины хвастались друг перед другом своим газовым оружием (пистолет сослуживца и револьвер Аксёнова), вызывая зависть моего сынишки, которому впервые разрешили подержать и даже покрутить оружие, из которого он всё хотел пострелять. Расслаблялись водкой, счастливо смеялись и танцевали допоздна...

Действительно, чтобы познать счастье, нужно испытать вначале несчастье. Всё относительно!

Глава 5. Проза жизни и поэзия любви

Не верю в любовь с первого взгляда, считаю, что любовь нужно в себе воспитывать. В девяностом году я впервые пришла на работу в контрольно-измерительную лабораторию (КИЛ) и сразу обратила на него внимание. Смещение болгарской украинской и русской кровей сделали свое дело. Черные мягко выщипанные волосы над в меру высоким прямым, лбом. Жесткие черные усы над четко очерченными губами. Чуть выдающийся вперед подбородок с ямкой посередине. Мягкий взгляд очень красивых глаз, темно-карих, больших, миндалевидной формы, в густом окружении длинных ресниц. Брови, как говорится, взлет. Низкий негромкий голос. Сразу подумалось: «Какое прекрасное лицо у этого среднестатистического старшего лейтенанта среднего роста! Наверное, бабника...»

В то время мы часто и бурно отмечали различные события всем коллективом КИЛа. Для меня первым таким событием стал отъезд по замене в Союз старшего метролога нашей дивизии. Приглашены были весь коллектив КИЛа, а также проверяющие из вышестоящей новосибирской лаборатории. Мероприятие проводилось на квартире отъезжающего метролога, море закуски и выпивки. Мы все сложились на какой-то подарок или просто подарили деньги (точно не помню). Проверяющие, подполковник и два майора, как обычно, явились на халяву. Помню, меня удивило поведение жен-

щин. Они все были из Украины и вели себя в развеселой компании так, что не оставалось никаких сомнений:

скромность – это не их конек. Пили водку, нисколько не отставая от сильного в этом даю пола, очень активно приглашали, вернее, тащили мужчин танцевать, громко и довольно красиво пели на украинском языке. Проверяющих из Новосибирска понесло. Подполковник шипал визжащих женщин, майор с кем-то целовался в засос, другой пытался укусить меня сзади за шею... В тесной комнате было душно, раздражали танцевальные скачки на крошечном пятатке, националистические тосты «За самостийну Украину! За жовто-блакитний флаг!» Одна из дам с размаху плюхалась на диван, задирая розовую юбку (чтоб не помять) так высоко, что все ни один раз успели хорошо рассмотреть ее белые трусы. Юра пригласил меня танцевать, но тут же подскочила прапорщик из его отделения: «Сейчас моя очередь». Мы вышли покурить на балкон. Вечерний воздух после знойного дня и душной комнаты был приятно свеж. Разговор завязался легко и незаметно, мы проболтали больше часа. Показалось, что мое первое впечатление не верно. Небрежная манера в гражданской одежде и отсутствие приемов соблазнителя в разговоре указывали на то, что он не был бабником. Но глаза... Глаза манили и ласкали. Несмотря на то, что мой ранний уход мог быть истолкован, как высокомерие, я ушла первой. Юра меня провожал.

Вскоре это стало традицией. Мы приходили на всеобщее мероприятие и веселились по отдельности. На Юру почти всегда вешалась какая-нибудь женщина, которую он ни в коем случае не отталкивал. Но потом он обязательно предлагал проводить меня домой. Я все ждала, что когда-нибудь он станет приставать ко мне, но это не происходило. Такое его / поведение казалось странным и необычным. Зато у нас становилось все больше общих тем для разговора! Скоро Юра и на службе стал заходить за мной в мое отделение, чтобы вместе идти домой. Часто мы возвращались домой пешком, болтая на различные темы всю дорогу, которая занимала ШЕСТЬ километров.

Как-то осенью Юра вернулся из отпуска лишь вдвоём со старшей дочкой Линой. Жена с двумя младшими детьми осталась у его матери на Украине. Лина была ровесницей моему сыну и должна была пойти в первый класс с семи лет, а мой сын уже закончил первый класс по программе шестилеток. Нас с моей сослуживицей Людмилой поразила неподготовленность девочки: школьная форма больше размера на три, нет абсолютно никаких навыков по арифметике. Да и вообще первый класс для ребенка – это стресс. Мы не понимали, как можно в это время оставлять девочку без мамы. Я стала заниматься с Линой арифметикой, но делу продвигалось с трудом. Юру часто, как любого другого офицера, ставили на дежурства, и тогда его дочь на целые сутки оставалась в доме одна – Лина была боязливо-упрямым и болезненным ребенком. У нее без видимой причины могла пойти из носа кровь, а голова покрывалась нездоровой испариной, даже волосы становились мокрыми. Людмила пожалела девочку и стала на время дежурства брать ее к себе, хотя помощь с ее стороны не была совсем бескорыстной – моя сослуживица жила одна и нуждалась в физической мужской помощи по дому. Теперь, бывая у неё на правах подруги, я общалась и с Юрой. У Лины часто возникали проблемы в школе, и тогда мы вчетвером их об-

суждали. Киловцы прозвали Людмилу нянкой, а меня воспитательницей, имея в виду наше отношение к юриной дочке. Все мы вздохнули с облегчением, когда за Линой приехала юрина мама, жена так больше и не вернулась в Жангиз.

Мой сын Саня блестяще учился и был любимцем учительницы, уроки делал самостоятельно. С моей стороны требовался лишь контроль результата. Я все это объясняла не только его природными данными, но и тем, что в школу Саня пошел хорошо подготовленным. С мужем же у меня наступил кризис взаимоотношений, мы все меньше понимали друг друга.

Мой муж Сергей – ответственный трудоголик, технар, тщательно скрывающий свои переживания и не любящий вникать в переживания других. Живя с ним, я часто чувствовала себя одинокой и ненужной, а, учитывая мои чисто гуманитарные наклонности, общих небытовых тем у нас становилось все меньше. Однако у меня вызвали уважение настойчивость, трудолюбие, надежность и порядочность мужа.

Юра во многом был полной противоположностью Сергею. Лентяй на службе, он рассуждал: «Не спешి выполнять приказ, может, все само рассосется». Любитель классической литературы и музыки, он получал удовольствие от разгадывания причины тех или иных поступков людей. Юра и Людмила, одна из самых интеллектуальных женщин в Жангизе, заполнили мой духовный голод.

С мужем непонимание все чаще перерастало в скандальные баталии. Нас уже ничто не связывало, кроме быта и секса. Особенно меня раздражал его трудоголичный карьеризм, а его – моя истеричная, как он считал, эмоциональность.

Зимой девяносто первого я заболела пневмонией. Болезнь долго не отступала. Я практически не переношу антибиотики, а из-за слабого иммунитета почти любая болезнь перерастает у меня в хроническую. Муж, как всегда, угрюмо молчал, жалея себя, так как во время болезни я периодически срывалась на истерики, требуя моральной поддержки. Когда Сергей стал меня тихо ненавидеть, я перестала ломиться в закрытую дверь его души и переключилась на Юру. Мы серьезно обсуждали проблемы сдачи некоторых моих анализов и другие вопросы, которые казались мужу блажью. Сергей считал, что болезни бывают от самовнушения, и, если их не лечить, то они пройдут еще быстрее, так как организм не будет отравлен никакой химией.

Однажды во время очередной разборки муж меня ударил. После этого я, чувствуя свое бессилие, сама предложила Юре стать любовниками. Он был нежным, заботливым и внимательным, однако меня быстро разочаровала его страшная неаккуратность в быту. Меня коробило от широты круга его общения. В него входили как интересные интеллигентные люди, так и малообразованные казахи из поселка или опустившиеся офицеры-холостяки, большие любители выпить. Удивляло, что все они были, как бы, нужными Юре людьми, и все они были вхожи в его дом.

Наши отношения с Юрой то разгорались после длительной разлуки, то затухали, как костер, в который не подбрасывают дров. Дрова – это проза жизни, а Юра не любил заниматься прозаическими делами. Но когда наступила зима девяносто четвертого года, мы поняли, что не можем жить друг без друга. Я чувствовала себя счастливой лишь рядом с Юрой.

Он был настолько не болтун, что про него говорили: «Будучи застуканным в постели с голой женщиной, он уверенно заявит, что делает ей искусственное дыхание». По этой, а также по ряду других причин, у Юры не было проблем с выбором женщин, желавших немного разбавить однообразие и скуку гарнизонной жизни приключением с красивым мужчиной. Тем не менее, у меня был ключ от его квартиры, что давало уверенность в том, что я вне конкуренции. О наших отношениях многие догадывались, но ни у кого не было фактов, которые можно было бы изложить моему мужу. Юра же мог самолично подойти к Сергею, отъезжающему в Россию с вопросом: «А кто будет встречать Наталью с поезда, когда она вернется из отпуска одна? Если ты этот вопрос не решил, то я решу все сам». К сожалению, такие вопросы вызывали у моего мужа лишь слабые, быстро затухающие угрызения совести по поводу того, что он снова закурился и совсем забыл обо мне. Наверное, Сергей ощущал себя фигурой масштабной и не склонной к тому, чтобы размениваться на разные там знаки внимания к жене, которой и так некуда деваться. Тем более, как он мне скажет много позднее, он никогда не мог подумать, что его жена может оказаться бл... ю. Он так и не понял, почему женщина, не найдя защиты у одного мужчины, ищет другого.

Зима девяносто четвертого превратила меня в женщину, постоянно дрожащую от холода и страха за жизнь своих близких, мечтающую только о том, как бы вырваться из этого ада. Я жутко боялась, что в любой момент мне придется в прямом смысле входить «в горящую избу», то есть в охваченную пожаром квартиру после короткого замыкания в перегруженной некачественными электроприборами сети. Или же останавливать на скаку какого-нибудь «коня» в виде находящегося под воздействием алкоголя или наркоты субъекта мужского пола. Абсолютно не понимаю восторгов Некрасова по этому поводу!

Мужа, как у нас говорили, «бросили под танки». В школе младших специалистов (ШМС) он остался почти единственным офицером и командиром в одном лице. Остальным удалось сбежать: кому на Украину, кому в Белоруссию (к этому времени вышел уже приказ не препятствовать переводу военнослужащих граждан СНГ), кому помогли влиятельные родственники и знакомые. ШМС стала первой воинской частью, которую сокращали в жангизовской дивизии. Мой муж должен был; в связи с этим ответить перед начальством, куда подевались материальные средства ШМС за все годы ее существования. Попросту, нужно было составить различные бумаги, отвечающие требованиям всяческих инструкций, в которых бы говорилось, что никто ничего не украл.

(Окончание следует).

Анатолий БОДРЫХ

Дольмены на Камышенке

(Кто жил здесь до нашей эры?)

Охотиться на боровую дичь я предпочитаю в лесных массивах, ограниченных с севера горой Шитовский Толстик, с запада и юга реками: Камышенкой, Хвощёвкой и Шитовским Истоком. Охотничьи угодья делятся серовским трактом приблизительно на равные части, удалённые от г. Верхняя Пышма на двадцать пять километров.

Первую охотничью тропу в этих угодьях я проложил осенью 1958 года, и она свела меня с первым археологическим памятником – каменным сооружением П-образного сечения (культовые сооружения из каменных плит называют дольменами). Кладка была явно рукотворной. Но кто, когда и для каких целей сложил эти камни в таёжной глуши?

Через четверть минуты я вновь с изумлением остановился, но теперь у гранитной глыбы, на горизонтальной поверхности которой имелся рукотвор-

Рис. 1.

Фото 1.

ный веретёнообразный желоб. И вновь вопрос: в какой зависимости находится желоб с каменной кладкой – случайной или преднамеренной? Оба объекта отстоят друг от друга в пределах видимости.

Особой добычливостью и ландшафтной прелестью отличался восточный склон горы Шитовский Толстик. Шестикилометровая древняя тропка ведёт по девственному лесу то прямо, то увлекая вправо, то влево; то дважды стремительно и смело падает вниз к бродам и тут же игриво взбегаёт вверх и оканчивается у каменной палатки и старательских отвалов.

Другое дело охотничьи тропы. Они-то в разное время и привели меня, предположительно, к кратеру от падения метеорита и к трём новым каменным кладкам. Все находки расположе-

ны вблизи древней тропы и тяготеют к её срединной части. Вторая каменная кладка (дольмен), идентичная первой, обнаружена мной в 1962 году, в 100-150 м. ниже древней тропы по косогору.

Мысль о причастности находок к культовым сооружениям впервые зародилась у меня, когда обнаружил третью и четвёртую каменные кладки. Они расположены вдоль и выше древней тропы на 150-200 метров и удалены друг от друга на 350-400 метров. Каждая сооружена из четырёх прямоугольных гранитных плит толщиной приблизительно 15 см., три из которых установлены вертикально на ребро и вкопаны, образуя в плане букву П, при этом торцевая плита обращена на восток. Столешница уложена сверху с зазором между торцевой плитой шириной в ладонь.

Твёрдая убежденность в причастности находок к культовым сооружениям пришла с обнаружением в 1972 году пятой и шестой кладок, аналогичных третьей и четвёртой. Находки отличались строгими геометрическими формами плит, гармоничным соотношением размеров, и чувствовалось, что они возводились по выверенному времени канону (автохтонному архитектурному ордеру).

Наряду с первыми двумя типами кладок часто встречался и третий тип, состоящий из кладки первого типа, обложенной камнями с торца и обоих боков, с открытым торцом, обращённым на запад (рис. 1).

Каменные кладки и гранитные глыбы с желобами, обнаруженные мной с 1958 по 1972 год, безусловно являются археологическими памятниками, за которыми стоит неведомая духовная, мировоззренческая и идеологическая культура древних обитателей прибрежных зон, по меньшей мере, трёх озёр: Исетского, Шитовского и Вашты.

В 1973 году я обратился в институт истории и археологии УфАна в надежде вызвать к находкам интерес археологов, но моё обращение было проигнорировано. А в 2000 году я доверился уральскому краеведу Владиславу Григорьевичу Непомнящему. И начались наши совместные поиски под эгидой Исторического музея г. В. Пышмы. Группой в составе: А. А. Бодрых, В. Г. Непомнящий и Г. К. Фефелова в июле 2002 года, приблизительно в пятистах метрах восточнее реки Камышенки, обнаружены пять компактно расположенных дольменов. При их визуальном осмотре оказалось, что кладки П-образного сечения установлены на горизонтальные гранитные плиты и использовались как очаги. Ниже, у подножия горы, обнаружен пласт древесного угля, вскрытый дорожной дренажной канавой. Отсутствие круговой бровки, характерного признака жжения угля в прошлом, свидетельствует о возможной находке места трупосожжения.

В поисковые сезоны 2001-2002 годов группами и одиночками обнаружено семнадцать дольменов третьего типа, два из которых частично раскопаны археологами УрГУ и НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. Следует отметить, что раскопка второго дольмена состоялась после публикации в газете «Подробиности» и визита автора в археологическую лабораторию УрГУ. На снимке показан дольмен, раскопанный 30 сентября 2002 года. (Фото 1).

Привлекает внимание крупный фрагмент горшка с осколком, фактическое положение которого в момент раскопа обозначено стрелкой. Мелкие осколки керамики были неравномер-

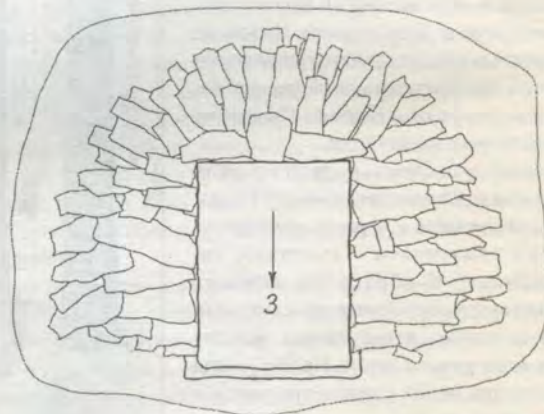
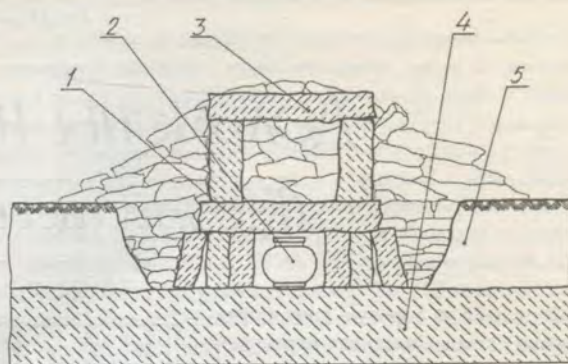

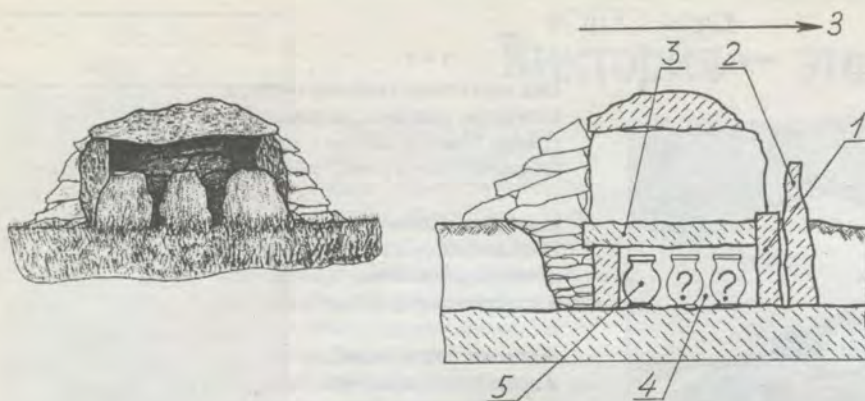
Рис. 2. Курганный комплекс (реконструкция): 1 - дольмен; 2 - погребальная урна; 3 - поминальный очаг; 4 - материк (гранит); 5 - почва.

но распределены с южной и частью с восточной сторон. Близко к основаниям трёх плит, установленных на ребро, от ствола сосны до горшка обнаружены кальцинированные, а также неопределённые кости и зуб животного. Тщательный осмотр сооружения с каменной крышей, углублённого в почву, позволил идентифицировать его с дольменом. Одновременно обращено внимание на возможность проникновения в погребальную камеру дольмена без демонтажа поминального очага, для чего достаточно последовательно удалить камни 1, 2, 3, 4. Фактически, захоронение представляет собой комплекс, включающий дольмен, поминальный очаг и каменный курган. В этой связи представляется целесообразным присвоить каменному сооружению уточнённое наименование, более отвечающее его функциональному назначению и структуре, например, «курганный комплекс» или «погребальный комплекс».

Фактический материал, собранный по археологическим памятникам, невелик и не даёт оснований для объективных интерпретаций. И всё же, опираясь на ряд логических построений, можно предположить несколько рабочих гипотез.

Погребальный обряд

На склонах гор или плато, на заранее выбранном месте, рылась могильная яма до материка, а в аллювиях глубиной 0,5-0,6 метра (см. рис. 2). На дне ямы сооружался дольмен,

Курганный комплекс у оз. Ваиты (реконструкция): 1 - притвор; 2 - оберёг; 3 - крыша
дольмена; 4 - южная опорная плита; 5 - погребальная урна.

крыша которого устанавливалась на уровне с почвой, при этом сторону погребальной камеры, обращённую на запад, оставляли открытой. Зазоры между откосами ямы и дольменом заполнялись плоскими камнями до уровня почвы.

Поминальный очаг монтировался на крыше дольмена со строгой ориентацией опорных плит по линии восток-запад (восход-закат). После окончания монтажа очаг с трёх сторон обкладывался камнями, при этом старались придать кладке форму и очертания кургана. На этом возведение курганного комплекса, практически, заканчивалось, и следовало захоронение праха усопшего.

Погребальная урна с прахом устанавливалась в погребальную камеру дольмена через открытое отверстие, после чего отверстие закрывалось притвором, в данном случае, состоящим из двух каменных плит 3, 4 (см. фото). Для повышения функциональной надёжности притвора дополнительно устанавливались три плиты 1, 2, 5. Финишной операцией захоронения являлась предварительная обкладка плит 1 – 5 почвой с её уплотнением в зазорах и у основания.

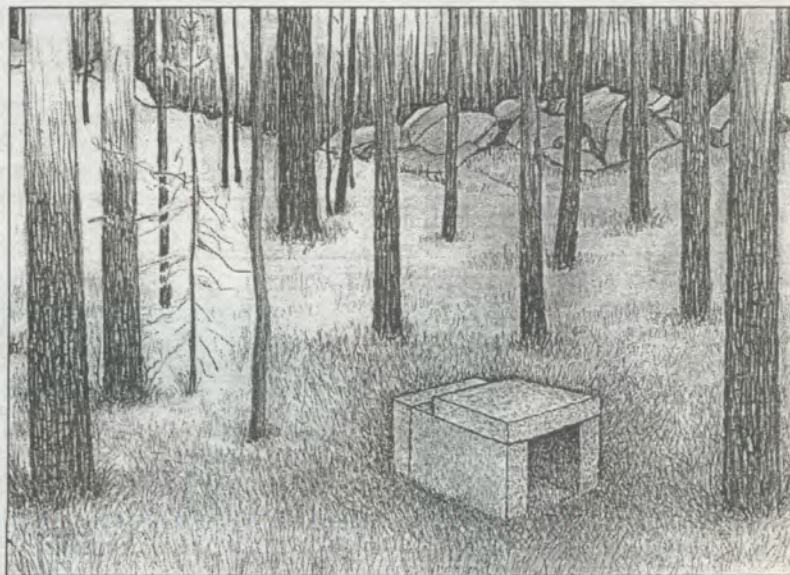
После захоронения праха усопшего у курганного комплекса была принесена в жертву овца в возрасте двух с половиной лет. Принадлежность животного к виду, полу и возрасту определена археологической лабораторией УрГУ по зубу. Долю поминального угощения почившего выкладывали из горшка у основания плит 5, 2, 1 с левой стороны на правую, где, в соответствии с обрядом, горшок разбивался. Акт разрушения горшка символизировал безвозвратный уход из жизни человека, его смерть и последнее «прости» сородичей, присутствовавших на погребении. Затем каменная кладка кургана и передняя часть дольмена покрывалась слоем почвы. Почву брали перед открытой частью очага, о чём свидетельствуют выемки грунта у ряда обнаруженных комплексов.

Последними актами погребального обряда были поминальная трапеза и возжжение поминального очага для того, чтобы духу усопшего дать возможность согреться и принять тепло сердец и память душ сородичей. В последующем очаг возжигали, по видимому, в определённые канонические дни поминовения всех усопших.

Есть убедительные доводы в пользу существования близ устья реки Камышенки древнего поселения: река с чистой водой для хозяйственных нужд; обширные и добычливые охотничьи угодья;

одиночные захоронения на склонах гор и плато по левому берегу Камышенки вплоть до её верховья; группа из пяти захоронений в курганных комплексах и предполагаемое место трупосожжения в 600 и 350–400 метрах от устья реки на восток.

Этим исчерпывается набор предположений, построенных, в какой-то степени, на фактическом материале. Вопросы, требующих разрешения, множество, и один из них – какова этническая принадлежность древнего народа, создавшего своеобразную культуру? Но эту и другие задачи будет теперь решать наука, поле деятельности для которой подготовлено трудом красаведов. Находки позволили погасить скепсис сомневающихся и вызвать глубокий интерес археологической лаборатории УрГУ и Научно-производственного центра по охране и использованию памятников Свердловской области к проблеме неизвестной культуры.

Рисунки и фото автора.

Юрий СЕДОВ

Вкрадчивая перебранка листы -
эхо ночных несогласий,
баритон тополей,
сверчка телеграф неисправный,
родовые вздохи белянок,
фыркание крепких маслят,
картавое потомство иволги,
передразнивающее утренних кошек...

Всер солнечных бликов -
по часовой стрелке и дальше,
сумасбродство борея с маленькой буквы -
баловня-ветерка,
стриж, выкликающий воспоминанья младенцев,
заразительный унисон заблудившихся часок,
чащи, перемигивающиеся пестротой медуниц.

Заросли иван-чая, парные лазейки,
дробь дятла в сон-час,
бормотание ворона,
алмазная сыпь росы на копыях осота,
река, жаркая плоть дороги,
крови толчки, дрёма грибного дождя,
коловращение счастья,
вечер на привязи толкунцов...

Колокол горизонта.
Кладбище за деревней.
Взгляд Полярной звезды.
Аберрации сонного слуха.
Прикосновение взгляда к луне.
Дня кончина.
Сон листьев.
Тишины океан.
Звёзд маяки.

Вдоль ограды

Ползучее море позёмки.
Ограды колючая вязь.
Ушанки, обмотки, котомки,
и Эти - в тулупах... - Не лась
куда не положено! Топай!..
И мы врассыпную. А те -
обломки обвала, потопа,
погрома, не смеют к черте
колючей приблизиться. Страшно
молчание. Лица мертвы.
Со смертью в бою рукопашном
сцепились... Полярной совы
размытая тень пролетела.
Позёмка метёт, не спеша.
Устала, уснула, истлела,
со снегом смешалась душа.
Сойдись ненароком с минувшим,
уснуть до утра не могу,
и плачу по ним, по уснувшим
в жестоком надымском снегу.

Под лоскутным тяжелым одеялом
калачиком свернусь, не помня дня.
В жару болезни, словно у огня,
забудусь... Вот и речка набежала,

качая пряди длинных донных трав.
Потянешься рукой - песка коснёшься,
дыхание захватишь, задохнёшься,
и прянешь вверх, стекло воды разъяв.

И хлынет пот, и оживёт душа,
и новый сон свободный, тихий, долгий
потянется сквозь стрелы камыша,
сквозь солнечные ягодные колки.

И вспомнит память кухню, печь, верстак...
Ах, это же не сон! Глаза открыты.
Вон бабушка перед окном, повитым
зарёй, сидит и нюхает табак.

Скифские мотивы

Проходит пароход - и волны долго
накатывают, треплют ветви ивы,
гоняют мусор по песку. Счастливый
малец играет с ними. Так иголка

играет с ниткой, но в обратной
зависимости. Крики. Смех.

Волненье
реки сошло на нет, и необъятный
зной снова здесь хозяин. И течение

часов как бы замедлилось, уснуло.
Слепяще-жгуч песок, а небо мглисто,
безоблачно, и солнце, как монисто,
на отмели горит. Рыбёшкой снулой

здесь кажется история: так властно
царит вот этот миг, клочок вот этот
пространства (чайка резко, сильно, страстно
заголосила), эта пряжа света...

И если с берега напротив крикнут,
возденут пики, и натянут луки -
змеей нырну в камыш. Ногой не скрипнуть!
Рукой не двинуть! Пуще смертной муки

страх испугать виденье... И до ночи
слежу, как поят лошадей, и сами
пьют осторожно, жадно.

Тыл упрочив
листвой, живу кострами, голосами,
и, всматриваясь в темень что есть мочи,
ласкаю женщин их - в воде... глазами.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Февралю свойственны ветры. Вот и нынче они налетели откуда ни возьмись. И хотя все прекрасно знают о «ветреном» характере последнего зимнего месяца, но к такому повороту событий мы оказались не готовы. Но на самом деле стоит вдохнуть воздух полной грудью и сразу ощущаешь тонкий аромат весны, непонятно откуда принесённый воздушными потоками. Этот запах кружит голову, пьянит, заставляет задуматься о другой погоде и, кажется, параллельном мире бегущих по улицам весёлых ручейков. Впереди ещё несколько недель надосвешней зимы,

но уже скоро, совсем скоро весна откроет перед нами новые горизонты. Одна только мысль о тёплом солнышке, играющем разноцветными бликами в первых лужицах способна, кажется, вдохнуть новые силы в наши уставшие за зиму организмы. Но зима ещё не проиграла весне в решающей схватке, а потому я призываю всех к терпению. Холод не вечен! И тепло придёт к нам, если мы будем его ждать!

*Маша Раскольникова,
зам. редактора раздела
«Встречный ветер».*

Виктория – это победа!

В одном из белых конвертиков, прилетевших к нам из города Тверь от туристического клуба «Бриз», мы обнаружили фотографию прелестной девочки Вики и рассказ о спортивной семье Растопшиных. Внимательно изучив материалы, редакция единогласно решила, что Виктория достойна того, чтобы оказаться на нашей обложке. Интересным показался и рассказ о достижениях этой семьи.

Виктору Ивановичу Растопшину присвоено звание «Заслуженный путешественник России». Занимаясь всю жизнь спортом и имея высокие разряды, он в 30 лет начал заниматься спортивным туризмом и достиг многого. Судил все слёты и соревнования, проводимые ЦС по туризму и Ростурсоветом, не говоря уже о районных, городских и областных туристических мероприятиях. Им, за время работы, подготовлены сотни инструкторов туризма и судей туристических соревнований. Многие его воспитанники уже стали бабушками и дедушками.

В 1991 году родилась Виктория. Достойная дочь своего отца. С двух лет она стала заниматься туризмом, а в восемь пошла в горы. Вот что она пишет о себе:

Я – Вика Растопшина, мне 12 лет, учусь в 6 классе. Папа Виктор Иванович работает инструктором в спортивно-оздо-

ровительном комплексе. Мой папа в 60 лет достиг много: родилась я, он выполнил звания мастера спорта и судьи Всесоюзной категории по горному туризму, заслуженного путешественника России. У мамы Ирины тоже высокие звания и разряды. Папа наш личный тренер, а с мамы я во всём беру пример.

Сколько себя помню – мы занимаемся спортом. Летом – слёты и соревнования, ходим в походы на байдарках, зимой так же тренировки и соревнования, больше по туризму, ходим на лыжах.

Шесть лет я готовилась для похода в горы, и первый раз пошла в Приэльбрусье в 8 лет. А потом в 2000 году совершили категорийный поход, затем в 2001 году прошли маршрут II категории сложности по западному Кавказу, в 2002 и 2003 годах вновь совершили походы II категории сложности по местам боевой славы по Приэльбрусью.

Мы так же участвовали в Международной программе «Сохраним горы в чистоте» культурного центра «Новый Акрополь» по уборке мусора со склонов Эльбруса и окружающих его гор. В прошлом году поход мы закончили на азовском море.

Из десяти видов туризма мы занимаемся пешеходным, водным, лыжным, горным, а вот купим ещё один велосипед и будем заниматься пятым видом!!!

Владимир ВОРОНИН

Страсть к камню у Владимира Андреевича Пелепенко проснулась в 36 лет. В поисках минералов он за 30 лет исколесил не только Урал и всю Россию, но и многие зарубежные страны. Его коллекция – уникальное собрание минералов, а также резных изделий из камня и кости и насчитывает около 10 тысяч образцов. Кристаллические и полированные экспонаты представляют большинство месторождений России и многих европейских, азиатских, американских и африканских стран. Одно из достоинств большинства минералов коллекции – их высоко эстетичный внешний вид и хорошая сохранность. Есть и необычные по форме и сочетанию минералов редкие образцы кристаллов. Коллекция демонстрирует широкий спектр подделочных камней.

Сегодня уникальная по своей научной и художественной ценности экспозиция представлена в собственном музее Владимира Андреевича Пелепенко, который располагается в самом центре Екатеринбурга, на Красноармейской, 1.

В.А. Пелепенко.

ПИРИТ — ОГНЕПОДОБНЫЙ

Название этого сульфида железа (FeS_2) происходит от греческого слова «пир» – огонь. Поэтому древние греки называли его «пиритус» – огнеподобный – за огненно-желтый цвет и способность высекать искры при ударе твердыми (стальными, кремневыми) предметами. В этом качестве пирит использовался задолго до возникновения цивилизации. Второе название – «серный колчедан» – пришло из Средних веков: так рудокопы и естествоиспытатели называли сульфиды меди, железа, мышьяка и других химических элементов, обладающие ярким металлическим блеском. Твердость минерала 6-6,5 баллов по 10-бальной шкале твердости Мооса.

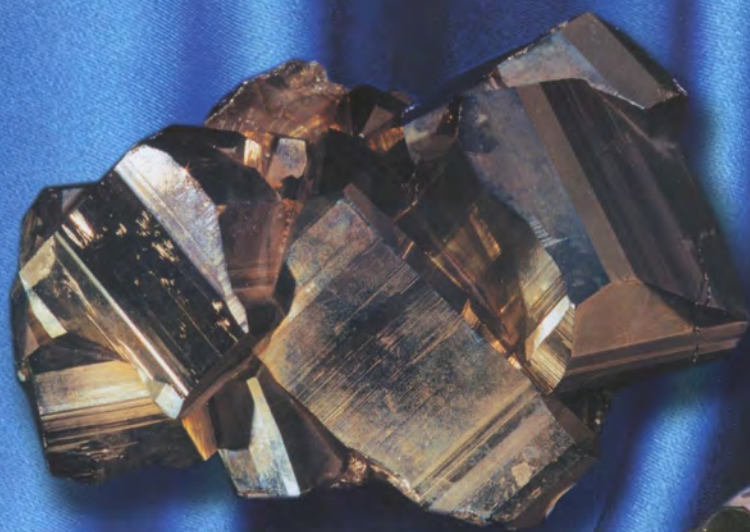
В древней Индии был широко распространен обычай носить при себе в качестве амулета кристаллы пирита, чтобы оградить себя от нападения крокодила. Древние египтяне, заметив, что пирит хорошо полируется, использовали его для изготовления украшений и зеркал. В средние века минерал пользовался широкой популярностью в Европе под названием «алмаз альпийский». Мода на украшения из пирита была особенно распространена во Франции. Им украшали пряжки туфель, подвязки, браслеты, корпуса часов и даже зонтики от солнца. Но, к сожалению, украшения быстро темнели, а во влажной среде окисление пирита приводило к образованию бурого, рыхлого минерала лимонита – то, что мы в обиходе называем «ржавчина».

Испанцы – первые исследователи Америки – называли пирит «камнем инков», поскольку минерал был в особой чести у индейцев. В захоронениях индейских вождей часто находили полированные таблички пирита, видимо, служившие зеркалами.

Пирит называли также «камнем здоровья», и он ценился очень высоко, т.к. в то время ему приписывали большие магические силы. Он, якобы, обладал вяжущими свойствами, обострял зрение и придавал блеск глазам. При сжигании помогал при катаракте, делал волосы тонкими и нежными, убирал веснушки. Считалось, что если повесить пирит на шею младенцу,

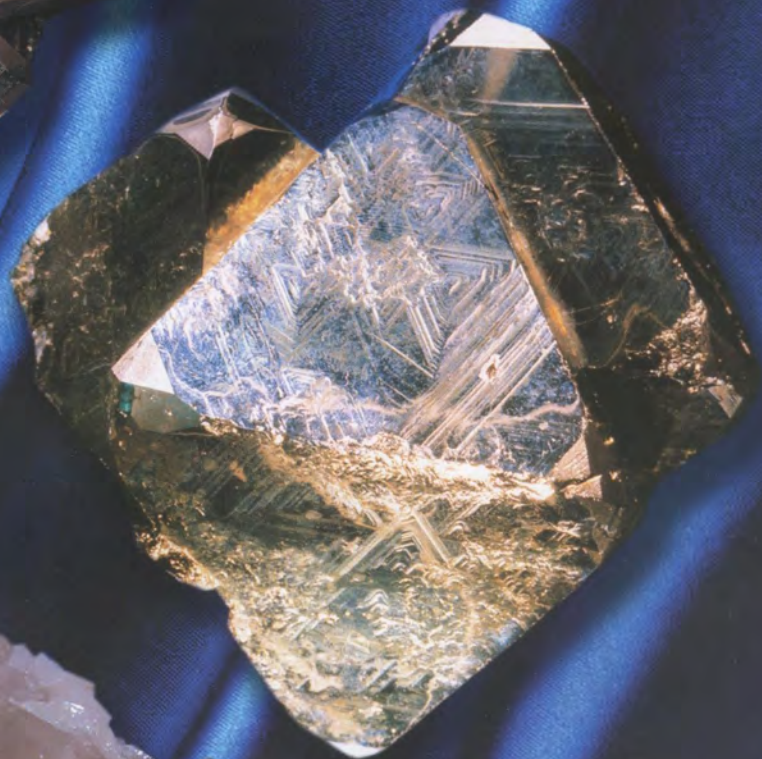

В музее.

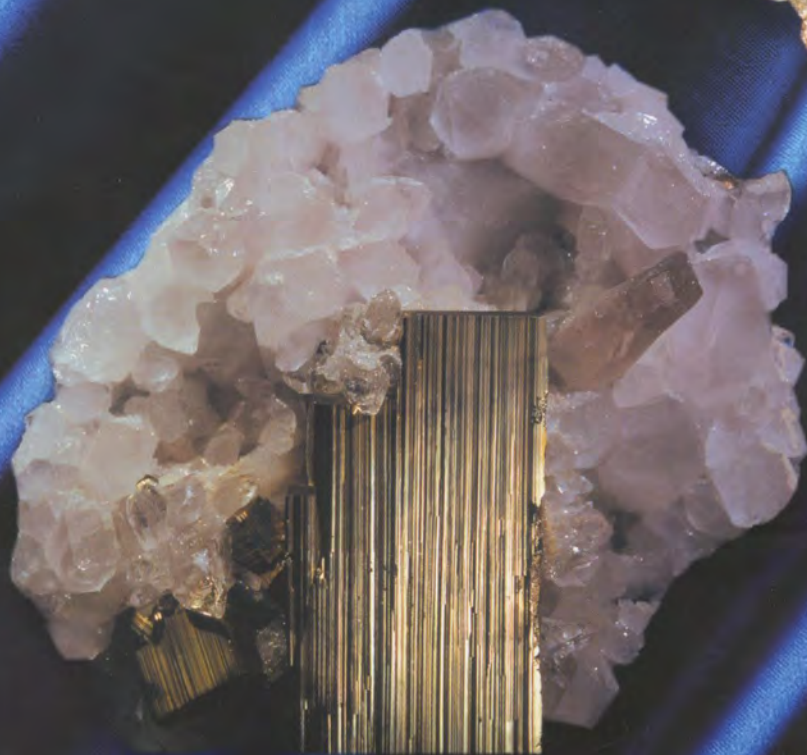

Комбинация куба
и пентагондодекаэдра
Березовское месторождение
Средний Урал

Друза октаэдрических
кристаллов пирита
Астафьевское месторождение
Южный Урал

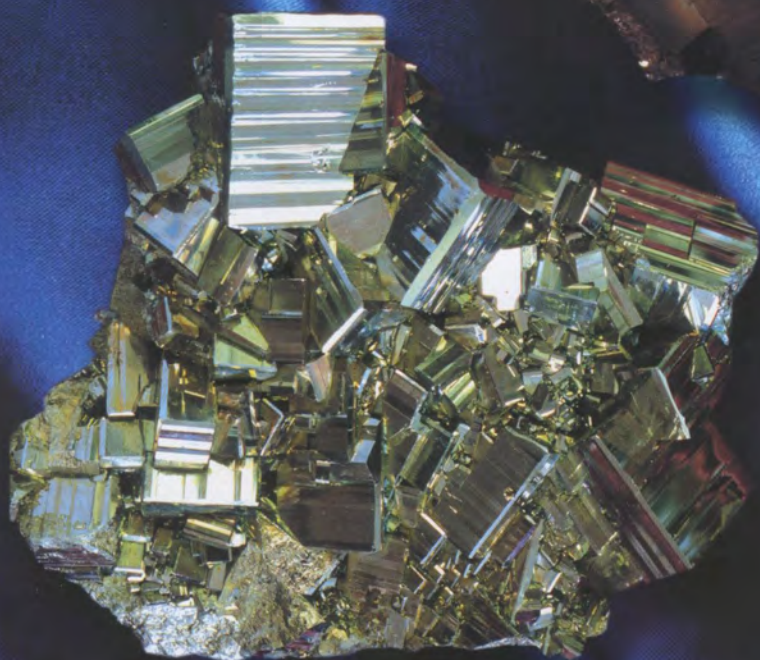
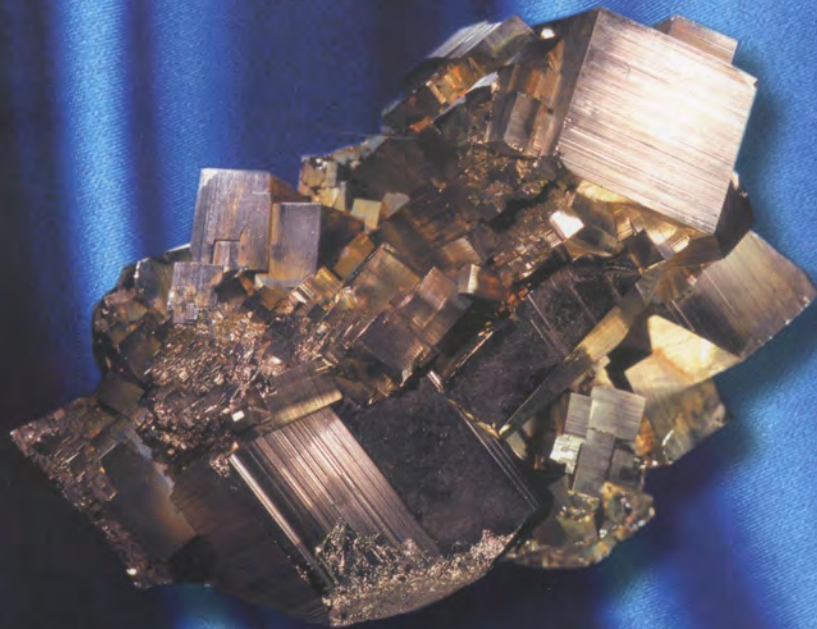

Кубический кристалл
пирита в кварце
Березовское месторождение
Средний Урал

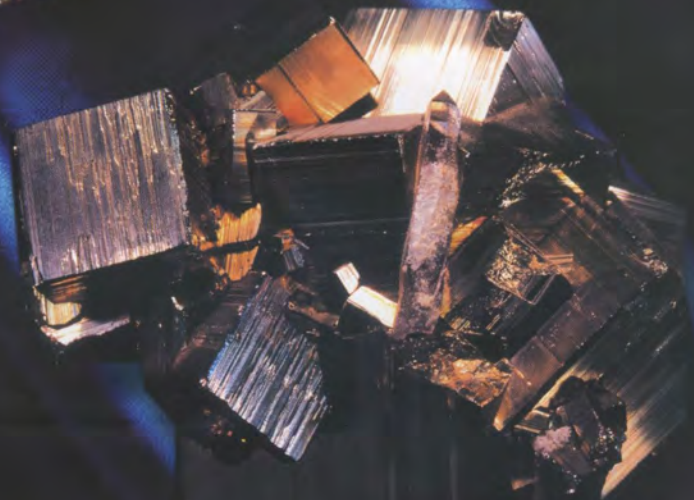

**ПИРИТ
ОГНЕПОДОБНЫЙ**

Друза кубических
кристаллов пирита
Березовское месторождение
Средний Урал

**ПИРИТ
ОГНЕПОДОБНЫЙ**

и перестанет плакать и кричать. Вместе с уксусом якобы по-огает при проказе и лишае, остановит кровотечение из язв, ассосет уплотнения нервов и мышц, снимет боли в коленях. Пиритовый порошок сушит язвы, в том числе и злокачественные, помогает при лечении опухолей. Если кристалл пирита привязать к ноге женщины, рожаящей с большим трудом, то на должна быстрее разрешиться от бремени.

В природе пирит распространен очень широко. Он встречается в виде крупных мелкозернистых масс и в хорошо кристаллизованных формах. В большинстве рудных месторождений минерал извлекается попутно. Используется пирит как сырье для производства серной кислоты. На некоторых месторождениях из него извлекают примеси: золото, серебро, кобальт другие химические элементы.

На земном шаре невозможно найти место, где бы ни встречался пирит. Но, несмотря на распространенность этого минерала, хорошие образцы встречаются крайне редко. Самые лучшие и самые крупные кристаллы и сростки образуются из горячих («гидротермальных») подземных растворов.

Пирит – минерал, всегда привлекавший коллекционеров естествоиспытателей. Непередаваемое разнообразие образов побуждает исследователей специализироваться только на том камне, а в минералогических музейных коллекциях ему освещают целые витрины.

Традиционная, самая распространенная форма кристаллов пирита – это куб. Когда непосвященный человек видит образцы пирита из месторождения Акчатау в Казахстане или месторождения Навахун в Испании, он очень долго не может поверить в то, что идеально образованные кубы с абсолютно зеркальными гранями не вырезаны и не отполированы человеком, созданы самой природой.

Своеобразную форму имеют кристаллы пирита из Асташевского хрустального месторождения на Южном Урале. Это – октаэдр. «Окта» – восемь, «эдра» – грань, т.е. пириты Асташевского месторождения имеют форму восьмигранника.

В 1745 году крестьянин деревни Пышма Ерофей Марков в 4 км к востоку от Екатеринбурга нашел несколько золотых рупинок. А к концу XVIII века на Березовских промыслах работало уже более 50 золоторудных шахт. И не зря пирит называют спутником золота. Он всегда есть там, где есть драгоценный металл (но не наоборот). И мир коллекционеров и ученых видел березовский пирит.

Кроме традиционного куба в березовском пирите всегда присутствует так называемый «пентагондодекаэдр». «Цента» – пять, «гониион» – угол, «додека» – двенадцать, «эдра» – грань. В переводе на обычный русский язык «пентагондодекаэдр» означает «кристалл с двенадцатью гранями, имеющими форму пятиугольника».

Кроме того, грани кубических кристаллов пирита из Березовского месторождения всегда покрыты тонкой штриховкой, причем штрихи одной грани всегда строго перпендикулярны штрихам соседней грани.

В осадочных породах пирит часто замещает растительные и животные остатки, образуя эффектные окаменелости: пиритизированные раковины аммонитов, куски древесины и даже фрагменты стволов и других частей деревьев.

Такие процессы могут идти очень быстро. Известен слу-

Высокие гости в музее В.А.Пелепенко.

чай, когда тело рудокопа, погибшего в глубокой шахте, полностью замстилось пиритом всего за 60 лет. Это произошло в районе города Фалуна (Швеция) в XIII веке.

В штате Иллинойс (США) можно найти образцы пирита радиально-лучистого строения, напоминающие небольшие «солнца», где каждый луч образует сильно вытянутый кристалл. Сами американцы называют такие образования «пиритовый доллар».

Постоянное присутствие пирита в золоторудных месторождениях, сильный металлический блеск и яркий желтый цвет делают его похожим на золото. Не зря в старину пирит в шутку так и называли «кошкино золото». Англоязычные народы называют пирит «fool's gold» – «глупое золото», «золото для дураков».

Все вышеупомянутые формы кристаллов пирита можно увидеть в Уральском минералогическом музее В.А. Пелепенко, который находится по адресу Екатеринбург, ул. Красноармейская, 1 (в здании гостиницы «Большой Урал»).

Максим УСОЛЬЦЕВ

К цели сквозь ветер и снег

В мечущемся свете фонарей уходит группа в метель холодного утра. А метель не унимается. Но недаром поется: «Счастлив, кому знакомо щемящее чувство дороги, ветер рвет горизонты... и раздувает расцвет...» Вперед! Только вперед! Наш путь лежит к горе Шунут... Но сначала к другой горе под названием Белый Камень. Оставили слева от себя знаменитую на всю Россию гору Азов Камень. Были мы там недавно – еще до снега, осенью – искали Девку-Азовку; кричали разные имена, чтобы открылась пещера, где спрятаны несметные богатства, но не угадали. В полночь ходили с факелами в лабиринтах скал, и было жутко и весело. Казалось, вот-вот и оживет сказка

Вы считаете, – надо всегда выбирать кратчайший путь? Старо как мир, а посему неинтересно (это мнение нашей руководительницы – Александры Мартыновой). К сведению начинающих: выйдя на маршрут, внушайте себе мысль, что движетесь совсем не в ту сторону, когда выяснится, что это действительно так, вы будете выгодно выделяться своим хладнокровием рядом с беснующимися товарищами. К печальной участи руководителя в этом случае вы причастны не будете...

«Вечером в сумерках никакого «Белого Камня» так и не увидели. Ночь надвигалась стремительно и неотвратимо. Цель где-то впереди, рядом...но уже надо искать место ночевки – и вот оно! Взоры с надеждой обратились к густому придорожному лесу. Ставим шатер, а в нем устанавливаем печку. Уже радостно трещит костер. Вокруг много сухостоя. Удачно мы здесь разбили лагерь. Из трубы валит серый дым. Отличная тяга! Хорошо..! Очень жаль, что мы не взяли гитару, потому что руководительница считает, что брать в спортивный поход ее нельзя, дескать лишний вес... При свете догорающей свечи, тихое гудение печки уходим в свои сны.

Утром все дружно вылезает из шатра. Всеобщий восторг! Прекрасное зимнее, хрустящее снегом утро. Сквозь монументы сосен розовые лучи рассвета. А впереди – скала на белом хребте гор. Мы не дошли совсем немного. Вот так почти всегда и бывает. Идем к вершине, торя свою лыжню. Душа рвется ввысь, но вот рюкзак мешает. Сбросить его! Мы на вершине Белого камня!!

Вдали покрытой дымкой висится гора Шунут – следующая очередная наша цель.

Утром, отойдя метров 500 от стоянки, обнаружили буранный след, он идет в нашу сторону, на запад. Все довольны, ведь торить с тяжелым рюкзаком – это потеря времени и сил, добавят самые опытные!

Весь день идем в сторону Шунута. Прошли мимо Сокольного Камня. Осталась позади переправа через замерзшую речку Ревда, с ее небольшими скалами, которые лишь отдаленно напоминают каменистые берега Чусовой.

Вечерет, а конца нашего пути что-то не видно... да и след от бурана давно свернул налево.

Теперь приходится пробиваться сквозь заснеженный лес, через мелколесье, а тут еще выскочили на не замерзающее болото. Здесь ночевать точно нельзя, и дров нормальных нет, да и шатер негде поставить. Вдобавок я провалился в какую-то грязь, и лыжи тут же покрылись черным льдом. Остановился – пытаюсь сбить лед.

Заша Мартынова нашла небольшой островок – все жить будем тут. И тут же вопрос: «А жить будем как?»

Все за день вымотались, но никто не отдыхает, ставим лагер, разжигаем костер, мужики разбежались в поисках сухих дров. Но это безнадежно: сухар нет и в помине. Наскреби и для костра веток и несколько трухлявых пней, а для печки дров нет. А тем временем уличный термометр показал – 29 С, орошо пока еще без ветра. Уже явно замаячила угроза схватить холодную ночевку. И тут Мишка Просин вспоминает, что на спуске в эту низину он видел сухую лиственницу. Делать нечего – надеваем лыжи и двадцать минут возвращаемся по воей лыжне к «мишкиной» сушине. Лиственница действительно сухая, но очень огромная. Таких больших деревьев я еще никогда не видел, тем более ночью. Но выхода нет. Пила трудом продвигается к центру «железного» дерева. Пары часто меняются, чтобы те кто ожидает воей очереди не замерзли. Работа казалась бесконечной. Но вот исполин надремался и стал падать. Потом мы еще долго пилили ствол на бревна, надрылаясь волокли их к шатру. И только к четырем часам ночи закончили все приготовления и растопили до красна печь. С трудом стаскиваем покрытую льдом одежду Развешиваем ее на центральном коле. Усталые заползаем в еще холодные спальники, но в шатре достаточно жарко, хотя оставленный на снегу термометр показывает -33°C.

Встали позднее на два часа. Одежда и обувь, что мы повесили на центральный кол, полностью высохли.

Пока дежурные готовили завтрак Заша Мартынова с Гошкой ушли в разведку. Вернулись довольные – нашли потерянную вчера в предвечерних сумерках нужную нам просеку.

Теперь мы уверенно приближаемся к нашей цели, и хотя приходится постоянно торить по глубокому снегу, скорость у нас приличная. Мы пытаемся отгнать потерянное время и уже сегодня быть на вершине. Слева вернулся буланый след, все верно – он обходил боюто. Угол подъема начал потихоньку засти. Но вместе с этим появился ветер. И если нас здесь в лесу продувает насквозь, то что же будет на вершине? Вышли на поляну перед останцами. Ветер шквальными порывами сбивал нас с ног. Еще немного и начнется пурга. Зашли за скалы, спрятались от стихии. Заша Мартынова командует: «Срочно утеплиться (одеть пуховки, меховые папки, запасные свитеры)». Перекусили салом. Спорим – идти на вершину в такую погоду или валить вниз, в насе-

ленку, в поселок Краснояр. Спорим до хрипоты, и у каждой стороны свои аргументы. Серега Мурашов все-таки уговорил нас попытаться вылезти на соседнюю с вершиной скалу. Взяли веревку, надели защитные маски и пошли как в последний бой. И в этот момент ветер как внезапно начался, так и кончился. Даже ни дуновения не оставил. Тихо без разговоров, словно боясь спугнуть удачу, вылезли на вершину. На небе ни облачка. Даль несусветная! Красотища! Делаем фотографии для себя и для отчета, а сердце переполняет радость – цель достигнута, вершина взята! И пусть это не Эверест, но для нас это достижение.

Как только мы спустились к лыжам, вновь завыл ветер, закачались деревья, в лицо полетел колючий снег. Но нас это не пугало. Мы стали сильнее, чем полчаса назад, и, тем более, начиналась дорога вниз. Домой!

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТУРИСТСКОЙ ГРУППЫ

Туристская группа относится к группам неофициального плана, поскольку ее члены объединяются добровольно и связаны лишь общностью интересов по совместному проведению досуга – участию в походе. Турист становится ее членом на основе приглашения или собственной просьбы, которая может быть удовлетворена или отвергнута, а сам он сохраняет право выйти из состава группы. Это говорит о том, что внутренняя структура группы, правила взаимоотношений и нормы поведения обуславливаются не должностным положением и служебной дисциплиной, а целями путешествия, характером и личными качествами ее членов.

Туристская группа создается не на основе и не в рамках сложившегося трудового коллектива (хотя подобные случаи возможны), а из единомышленников.

Общность целей и определенный спортивный опыт отличают туристскую группу от собрания случайных людей.

Создается туристская группа, как правило, каждый раз заново: это разовое образование с относительной временной устойчивостью. Ее «жизнь» обычно исчисляется продолжительностью подготовки к походу, самого похода, некоторого времени после него и в целом не превышает одного года. «Классическая» туристская группа не может превратиться в устойчивое объединение на длительный период, ибо задачи роста спортивного мастерства предопределяют необходимость отпочкования ее членов и создания новых соответствующих групп. Но возникшая дружба может сохраняться долго и нередко бывает схожа с боевым или трудовым товариществом. Правда, бывают случаи продолжительной жизни группы в почти неизменном составе. Основа такой устойчивости – достижение цели, требующей многолетнего существования группы, например подготовка к арктическому путешествию. К устойчивым, с тенденцией к обособлению, можно отнести группы, образованные из мастеров или опытных туристов без званий (для которых выполнение спортивных разрядов не является самоцелью). Основой их единения служат единство взглядов, устраивающие друг друга взаимоотношения, чувство солидарности и достигнутая однородность.

Важнейшая отличительная черта туристской группы – обособленность ее деятельности: с момента выхода маршрут группы, как правило, функционирует самостоятельно и изолированно в самых сложных условиях рельефа и климата в районах, удаленных от населенных пунктов, что вынуждает ее рассчитывать только на свои силы и возможности. Это предъявляет особые требования к физической и технической подго-

товке участников, тщательному подбору их с учетом требований психологической совместимости. В путешествии протекает спортивный труд, быт и досуг туристов. На какой-то срок группа вбирает в себя множество сторон личной жизни участников, что в условиях изолированных действий и длительного времени пребывания в ограниченном кругу друзей открывает большие возможности воздействия коллектива на ее члена. Через туризм как социальное движение происходит воспитание товарищества и взаимовыручки, физическое и этическое совершенствование человека, т. е. приобретение и развитие качеств, имеющих общественную ценность.

Туристский поход требует от участников огромной затраты не только физической и психической энергии. Практика знает ряд примеров, когда хорошо физически и технически подготовленные туристы не могли выполнить задуманных целей; из-за неумения избежать или разрешить психологические конфликты. Поэтому знание механизмов формирования психологического настроя в туристской группе, знание ситуаций, приводящих к конфликтам, умение предотвратить или найти правильный выход из них будут способствовать успешному проведению путешествий без огорчений и разочарований, без травм и несчастных случаев.

Из рассматриваемых здесь факторов, определяющих психологический климат в туристской группе, пожалуй, наибольшее значение имеют методы руководства. В них проявляется некоторая двойственность положения руководителя. Поскольку группа организуется на добровольной основе, ее члены больше всего приемлют демократические методы управления. Однако в определенные моменты, когда от решительности и распорядительности руководителя зависит жизнь участников, он вправе рассчитывать на понимание своих требований, на незамедлительное выполнение распоряжений, что характерно для авторитарных методов воздействия.

В основе демократического метода управления лежит абсолютный авторитет руководителя, основывающийся на превосходстве в опыте, знаниях, организаторских способностях, он избегает навязывания своей воли, а делает всех соучастниками принимаемого решения, терпим к недостаткам и оплошностям своих товарищей, в оценке поступков и поведения которых исходит из интересов группы, а не собственных эмоций. Ему чуждо подчеркивание своего статусного положения. Нормой его поведения является потребность советоваться и прислушиваться к советам. Самый весомый довод признания деятельности подобного руководителя – готовность вновь пойти с ним в путешествие. Группа с таким руководителем отлич-

нается устойчивым психологическим настроем, сплоченностью, множеством межличностных связей, большой потенциальной коллективной воли, способностью противостоять самым серьезным испытаниям и проявить максимум усилий в борьбе за достижение намеченных целей, а если потребуется то и за сохранение жизни.

Даже при самом оптимальном единодушии участников возможно образование маленьких групп по взаимным интересам, чувству симпатии, которые образуют микроструктуру туристской группы. Такие группки могут иметь положительную к отрицательную направленность. Умение разобраться в них поможет руководителю понять группу в целом, не доводя конфликты до «взрывных» ситуаций.

Микрогруппы положительной ориентации характеризуют стремление участников более полно войти в коллектив. Они способствуют поддержанию положительного психологического настроения, цементированию группы. Руководитель должен прилагать все усилия для установления хороших взаимоотношений с их лидерами и через них оказывать влияние на группу в целом.

Однако некоторые участники на словах ратуют за общие цели, а на деле соблюдают собственные интересы. Действия их обычно носят эгоистический характер и служат причиной серьезных разногласий. Это выражается в попытках найти себе сообщников, и образовании микрогрупп отрицательной направленности. Появление их неизбежно приводит к разрыву группы и возникновению конфликтных ситуаций.

Положение руководителя в группе характеризуется сотрудничеством его с микрогруппами. Наиболее прочно оно у того руководителя, который является желанным в каждой группе.

Основными причинами возникновения напряженных или конфликтных ситуаций в туристской группе в путешествии могут быть: 1) утрата общей цели его; 2) явное преобладание своих интересов над общими и эгоистическое поведение от-

дельных туристов; 3) нарушение межличностных связей; 4) «подмоченный» авторитет руководителя; 5) стремление ситуативного лидера утвердиться в качестве руководителя; 6) переоценка группой своих возможностей, что приводит, например, к срыву запланированного графика движения; 7) неверие в собственные силы; 8) другие причины, совсем не психологического плана.

Для преодоления конфликтной ситуации рекомендуется прежде всего обсудить ее так, чтобы все члены группы стали соучастниками нового принимаемого решения. Коллективное обсуждение сложившейся ситуации позволяет выявить мнение и претензии участников, а руководителю – уяснить причины и степень разногласий, что поможет принять правильное решение. Кроме того, сам факт обсуждения способствует снятию напряжения.

Руководитель должен мягко, без диктата добиваться выполнения намеченного плана или способа действий, вытекающего из конкретной обстановки. При этом он должен широко и гибко пользоваться различными методами руководства. Сила убеждения и твердость руководителя особенно необходимы в обстановке «разброда и шатания».

В случае нагнетания неблагоприятной обстановки, в результате напряженного графика движения или недоедания, следует ускорить незапланированную дневку и хотя бы раз накормить людей вдоволь. Подобные действия не означают отказа от плана и конечной цели похода. Они – свидетельство понимания руководителем состояния участников и действий в соответствии со сложившейся обстановкой. Такие решения позволяют руководителю в последующем более настойчиво и эффективно воздействовать на группу и в конечном итоге выполнить весь план похода.

Немаловажную роль в таких ситуациях играет лидер-шутка: веселой шуткой он может отвлечь конфликтующие стороны или выставить их в смешном виде и тем самым снять напряжение конфликта.

Викторина СТРОЕВА

Предлог для покупки

– Может нам съездить покататься на горных лыжах?
Вот оно! Опять он за свое. По спине пробежал неприятный холодок, но она промолчала.

– Я совсем забросил спорт, а это тоже неправильно. Что-то у меня в жизни очень много неправильного теперь, – вздохнул мужчина, – Ну как тебе моя идея? В Австрию, например.

Она не знала радоваться ей, или огорчаться. Было, конечно, заманчиво съездить с ним в Австрию, но горы... она никогда их не любила – холодные и такие безжизненные наверху, гряда нагроможденных камней и только. К тому же она всегда боялась высоты. Однажды, он попытался поделиться с ней той радостью, которую испытывал сам и которую, по его разумению, должен был испытывать каждый. Так он затащил ее всего лишь на «Чертово Городище», но она и там испугалась высоты, и еле заставила себя сдвинуться с места, чтобы спуститься вниз. Внизу она сказала ему, что горы – не для нее. Но он постарался убедить ее в обратном; говорил, что она просто еще не привыкла. Он рассказал ей, как однажды один здоровенный детина, впервые взобравшись на плоскую площадку здесь же на «Городище», неожиданно остановился, лег плашмя и затих.

– Мы подумали, – рассмеялся он, – Что парень отдыхает. Такие огромные поначалу быстро устают. Но он, с трудом оторвав голову от скалы, вдруг шепотом попросил: «Ребята, как хотите, но я не могу сдвинуться с места. Как-нибудь спустите меня».

– И что вы сделали? – она даже привстала на цыпочках, когда его спрашивала.

– Ну не оставлять же его на горе! – ответил он рассеянно, – обвязали его всего и спустили вниз на веревках.

– У него это прошло потом?

– Не знаю, мы его больше не видели, – снова улыбнулся он.

– Я его понимаю, – вздохнула женщина.

– Но ты же сама спустилась...

– Мне было очень страшно, – возразила она.

Он помолчал и потом доверительно наклонившись к самому уху жены, рассчитывая, видимо, рассмешить ее, добавил, что и сам поначалу боялся. Она ему не поверила.

– Я же не умею кататься на горных лыжах, – да и все это снаряжение безумно дорого стоит!

Перед отъездом оставалось еще две недели, и все их свободное время было потрачено на бесконечную езду по магазинам, примерку лыжных костюмов перед зеркалом, дефилирование в пластиковых ботинках вокруг прилавков. В пластиковых ботинках было неудобно, ее тело буквально вопило от воз-

мущения из-за уродливого положения ног и спины, которое вынуждено было принять в них. В конце концов она окрестила горнолыжную обувь «испанскими сапогами», но не найдя поддержки шутке ни у продавца, ни у своего спутника, согласилась, наконец, на покупку «россиньол», потому что чувствовала, что в этих штуках, в сравнении с другими, ей наименее неудобно. И с этого момента она была вовлечена в странную карусель, из которой потом долго не могла выпутаться.

В самолете, пока они летели большой шумной компанией, было даже весело, и она наивно полагала, что веселье будет продолжаться и дальше. Перед отлетом они мало спали, поэтому почти за час до посадки в Мюнхене они уснули младенческим сном. Но ей удалось поспать всего минут пятнадцать. Она вдруг проснулась и, глянув на мирно сопящего мужа, отвернулась от него, и прижалась горячим лбом к прохладному стеклу иллюминатора. Она внутренне готовилась не переставая прокручивать в голове тот единственный урок, который получила на склоне горы перед самым отъездом. Хорошая была встряска, она не пугалась так с детства, но вспоминать об этом теперь смешно. Под ней была пропасть, именно так она реагировала на крутизну склона, над ней требовательные жесткие мужские глаза, каких она у него еще не видела, на ногах «испанские сапоги», а под ними дорогие престижные лыжи от крутой фирмы. Экипировка на ней была, что надо, но в этой экипировке сидел заяц, который к несчастью знал, что он заяц. Три раза с криком: «Нет!!!» – она зарывалась в снег, где взбивая, а где и оглаживая его новеньким горнолыжным костюмом. Лыжные палки в ее руках превратились в костыли, а ноги в негнущиеся ходули. Ее все время инстинктивно прижимало к снегу, словно ей хотелось затаиться от мужа, чтобы избежать неизбежной мясорубки, которая грозила ей на горе. А то, что мясорубка была неизбежной, – она была уверена. Но он не отставал от нее и заставил-таки съехать вниз, и заставил ни один раз, и к вечеру она научилась поворачивать.

«Самое страшное позади», – думала она, и с энтузиазмом подсчитывала дни, которые проведет рядом с мужем, безраздельно им владея.

Около подъемника немцы, австрияки, голландцы, братья славяне мелкими шашками, бряцая горнолыжной амуницией, словно оружием, медленно продвигались вперед. Толпа сжимала их в своем чреве, неумолимо толкая к дверям, и не давая свернуть в сторону. Наконец очередь дошла и до наших героев, и они ступили в беспокойную, покачивающуюся на толстом металлическом тресе, гондолу. Дверь за ними захлопнулась, и

гондола, ухая и скрежеща, поползла вверх, сначала медленно, а затем ускоряясь. Женщина поставила свои лыжи поудобнее и посмотрела в глаза мужу. Его взгляд был отрешенным и одновременно наполненным какой-то особой и непонятной ей внутренней жизнью. Он был сейчас далек от нее и так хорош... Что-бы посмотреть на него такого ей стоило рискнуть и приехать.

– Смотри, как красиво! – кивнул он в сторону окна, к которому она стояла спиной. Она оглянулась и обмерла, они висели высоко над землей.

– Страшно, – пролепетала она.

Она поторопилась выпрыгнуть из гондолы, когда та встала, добравшись до верхней станции. Пока женщина стояла без лыж в своих новеньких горнолыжных ботинках, ей было даже неплохо, хоть и немного подташнивало после качки на канате или возможно просто от горной высоты.

– Ну, будь молодцом, – попросил ее мужчина, глядя на нее с высоты исполинского роста.

Она замолчала, а он отъехал от нее вниз по склону и остановился. Глянув вниз, на то место, где он стоял, она вообразила бездну под собой, и расплакалась. Откуда-то издалека до нее долетела команда – встать «плугом», и она машинально ее выполнила. Осознав окончательно, что другого способа, покинуть неуютное место, она себе не позволит, она ухнула вниз, стремясь к нему, чтобы вцепиться обеими руками в надежное сильное тело мужчины. Но он не стал ее ловить, а отъехал от нее еще дальше вниз по склону. Он деловито диктовал ей, куда поворачивать, и она, удивляясь самой себе, послушно следовала за его голосом. Медленно, почти поперек пологого склона, неуклюже подрезая снег длинными зигзагами, она двигалась вниз и, наконец, достигла до другого подъемника. Пока она боролась на склоне за свою жизнь, ей некогда было жалеть себя, и слезы на глазах высохли.

– Молодца, – сквозь странный шум в ушах долетело до нее, и она вымученно улыбнулась, понимая, что она совсем – не молодчина, а самая настоящая трусиха, – оглянись, посмотри, какой путь ты проделала.

Но она не рискнула и ждалась в свой горнолыжный костюм еще сильнее. На подъемнике он обнял ее за плечи, и этот мужской жест придал ей храбрости. Потом им попался спокойный склон, и он начал ее гонять: вверх – вниз, вверх – вниз... Когда она, наконец, осмелела и перестала бояться устремляться за ним вниз, ей неожиданно для себя самой, как-то сразу все надоело. Она заметалась, жизнь превратилась вдруг в пресную игру, неинтересную до тошноты. Ей тут же повезло: она повернула ногу и поэтому почувствовала себя в праве проситься обратно в отель. Она буквально напирала на мужа, объясняя ему, что они ездили без отдыха пять часов подряд, что тело ее избито, «испанские сапоги» уже, окончательно, кажутся испанскими, а кожа на лице совсем обветрилась и неприятно горит. Вняв ее мольбам, мужчина прокатил ее за собой еще по одному склону, чтобы добраться до гондолы, и они спустились в долину, по которой живописно рассыпался курортный австрийский городок Майрхофен. Взгляд женщины, когда она спускалась по лестнице нижней станции, был полон энтузиазма.

Через несколько дней они попали на небольшие международные соревнования по гонкам на санях среди отдыхающих туристов.

Трасса длиной в шесть километров. Участвовали немцы,

голландцы и французы. На старте наши герои замешкались и пропустили вперед всех. Добежав до места, где склон был достаточно крутым, они вздохнули, сели в сани и ахнули вниз...

...Она сидела за ним, от страха прижимаясь к нему все сильнее и сильнее. Управлять санями, как обещал гид, было простым делом. Чтобы повернуть вправо, надо было начать тормозить правой ногой, чтобы влево – левой. Дело было нехитрым, но ей все время казалось, что он делает что-то не то.

– Ты тормозишь? – крикнула она ему в самое ухо, – управляешь санями?

– Не волнуйся, у меня все под контролем –

Она замолчала. Она решила паниковать молча, чтобы не мешать ему – спасти жизнь им обоим. Мужчине было весело, он гикал, ухал, рычал, обгоняя на трассе, стартовавших раньше его.

– Какой русский не любит быстрой езды? – кричал он, обгоняя их, и его распирало от радости и гордости.

Дорога вдруг пошла круче, она все время теперь сворачивала направо, и их сани начало прибивать к левому обрыву, который за невысоким снежным валом, высотой всего около полуметра, зиял пугающей черной бездной.

– Мы так перевернемся и свалимся вниз! – слышишь меня? – не выдержала женщина, – тормози правой ногой!

– Хочешь сесть впереди меня? – невозмутимо поинтересовался он.

Дорога стала еще круче, в ушах засвистел ветер, а ей стало смешно и весело.

Они обогнали еще шесть голландских саней, и женщина почувствовала гордость за родную державу. А потом они чуть не упали.

– Классные сани, – изрек он, – сами знают, куда им ехать...

Она обмерла, они просто летели вниз, и поэтому обгоняли всех, кто был впереди. – У меня все под контролем, – снова услышала она бодрый голос мужчины, – перестала вмешиваться в управление санями.

Их предупредили заранее, что последние триста метров дорожка освещена не будет, и это послужит им сигналом, что скоро они финишируют. Они добрались до неосвещенного места, но оно оказалось настолько крутым, что они одновременно грянули бравую песню, оба, от полноты распиравших их чувств. Впереди показалась развилка, направо скользнула тень чьих-то саней, и они ринулись их догонять, но тут же влетели на чей-то двор, и оказались в тупике.

Он соскочил с саней, поднял свою жену нетерпеливым движением, и так дал в гору, что она за ним не попевала. На развилке он уже нетерпеливо пританцовывал на месте. И как только она села успев обнять его сзади, ахнули вниз влево с таким гиком и посвистом, что она, заразившись его энергией, три раза прокричала «ура!». Пока они прохладжались на чужом дворе, их обогнала пара саней. Они не финишировали первыми, но им казалось, что они самые лучшие. Возможно, так оно и было!

– Я рада, что у меня теперь есть и это переживание, – сказала она мужу, – здорово было!

– Переживание переживанием, а вот подошвы моих кроссовок, кажется, уже все... еще километр, и я бы пятками тормозить начал!

– Это предлог купить новые!

Денис ЕЛИН

Практика в охотхозяйстве

6.02.

В шесть часов приезжаем в Свердловск, договариваемся на восьмое число собраться и поехать в Верхнюю Пышму, во вторую экспедицию.

10.02.

... Восьмое число постепенно перекаатилось в десятое. Все однокурсники мои пошли в этот день в Университет, а меня нелегкая унесла в очередную экспедицию. ГАВ (Андрей Головин) отдыхал на недельном больничном с отморожением пальцев ног, Кутер не смог поехать из-за семинаров по Новоженизму. Я же, всегда приезжающий на учебу на неделю позже, решил продлить себе каникулы еще на недельку и побродить на лыжах наедине со своими мыслями, с целью поймать часть из них в свой блокнот.

Нас было пятеро и вот осталось трое. На встречу под «варежкой», как всегда, прихожу первым; не люблю опаздывать и догонять. Минут через десять, то есть в 730 утра подошел Погодин, и мы стали ждать второго Николая, который один знал место нашего прибытия и автобус. Он подошел в самый последний момент.

Верхняя Пышма, по сути своей, является северным продолжением славного города Екатеринбурга. В местном городском обществе охотников начальником оказался Алексей Андреевич Солдатов, его я немного знал по экологическому лагерю.

Охотничья база, куда отвез нас Солдатов на «Ниве» находилась на берегу Шитовского озера. Она была больше, чем в Галишево, летом, по-видимому, использовалась как база отдыха, и это не придавало ей особого уюта. В большом доме была стеклянная терраса и три комнаты, тоже со стеклянными дверьми. Все это отапливалось батареями парового отопления, то есть мест для сушки в принципе не было. Местная электрическая плитка разогревалась полчасика, прежде, чем начать выполнять свою основную функцию, и, наконец, тут не было телевизора.

На лыжню мы вышли уже во втором часу дня. Осмотр базы, мучительный процесс приготовления еды на плитке повлияли на наш столь поздний выход. Из-за нехватки людских ресурсов, вместо двух пятиквдратных площадок, решили делать одну большую восьмиквдратную. Она будет располагаться к северо-западу от озера, и для того, чтобы до нее добраться, нужно сначала форсировать озеро около трех километров по льду.

Погода чудесная. Солнечный свет, миллионами искр, отражаясь от снега, слепил глаза. Над озером стояло безветрие. Коли, надевшие на себя бушлаты, теперь, взмокнув, расстигивались. Ехать на лыжах по твердому насту было легко, лишь изредка, лыжа, словно оступаясь, уходила в рыхлый зернистый снег. Слева от нас остались три острова, а мы приближались к северной части озера, к тому месту, где в него впадала речка. От нее расходились квартальные просеки, по которым и будет проходить наш оклад.

Лес тут тоже не такой как в Харлово. Сосняки чередуются с березняками и достаточно много ели с кедром. Свежих следов было мало, потому что накануне прошел снег, зато старых было в изобилии. Разделившись, мы с Марковым делаем прямоугольник по старым просекам, Погодин – по более новым кварталам.

Практически сразу же начались «русские горки» – просека то взбегала на гору, так, что приходилось снимать лыжи и идти пешком, то уходила резко вниз. Лыжи в этом случае приходилось снимать опять и скакать с валуна на валун. Зайцы облюбовали это место, и в низинках их собралась целая толпа. После непродолжительного затишья просека вывела нас на верховое болото. Довольно большое, оно окружало крохотное озерцо, расположившееся посередине. Квартальные столбы перестали попадаться, а без них в незнакомом месте трудно ориентироваться, тем более закладывать площадку.

Уже начало смеркаться, а просеки с запада на восток все

(Окончание. Начало в №1, 2004)

не было, хотя мы прошли уже больше километра. Наконец находим маленькую просеку сборщиков живицы, и хотя это не наша визира, идет она в нужном нам направлении. Через километр поворачиваем на юг и идем по дороге, заваленной стволами деревьев. Лыжи путаются в стволах. Уже полностью стемнело и это начинает раздражать. В довесок ко всему кончается дорога, она упирается в вековой лес, который постепенно переходит в болото. Пытаемся выйти на нашу старую лыжню и по ней вернуться домой, вместо этого по уши залезаем в болото. Ночевать в лесу не хочется ни Коле, ни тем более мне, в достаточно легкой одежде.

На небе показался месяц, высыпали бисером звезды. В лесу они словно подвешены к веткам деревьев и мигают, переговариваясь на своем звездном языке.

Страх пришел не сразу. Сначала рябчик, взлетевший прямо из под ног, заставил нас шарахнуться в сторону. «Сейчас кабаны пойдут, – сказал Коля и погрузился, – чем отмахиваться-то будем». Немного развеселились, но не надолго.

Березы цеплялись за одежду своими корявыми ветками-руками, елки мягко гладили по голове, говоря: «останься»; потревоженный камыш еще долго шелестел: «не уходи», а за моей спиной уже долго крался кто-то третий. Хорошо было Коле, у него сзади скрипел лыжами, сопел, ругался его напарник, а у меня за спиной шел страх, и было нельзя повернуться, потому что в упор из темноты уставятся на тебя пара глаз без зрачков, желтые, как месяц, освещавший болота своим светом. И если бы сейчас, над этими болотами раздался бы вой собаки Баскервилей, я бы не удивился, жутко испугался, но не удивился. Но вой не было слышно, видимо климат не тот, и я постепенно успокоился. Вроде бы цивилизованный человек, и в чушь всякую не верю, но есть что-то у ночных болот, что-то более древнее, что разбивает напрочь нашу цивилизацию.

Скоро нашли лыжню и по ней поехали домой. Над озером звезды светили по-другому, нежели в лесу, как-то мягче что ли, и я вскоре перестал обращать на них внимание. Издалека увидели огни базы и как на маяк пошли на них. Погодин ждал нас на пристани с егерем. Они стреляли в воздух из ружья, чтобы привлечь наше внимание, но ветер дул от нас, и мы ничего не услышали.

Оказавшись дома только в десять часов вечера, вскипятили только чай и не стали марать руки об мерзкую плитку, готовя суп. Поужинали пирогами, салом с хлебом и тушенкой. После еды Кольки обессиленные брякнулись спать, а я усилием воли все же заставил себя написать несколько строк.

11.02.

В семь утра я проснулся лишь затем, чтобы включить плитку и водрузить на нее кастрюлю с водой. После этой недолгой, но крайне неприятной в холодной комнате, процедуры снова засыпаю. Через час просыпаюсь уже оттого, что зашевелились соседи. Кастрюля издавала какие-то звуковые сигналы, но кипеть не желала. Такой подлости от нее никто не ожидал, так что пришлось опять варить макароны с тушенкой. Ели медленно, для того чтобы успел вскипеть чайник, но он все равно не успел, и пришлось кипятить чай кипятивником в кружке.

Даже эти ухищрения не помогли выйти на маршрут вов-

ремя, пол-одиннадцатого – это слишком поздно. Сегодня нужно доделать все восемь квадратов, работа сложная, но посильная. Разошлись тем же составом, что и вчера.

Опять потянулись километры, медленно оставаясь за спиной и в воспоминаниях. Вчерашние болота при свете дня кажутся самыми обычными: чахлые сосенки да кустики багульника. После болот пошли нехоженые вчера места. Сначала болота перешло в лес, затем дорога начала все более и более переходить в вертикальную плоскость и начались горы. Уже метров через сто лыжи пришлось снять и скакать по камням. По-видимому начинались восьмидесячники, кислороду стало недостаточно для полноценного дыхания. Лось сюда явно не забредал, кабан и подавно. Зато на снегу виднелись наброды глухаря, рябчики ночевали в снегу, оставив после себя лунки.

Миновав пояс гор, спускаемся в другое болото. Тут обитало, судя по следам, два лося. Старые и новые следы встречались с относительным постоянством. В самом дальнем углу последнего квадрата находим убитого лося. Он был завален лыжами и засыпан снегом так, что из-под снега выглядывал лишь небольшой кусок бока. Время поджигало, и мы решили оставить раскопки нашей находки на завтра.

В очередной раз, повернув, лыжня вывела нас снова к горам. Если весь прошлый день проходил под знаком болот, то нынешний, явно под знаком гор. Горы, горки, горушки – отголоски Уральского хребта были повсюду. Фристайл в хвойном лесу ночью чреват переломами рук и ног, но нам вроде бы повезло. Лыжи не хотели повторять причудливые повороты лыжни, им хотелось ехать прямо, но они утыкались в кочку или пенек, а я, соответственно, утыкался лицом в снег.

Под конец лыжня вывела нас на относительно ровное и прямое пространство. Из-под снега, метрах в трех от нас, вылетели один за другим два косача, прибавив в крови адреналин. Остаток пути преодолели без особых приключений.

Погодин был дома и попил чай. Процесс кипячения ускорился, потому что он отработал где-то тройник и применил на практике старый индейский прием «два в одном». Суть его состоит в том, что ты включаешь плитку и кипятивник, и нагреваешь ими одну емкость с водой. Раздухарившись, собираемся делать суп – мечта, еще вчера казавшаяся несбыточной. Соседи за стеной меняются каждый день, новые приходили за ножиком. Эти вроде бы поспокойнее, а то старые всю вчерашнюю ночь пили водку и заколачивали кроватями гвозди.

Пока я записывал свои наблюдения в дневник, суп приготовился. После обильной и вкусной пищи у всех появилось состояние близкое к нирване, и пока оно не ушло, Марков предложил всем поспать. «Завтра же на охоту, всем спать», – поставил он точку и нырнул под три одеяла.

12.02.

Новые соседи снова всю ночь пили водку и вытаскивали кроватями гвозди, забитые в прошлую ночь. Мы потихоньку прогрессируем. За час нам удалось стотовить всю еду. Некоторые из нас умудрились даже почистить зубы, что в данной обстановке является актом высшего героизма.

Коля Погодин сказал, что три человека для обхода площадки будет явно много, и сегодня он пойдет на линейный

учет к северу от Шитовского озера, в сторону Аятского озера. Мы с Ильичом пошли «змейкой» по квадратам нашей площадки. Еще раз напомним, что сторона квадратов по-прежнему равняется километру. Путем несложных арифметических подсчетов можно подсчитать сколько я проходил за день. Правильный ответ – двадцать два километра по пересеченной местности.

Первый день полноценных учетов начался полным отсутствием следов копытных. Лишь зайцы-побегайцы иногда перескакивали через старую лыжню, иногда позволяя себе довольно долго идти по ней, да в конце третьего километра нехотя поднялась копалуха, потревоженная мной. Еще четыре километра до убиенного лося прошли однообразно, я бежал, как на соревнованиях, по секундомеру, боясь опоздать к месту нашей с Колей встречи. Лося я откопал-таки. Точнее им оказался кусок шкуры с бока размером метр на метр. Я отрезал небольшой кусок на память и заспешил дальше. Дорога вывела к самой большой горе, пришлось взбираться на нее пешком.

На месте встречи меня ждал сладкий приз-сюрприз, две кружки горячего чая. После такого райского подарка еще девять километров назад показались таким пустыяком, что об этом

даже смешно говорить. На обратном пути мне повезло больше, на просеке я повстречал следы двух лосей. Они прошли сегодня утром, неторопливо обкусывая веточки и кустики, торчавшие из-под снега. Коля тоже весь остаток дня тропил кабанов и лося.

К трем часам дня с неба начал падать мелкий снежок, который постепенно все увеличивался в размерах. Это обстоятельство очень удручило нас, потому что судьба всех учетов очень сильно зависит от снега. При сильном снеге невозможно отличить старый след от ночного и утреннего. Вдобавок к снегу, по нашему окладу проехался какой-то орел на «Буране», что явно не помогало учетной работе.

Домой пришли засветло, и решили затопить баню, и помыться. Зайдя в нее, обнаружили, что эхо пьянки докатилось и сюда, в предбаннике стояли разнокалиберные пустые бутылки, а в самой бане, на полках, тарелка с солеными помидорами. Отвращение пересилило желание помыться, и мы решили потерпеть два дня.

Вернулся Погодин. Он тоже столкнулся с особенностью местных кварталных просек заканчиваться в самых неподходящих местах. Пройдя на север километров семь, Коля повернул обратно. Свежих следов ему не попало, зато люди

на «Буране» наследили и там. Два мужика с лайкой и караби-нами бессовестно бродили по нашей площадке.

За вечер выпивается немереное количество кружек чая, чтобы компенсировать дневное обезвоживание организма. После чаев я хватаюсь за дневник, К.М. заполняет следовые карточки, К.П. просто отдыхает после трудного дня. Молим бога, чтобы новые соседи-рыболовы изменили, давно устоявшейся здесь, традиции распивать водку и распевать в три часа ночи «Черный ворон».

13.02.

Чудо свершилось, эта ночь за стенкой прошла тихо. Погода стояла по-весеннему теплая, с юга дул теплый ветерок, и все небо было затянуто облаками. От причала наши старые лыжни расходятся, петляя между надувами, сходятся в одну у полуострова, чтобы вновь разойтись за ним, и слиться, уже окончательно, у устья реки Бобровки.

Мой сегодняшний маршрут был сиаемским близнецом вчерашнему, как по километражу, так и по времени. С точностью до минуты я мог предсказать выход к тому или иному приметному месту. С неба то сыпал мелкий снежок, то выглядывало солнышко. Снег был сырой и налипал на лыжи, мешая при ходьбе.

Перед самым горным участком маршрута я снял телогрейку и побежал в свитере, оставив ее дожидаться меня на квартальном столбе. Впереди, после трех километров, меня ждали Коля и две кружки горячего чая, уже несладкого, потому что сахар закончился сегодня утром. По склону самой высокой горы прошел лось. Его следы я встретил, летя с третьей космической скоростью вниз. Пришлось экстренно тормозить, путем заваливания набок, и идти обратно смотреть, куда же все-таки ушел лось. Лось ушел вверх из оклада, поднявшись на гору из болот.

Ильич заварил очень крепкий чай. Ноги сразу же сделались ватными, нестерпимо захотелось есть, и километр до телогрейки показался очень долгим. Попрыгайцы, испугавшись снега, тихонько сидели и не бегали. Зато активизировался кабан в районе приснопамятной гримпинской трясины. Не знаю, как они нас не затоптали той ночью, когда мы здесь немного заплутали. На линию финиша, или старта, как кому удобно, я пришел в пять. Коля немного задержался, вытрапливая кабанов.

На небе в этот предзакатный час шла борьба света и тьмы. Эта борьба в виде теней отражалась на льду озера. Участки серого льда чередовались с полосками белого, желтоватого и красноватого. Но вот тьма победила, и дальний лес расплылся за пеленой снега и туч. База, еще минутой назад казавшаяся такой близкой, словно отодвинулась назад и растворилась в серости сумерек.

В насосе, качающем воду из колодца, сломалась какая-то деталь, и он отказался давать нам ту драгоценную влагу, от которой зависела наша безбедная жизнь на базе. Стратегические запасы, жалкие полведра, ушли на заполнение ненасытного чрева чайника. И тогда было принято единственно верное решение – используя минимум воды, поджа-

рить картошку с тушенкой. Выменяв у сторожихи сахар и свиной жир на две банки тушенки, которая является у нас разменной монетой, мы поджарили три сковородки картошки, по одной на брата.

14.02.

С утра выяснились некоторые разногласия между Николаями. Погодин настаивал на трехдневном маршруте, мотивируя это более точными результатами, Марков же стоял за двухдневный оклад, говоря, что прошедший вчера снег, замел все следы. Этот спор разрешил снег за окном, пошедший мягкими белыми хлопьями. Идти в лес стало бесполезно, во второй половине дня за нами должен был приехать Солдатов. Все занялись потихоньку сборами. Мышцы ног по привычке заняли, предчувствуя два десятка километров пути, но я их разочаровал и лег вздремнуть, компенсируя недельный недосып. Солдатов все не ехал, и мы начали подумывать о выброске собственными силами.

В пять часов мы вышли в совершенно мартовские сумерки, уже начавшие сгущаться над лесом. За каждым поворотом нам мерещились огни подъезжающей «Нивы», но увы, Солдатов видно не собирался проезжать в этом направлении. Семь километров до старотагильского тракта прошли почти в абсолютном молчании.

Через десять минут голосования на дороге поймали «Жигули». За небольшое количество денег согласились подбросить нас даже до остановки метро «Проспект Космонавтов».

В метро жили ужасные холодные сквозняки, они сразу же набросились на взмокших от утомительного перехода по лесу отважных урало-университетских следопытов. Метро увлекло в свое чрево и выбросило лыжи, рюкзаки и наши измученные тела в центр города на «Площади 1905 года».

Фотографии предоставил Александр Минеев.

Леонид БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Многоэтажная Кама

Картины геологических событий отдаленных эпох мы восстанавливаем по их геологическим результатам и по следам, которые они оставили на местности, в ландшафтах.

Геологические процессы на Земле непрерывны. Они продолжаются и ныне, проявляясь не только в катастрофических землетрясениях, извержениях вулканов или иных опасных явлениях, но и в малоприметных, на первый взгляд кажущихся незначительными, переменах в рельефе, в береговых линиях рек или озер, в глубине речного русла или в иных переменах, которые можно наблюдать на протяжении даже одного поколения человеческой жизни.

Для нас – моего отца и моих братьев – объектом таких наблюдений в XX -м столетии были Старцева Гора на берегу Камы у города Сарапула в её среднем течении, сама Кама и лабиринты оврагов Сарапульской возвышенности.

Загадки Старцевой Горы

Около Сарапула Кама течет в меридиальном направлении, с севера на юг, отклоняясь несколько к юго-востоку. Ее левый, уральский, берег низкий и равнинный. Правый же, «московский», наоборот, – высок и обрывист.

В пятидесяти километрах к западу от Камы в том же направлении протекает река Иж. Возвышенность между Ижом и Камой называется Сарапульской. Двумя полудугами своих отрогов, как гигантскими клешнями, она охватывает и прижимает к реке обширную низину, речную пойму с жилыми кварталами Сарапула. Северная полудуга словно тараном упирается в Каму огромной выпуклой горой, по местному «пулышом», с обрывом к реке. Вот эта гора в XVI столетии прозывалась Старческой Горой, позже народ переименовал ее в Старцеву Гору. Над уровнем Камы Старцева Гора поднимается на 50-70 метров, над уровнем моря – на 200 метров.

Гора – одна из достопримечательностей Сарапула. С ее высоты открывается захватывающая дух панорама широкой

реки вверх и вниз по течению, и закамских лесных далей, прикрытых голубой дымкой тумана. Редкий старожил города не приведет сюда своего гостя, чтобы показать эту впечатляющую картину. В геологическом же отношении гора примечательна, прежде всего, возрастом: ей от 240 до 280 миллионов лет. Она появилась на свет в то время, когда в 50 километрах к востоку, на стыке Русской и Сибирской платформ земной коры заканчивался процесс образования Уральских гор, длившийся сотни миллионов лет. В этом отношении Старцева Гора является ровесницей гор Уральских.

Особенно же знаменита Старцева Гора пермскими толщами – морскими и континентальными осадками и отложениями пермского периода палеозойской эры, из которых она полностью сложена. В частности, осадками Русского моря, разливавшегося тогда над всей Русской платформой. Когда море отступило, дно его, покрытое слоем осадочных пород толщиной в сотни и даже тысячи метров, стало сушей с рельефом из этих пород. Частицей того рельефа была и Сарапульская возвышенность со Старцевой Горой.

В мезозойскую и кайнозойскую эры на Русскую платформу неоднократно возвращалось и опять уходило море, а его осадки ложились уже на пермские толщи, скрывая их от дневного света. На Старцевой же Горе они остались открытыми. Выклиниваются, по выражению геологов, на дневную поверхность, а на обрыве обнажены на высоту 30-40 метров и предстают взору живописным полотном, словно набросанным вольной кистью абстракциониста.

На розово-красном и красно-буром фоне пермской глины пестрят причудливые штришки, полоски, завитки голубых, черных, желтых суглинков и других цветных горных пород, серые пятна песчаников, золотистые искорки песочного кварца. Под темной, волнистой, как гирлянда, бровкой обрыва, выше которой гора продолжает подниматься уже зеленым склоном, виднеются крыши домов, выдвинулась вперед уте-

Карты даны по книге Г.В. Обединтовой «Века и реки».

сом голубовато-серая отвесная скала конгломерата с очертаниями, напоминающими профиль человеческого лица. Каменный истукан как будто вглядывается в голубые закамские дали, устремляя взор к скалистым вершинам Урала.

Под скалой порог – речная терраса, частица поймы древней Камы. На ней домик бакенщика, перевальный столб и ствольный знак судового движения. На второй террасе – красивое здание с башней городской водоканчки. В местах цветных прожилков глины пробиваются из обрыва многочисленные родники холодной подземной воды. Вода сбегает на узкую береговую полосу, бечевник, и с него – в Каму. Туда же опускается круто и склон горы. На воде – дебаркадер пассажирской пристани, грузовой и паромный причалы, огромные баржи, катера, лодки-завозни.

«От Гольян до Сарапула розовой стеной, разукрашенной темной зеленью пихт и елей, стоит высокий правый берег. Особенно хорошо обнажение пермских толщ у самого Сарапула, под городской слободой,

носящей имя Старцева Гора». Так сказано в путеводителе по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой, изданном под редакцией географа, профессора В. П. Семенова-Тян-Шанского. Обнажения пермских толщ у Сарапула и выше по Каме признаны наукой мировым эталоном типажа пермских отложений палеозойской эры.

Такой была Старцева Гора до первых десятилетий минувшего века. К концу столетия она значительно изменилась. Самая заметная перемена – почти полное исчезновение пермских обнажений. В 30-е годы дожди, ключи и паводки смыли террасу с домиком бакенщика, знаки судового движения вкопали в обрыв. Обрыв, постепенно становясь все более пологим, зарастал травой и кустарниками, пока окончательно не позеленел. Исчезла волнистая бровка, ветры выдули и уничтожили утес. Бечевник же становится все шире и шире. Кама удаляется от горы, продвигаясь к востоку.

Отодвинулась Кама и от южной полудуги Сарапульской возвышенности в девяти километрах от Старцевой Горы вниз по течению. Следуя за Камой, сместилось к югу устье Малой Сарапулки, камского правого притока.

А на левом берегу наступающая на восток Кама смыла четыре улицы поселка водников Симоники, две грунтовых дороги со столбами проводов от Симоники до Ершовки,

Склон Старцевой Горы с водонапорной башней. Снимок 60 гг.

обширную дубраву за этими дорогами, Черный Яр, обрыв, под которым стояла ершовская пристань, срезала устье реки Буя, ниже Ершовки, а его приток Камбарку сделала своим притоком. Отступающая к востоку река превратила в пляжи обрывистые левые берега Зеленого и Пляжного островов против Сарапула.

И все это произошло здесь за одно столетие. Чтобы понять куда, зачем и почему движется Кама к Востоку, надо взглянуть на ее далекое и близкое прошлое, полное непрерывно протекающих грандиозных перемен.

Гулающая река

Биография Камы еще не написана. Ее история – тайна за семью печатями. Но часть печатей уже сорвана, и во мглительной метелице веков и тысячелетий смутно обозначились отдельные вехи ее долгой жизни.

Гидрологические исследования Камы начались лишь в 1876 году, когда Министерство путей сообщения организовало на Каме и ее притоках сеть постоянных водомерных постов. Наблюдения велись по 1892 год включительно и возобновились в 1922 году.

В 1911 году, в связи с предполагаемым соединением Чусовой с Иртышом, а Камы с Печорой волжская Тетюшская передвижная гидрологическая лаборатория измеряла годовой расход воды у села Добрянка в 70 километрах выше Перми.

В августе 1950 года экспедиция Ленгидроэнергопроекта начала гидрологические и метеорологические исследования в створе будущей плотины Воткинской ГЭС у села Гилево, у деревни Гамы и села Сайгатки в 70 километрах выше Сарапула. Проводились бурения глубинных скважин так же, как это делалось и ранее при строительстве Камской ГЭС выше Перми. Эти глубинные бурения и открыли то, чего исследователи не ожидали: погребенное мощным слоем осадков русло древ-

ней Камы, а под ним – русло Камы еще более древней. Первую Каму палео-гидрографы назвали Пра-Камой, вторую – Палео-Камой. Глубинные бурения и положили начало исследованиям Камы с нандревнейших времен.

КАМА КАРБОНОВАЯ, Прото-Кама, т.е. древнейшая Кама. Она существовала в каменноугольный период палеозойской эры более 350 миллионов лет назад. В плане занимала положение, близкое к нижнему и среднему течению современной Камы. К востоку от Самарской луки она впадала в огромное Уральское море. В отложениях ее дельты и береговой полосы моря образовались богатые месторождения нефти. Когда море ушло, а на его месте поднялись Уральские горы, Прото-Кама постепенно отмерла, исчезла почти бесследно.

КАМА ПЕРМСКАЯ. Когда закончилось образование Уральских гор и отступило Русское море, а на его месте осталась суша, по долине карбо-

новой реки потекла Кама пермская, омывая склоны Старцевой горы. Ее истоком была Чусовая, к тому времени уже прорезавшая поперек хребты Уральских гор. Белая не впадала в Каму, а текла параллельно ей на север вдоль предуральского краевого прогиба Русской платформы. В отложениях этой Камы, несшей с собой и соленые воды озер, оставшихся после моря, образовались богатые месторождения солей, гипса, глины. Эта Кама также исчезла в толщах отложений.

КАМА НЕОГЕНОВАЯ, Палео-Кама. Палеогидрографы называют ее также Кинель-рекой – по кинельским осадочным толщам, обнаруженным на реке Кинели, притоке Волги. Существовала от 20 до 5 миллионов лет назад в неогеновый период кайнозойской эры. У Сарапула текла несколько восточнее долины современной Камы, где и обнаружен ее выклинивающийся аллювит. Отличалась каньонообразным руслом гигантских размеров. Местами его глубина достигала 110-120 метра, ширина по дну – 700 метров, по верху – 1,5-3,5 километров. Коренные берега поднимались на высоту от 200 до 850 метров. Белая не впадала и в Палео-Каму. У села Николо-Березовка, ниже Сарапула, в Палео-Каму слева вливалась другая древняя река. Возможно, что по ее долине ныне течет речка Березовка. Вероятно, что по долине бывшего правого притока Палео-Камы течет ныне Большая Сарапулка. Похоронили Палео-Каму морские и континентальные осадки, под которыми и обнаружили при глубинном бурении ее каньонообразное русло.

КАМА АКЧАГЫЛЬСКАЯ, короткая. Существовала от 3 до 2 миллионов лет назад, когда произошла обширная трансгрессия (наступление) Каспия, и море поднялось по Волге до Жигулей, а по долине Камы до Сарапула. Кама впадала не в Волгу, а в один из заливов этого моря, получившего название «Акчагыльское» по урочищу Акчагыль на Красноводском полуострове Каспия. С отступлением (регрессией) Акчагыль-

кого моря Кама потекла в Волгу по своему прежнему руслу.

КАМА НИЖНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ, нижнечетвертичная, Пра-Кама, великая река антропогенного периода кайнозойской эры. Существовала от 2 миллионов до 400 тысяч лет назад на рубеже неогена и плейстоцена. Отличалась большой глубиной русла и очень широкой долиной. В верховье текла по Вишере. Белая стала притоком Пра-Камы. Но ее устье находилось в 35-40 километрах выше современного устья, у села Старо-Кабаново. И эта Кама также была похоронена осадками, под которыми она и была обнаружена при глубинном бурении у Перми и у Сайгатки.

КАМА СОВРЕМЕННАЯ, ныне живущая. Специалисты Ленгидроэнергпрома установили, что верхняя (третья) терраса Камы высотой до 30 метров от уровня реки относится ко времени Днепровского оледенения, которое произошло от 250 до 110 тысяч лет назад. На таком высоком уровне – где ныне стоит здание сарапульской водоканализации – текла в то время Кама, размывая склон Старцевой Горы и обнажая на обрыве розово-красные пермские толщи.

Средняя (вторая) терраса высотой 15-20 метров относится ко времени Валдайского, последнего оледенения – от 70 до 11 тысяч лет назад. На этой террасе потом стоял дом бакенщика у Сарапула. Пойма Камы (первая терраса) возвышается над рекой на 7-10 метров, а опускается в воду, ко дну реки, на 7-16 метров. На этой пойме стоят ныне дома нижней части Сарапула, Симониха, Ершовка, и растет таежный лес. В половодье 1914, 1941 и 1958 годов Кама заливала пойму и дома сарапулятян так, что жители вынуждены были заплывать в свои дома на лодках через двери или окна. В нескольких километрах к востоку от берега по синеве таежного леса протянулся темной полосой уступ рельефа, заметный со Старцевой

Горы. Это восточная терраса Камы Валдайского или Днепровского времени. Там в те годы находился левый берег Камы. Туда, к бывшему берегу и стремится ныне Кама. В то же отдаленное время Кама отошла от того берега и придвинулась к Старцевой Горе. Так и гуляет она по своей долине в веках и тысячелетиях.

Ледники не достигали Старцевой Горы и Камы. В 200 километрах к северу от Сарапула их остановила Верхне-Камская возвышенность. В послеледниковье Кама приобрела свою характерную петлевидную форму русла, прихватив «хвост», отрезок верхнего течения северной реки, в низовьях покрытой льдами и оторвавшись от Вишеры. Тогда же петлей в обратном направлении от Камы стало и русло Вятки.

Геологическое развитие Русской платформы продолжается и в наше, историческое, время. Не закончился и современный эрозийный цикл Камы. Кама – это гигантский водопад: отметка ее истока 278 метров, устья – 33 метра. С высоты 245 метров падает камская вода в Волгу. Сравним: высота Ниагарского водопада 51 метр, Иматры – 18 метров. Мощный поток падающей воды Камы врывается в грунт, размывая и унося с собой миллионы тонн песка, гальки, глины, образуя наносы, перекаты, мели. На перекате между Зеленым и Пляжным островами работает землечерпалка, драга, выгребая песок и освобождая проход судам.

Ныне тремя плотинами ГЭС Кама рассечена на четыре отрезка, каждый из которых постепенно превращается как бы в самостоятельную реку со своим водным режимом, своей экосистемой. И нам еще предстоит проследить и изучать жизнь этих четырех Кам, на которые теперь воздействует и природа и человек.

Фотографии предоставлены автором.

Створный знак судоходства на склоне Старцевой Горы.

Ирина АНФЕРОВА

Анферова Ирина Витальевна - коренная екатеринбурженка, родилась в семье преподавателей. Закончив строительный факультет Уральского политехнического института, работала в проектных организациях города. Литературой увлекалась с детства. Некоторые ранние стихи вошли в детские книжки «Тигрята» и «Семейный альбом.» Пишет прозу и стихи для взрослых и детей. Недавно издана книжка «Приключения черного крысенка» (проза). В разные годы вышли сборники лирики «Только любовь...», «Мой Екатеринбург» и «Без купюр». Постоянно печатается в местной периодической печати (более 120 публикаций - стихи, рассказы, очерки).

Я жду весну с капельными трезвонами,
 Что слышны спозаранку за окном,
 С проталинами сочными, зелеными
 И в полдень жарко дышащим теплом,
 С надеждою свершения невозможного,
 Которая сбывается всегда -
 И время узелки развяжет сложные,
 И горюшко растает без следа.
 Приход весны в неразберихе верченной
 Ускорит птиц заморских перелет.
 На улице, улыбками расцветившей,
 Прохожий мне приветливо кивнет.
 Весна спешит шагами семимильными,
 И кружится черемухи краса,
 И я, взмахнув расправленными крыльями,
 Вдруг начинаю верить в чудеса.

Встречаем утра, провожаем дни,
 И наша жизнь мелеет понемногу.
 Ко мне ты просто в душу загляни,
 Но только сокровенное не трогай.
 Не потому, что жаль чего-то мне, -
 Минувшее казалось настоящим,
 Тонула ли, горела ли в огне -
 Воистину, все было преходящим.
 Могла ли знать? Ах, если б знать могла,
 С чем встречуся за ближним поворотом...
 По силам Бог дает добра и зла -
 Не больше и не меньше ни на йоту.

Я слышала во сне,
 Как тихо мышь скреблась.
 Сквозь зубы, чтоб не разбудить,
 Мой старый пес поварчивал
 На коврик в прихожей
 В ответ на шорохи
 Предутренние в доме.
 На цыпочки привстав,
 Едва-едва дыша,
 Вплывало, медленно

Раскачиваясь, утро
 И заполняло комнату мою
 Прозрачным, как стекло,
 Желеобразным светом.
 Рождался новый день.
 Что мне он принесет -
 Заботы, радости,
 А, может, огорченья?
 Стряхнув остатки сна,
 Шагаю дню навстречу
 С распахнутой душой.
 Дел накопилось столько,
 Что за неделю их не провернуть.
 Но это хорошо
 И значит: стоит жить.

Нет, не сама любовь!
 Важнее - ожиданье,
 Хмелящее преддверие весны.
 Я слепо верила
 в гадалки предсказанья,
 И снились мне несбыточные сны.
 А в жизни будничной
 иначе отчего-то,
 И в ней других примет круговорот:
 Без слов понятный взгляд,
 улыбка мимолетом
 И поздних встреч случайность у ворот.
 Прелюдия любви -
 руки твоей пожатье
 И магия мгновенья каждый раз,
 И знаковость во всем - невинное объятье
 И поцелуй - так дороги для нас.

И пара фраз холодным тоном,
 Все не идет из головы.
 Что там, за вежливым поклоном,
 Что мне открыть пытались вы?
 Слов многозначность безгранична
 И суть способна исказить:
 В ней ложь становится привычной
 И вместо правды может жить.

Беспорядок

Что за дела? Опять разруха в доме!
 Поставить ногу негде всякий раз,
 И в угол брошены бесхвостый слоник
 И медвежонок, потерявший глаз.
 А малыши катаются на горке,
 Их калачом теперь не заманить.
 Вздохну и принимаюсь за уборку:
 Сначала - мягкие игрушки рассадить,
 Сюда - «Конструктор», кубики - на место,
 В гараж - машинки в ряд и паровоз.
 Потом пришью покрепче тонкой леской
 Мишутке глазик, а слоненку хвост.
 Высокой стопкой уложу я книжки,
 Пыль влажной тряпкой быстро соберу.
 В подъезде шум: вернулись ребятишки...
 И можно заново начать игру.

Опять зима

Ура! Мы встретились с зимою,
 Сугробы посреди двора.
 Звонкоголосою гурьбою
 Слетелась наша детвора,
 И снеговую бабу разом
 Слепили трое малышей,
 Со шляпою - пробитым тазом,
 С улыбкой доброй, до ушей.
 Метлу ей тотчас в руки дали -
 Сережка из дому принес.
 Глаза из угольков вставляли,
 Морковка заменила нос.
 Достали лыжи и салазки.
 Вот мчимся с горки ледяной...
 Спешит к нам Дед Мороз из сказки
 Лесной нехоженой тропой.

Поздняя осень

Хмурый ветер по клавишам ставней
 Высекает протяжные хлипы.
 Вспоминая о лете недавнем,
 Закручинились древние липы.
 Много в жизни они повидали -
 Целый век промелькнул, как мгновенье.
 Вот уж ночи промозглыми стали,
 Ощутимо зимы дуновенье.
 Разметалась листва по тропинке,
 Сиротливо стволы оголились.
 Заглянувшие в гости снежинки,
 Чуть коснувшись земли, растворились.

Холодает

Крыльцо снежок запорошил,
 И лед на лужах поутру
 Жемчужной россыпью прошил
 Мою сонливость по нутру.
 Вкусивши холода напасть,
 Я сразу съезжилась в комок.
 Домой бы мне скорей попасть!
 Там, у печи свернусь в клубок,
 Оттаяв, прикорну в тепле,
 Блаженно греясь у огня...
 Пускай узоры на стекле
 Зима рисует без меня.

* * *

Скрип шагов арбузной коркой.
 К ночи затвердел снежок.
 Холод выполз на задворки,
 Перешел через лужок.
 Расшалился не на шутку:
 Щиплет уши, щеки, нос.
 Заспешил по первопутку
 Крепкий нынешний мороз.
 Он играючи узоры
 На стекле разрисовал,
 Пробежался вдоль забора
 И за речкою пропал.

Настроение

Снега хруст.
 Густеет вечер.
 Солнце лижет горизонт.
 Мозг мой пуст.
 Заняться нечем.
 Неба растворился зонт.
 Чередой
 Проходят звезды
 В клочьях рваных облаков.
 Недвижим
 Студеный воздух.
 Окна светятся домов.
 Бьется в такт,
 Как в клетке птица,
 Сердце, взятое в тиски.
 Неспроста
 Ночами снится
 Лик, изъеденный, тоски.
 Чуть дыша,
 Неотвратимо
 Надвигается туман.
 Не спеша,
 Струится мимо,
 Пряча горестный обман.

Леонид БУКРИН

Новый год в лесной избе

1979 год начался с пятидесятиградусных морозов. Но мы как всегда собрались отмечать его в лесу, в своей собственной избе. Утром 31 декабря из-за резкого похолодания все стали звонить А.Д. Кареву – пойдём на новый год в лес или не пойдём. И он, как истинный джентльмен, многих убедил, что нужно ехать на новый год в лес, дескать, мы что, зря строили два выходных горку для Нового года? И еще подсказал, чтобы лыжи не брали, а шли сразу в валенках. На том и решили, что пойдём пешком, тем более тропа до избы хорошая. На электричке доехали до станции Аять, вышли и пошли 5 км до избы. На станции местные на нас пальцами показывали, качая им около виска. Температура уже перевалила за -40° , но мы-то знаем, куда идем. С Рахимовыми даже шел сын Стасик, ему было 10 лет. По дороге к нам навстречу, уже от избы, шел на лыжах С. Пермяков. Он то уже решил, что мы передумали, и даже печку не стал топить. В избе все стенки были покрыты куржаком, а на подоконниках висели сосульки. За неделю изба сильно остыла, хотя еще на той неделе было тепло. Затопили мы печь в избе и в бане и пошли готовить дрова на запас, чтобы их хватило на следующий раз.

К семи часам вечера баня уже была готова, с потолка капала смола, это был наш термометр – эталон жаркой бани, а в избе было еще только плюс 10° , но кочегары знали свое дело, и все верили, что к 22 часам должно быть $+25^{\circ}$. На улице мороз крепчал, но нас это уже не интересовало. У кого-то был градусник, но он показывал только до -40 градусов.

В жаркую баню идут первыми самые морозостойкие. Печь для бани мы сделали сами при помощи топора и зубила. Нашли пустую бочку из под смолы, пробили в ней с торца отверстие для трубы, для дров – сбоку и выше для поддачи пара. Камни в бочке лежали на стальных прутьях, через них шел огонь и дым в трубу. Вода грелась рядом в другой бочке. Когда баня нагревалась, то из печки выгребали всю золу, а на крышке закрывали трубу, чтобы тепло из бани не уходило. В печи оставались одни красные камни. Входило в баню за один раз не больше 6-7 человек, веники готовили летом – из березы, а зимой – из пихты. Горячий воздух в бане с мороза сразу не ощущался своей жгучестью. О жаре напоминали капли смолы, висевшие на потолке. Если ты попал в первый поток, то терпи, на улицу в снег выскакивают все разом, для того чтобы двери часто не открывали и не остужали баню. После пяти таких экзекуций уже не нужны ни мыло, ни мочалка. На камни подливали воду малыми дозами вперемежку с квасом.

В 22 часа уже был накрыт праздничный стол на 30 человек, и температура в избе уже была $+26^{\circ}$. Все ходили в рубашках и платьях. Начался настоящий пир среди глухого Уральского леса. По ходу шел концерт, подготовленный Витей Ефимовым – «Маэстро». Он даже достал дирижерский концертный фрак и шляпу – цилиндр. Раньше он учился в консерва-

тории. Все кричали: «Маэстро, Музыку!». Было трио: он сам играл на балалайке, Коля Иванов – на гитаре и Гена Лютин на мандолине и на баяне. Гена хорошо играл на гитаре и пел. Нам казалось, что его песням нет конца. Если начинали петь под гитару песни, то это могло затянуться минимум часа на три. В два часа ночи к нам пришли гости, тоже группа с Уралмаша. У них изба стояла в двух километрах от нашей. Они се тоже строили в одно время с нами. Когда гости покрытые инеем зашли с мороза, с ними в избу ворвались клубы густого пара. Снова были поздравления, застолье, песни, танцы. После пошли кататься на нашу горку, для этого были приготовлены подносы. Горку мы строили с Каревым, из досок, четыре метра высотой, на крутом берегу ручья. Когда летишь в темноту по этому ледяному желобу, того и гляди, чтоб с деревом не столкнуться. Только луна и звезды мелькают между деревьями, которые трещат от мороза.

Новый год отметили на славу, но домой все равно надо собираться...Первого января в 14 часов мы толпой двинулись к станции. Оказалось, что провода для электропоездов кое-где лопнули от пятидесятиградусного мороза. И до города мы добирались целых три часа, это вместо одного, как обычно.

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Ущелье «Злых духов»

Горы, как бы нехотя, расступились, пропуская нас в серый полумрак вздымающихся ввысь нагромождений камней и скал, начинающийся яркий солнечный день остался за спиной, как и зелёная тайга с тёмными кедрочками и елями с мягкими ягельниками, колочими зарослями шиповника. Нахор из юркой речушки превратился в горный ручей, звонко скачущий с камня на камень, создавая небольшие водопадики и озёрца. Чем дальше мы поднимаемся вверх по Нахору, тем неприступнее становятся окружающие нас со всех сторон горы, тишину нарушает лишь журчанье ручья да карканье древнего ворона, преследующего нас с самого утра.

– Вот привязался, беду кличет, – шёпотом говорит Юрка, усаживаясь на валун, прикуривая папиросу, – на наши следы беду наведёт, как пить дать.

– А чё ты шепчешь, – удивляюсь я, – давай стрельнём, и все дела.

– Да ты что говоришь? Стрелять-то нельзя – грех большой, громко говорить тоже нельзя – услышит, хуже будет. Посидим, отдохнём, покурим, может, и отвяжется.

– Давай отдохнём, – охотно соглашаюсь я, стягивая рюкзак и карабин, – хоть плечи отдохнут, да и молотком намахался, а всё одно – базальты, да диабазы, ничего путного, интересного.

– А чего ты хочешь найти путного? Горы они и есть горы.

– Юра, а как мы, интересно, наверх выберемся? Ущелья,

скалы и сплошь обрывы. Нахор уже не единожды раздваивался, куда идём?

– Так у тебя же карта есть, по ней, наверно, и идём.

– Какая карта, на ней давно уже нет ручьёв, а тем более реки, а ты говорил, что бывал здесь, охотился.

– Мы, должно быть, правильно идём, проход на перевал где-то здесь рядом. А сюда я не ходил, с дедом в долине охотился. Он рассказывал, что тут плохие места, и манси сюда не заходят и не охотятся. Дед говорил – злые духи в ущельях обитают, горе тому, кто свою тропу в этих местах топтать будет... сгинет.

– Но ты-то ведь пошёл?

– Я-то ведь только из-за тебя и пошёл, иначе пропали бы здесь, а другого проводника тебе не найти. Ни один хант или манси в эти места в жизни не пойдут. Ладно, поговорили и хватит, пойдём потихоньку, чай дальше варить будем.

Засобирался Юрка, натягивая рюкзак и карабин. Валет понял, что нужно двигаться, крутнулся под ногами пару раз и исчез в развалах скал. Вновь наш путь лежит по ущельям, всё вверх и вверх. Кругом ни кустика, ни травинки, ни единого живого существа. Только камень. Камни на дне, по бокам и в вышине. После роскошной зелени тайги, богатой рыбой речки и зелёных пойменных лугов эти безжизненные громады гор, серое клочкастое небо над головой и непробудная тишина нагоняют тоску, всё вокруг кажется замершим, заколдованным злыми духами.

Прыгая с камня на камень, обходя опасные места, медленно пробираемся вдоль журчащего ручейка к перевалу. Причуд-

(Отрывок из неопубликованной повести.)

ливые скалы вырастают, то слева, то справа или напрочь преграждая дорогу и мы протискиваемся сквозь извилистые коридоры, пробираясь под карнизами нависших скал.

Весь день воевали с курумниками и крутизною. И только к вечеру неожиданно ущелье стало расширяться, и каменные осыпи пошли вниз.

– Смотри-ка, Игорь, дорога пошла вниз, а к перевалу мы ещё не дошли, однако.

– Точно, Юрик, до перевала нам ещё топтать, да топтать.

Неожиданно, обходя одну из громадин скал, перед нами открылась продолговатая долина, окольцованная со всех сторон неприступными, вздымающимися стенами из скал базальтов. Долина в отблесках уходящего дня казалась сказочной. Вся убранная поздними осенними цветами и вечно зелёным вереском, и можжевельником с терпко дурманящим запахом. А в глубине долины дремало озеро зеленовато-изумрудного цвета. Под ногами ярко-зелёным ковром расстилались пахучие травы и ягельники. Но в этой буйно-зелёной роскоши не видно было признаков ни одного живого существа. Не плеснёт рыбёшка в озере, не помята трава в округе – ни следочка.

Заночевали на берегу озера, среди вереска и брусничных зарослей. Ночь прошла спокойно, и даже Валет, умотавшийся за день, не догрыз сухарь, растянувшись недалеко от костра, уснул чутким своим сном.

Как всегда, проснулся от Юркиного ворчания и стука топора, костёр вовсю полыхает, а в сторонке, похоже, уже стоит котелок с чаем.

– Иди, сполоснись, да будем завтракать, вчера, считай, весь день голодом провели.

Достаю полотенце и отправляюсь к озеру. Вода в озере не холодная, а просто ледяная. И чего он меня в такую рань поднял, ещё и солнце не взошло. И в этот миг, откуда-то сбоку, из ущелья выглянуло солнце, вмиг преобразив всё на свете. Даже озеро, посветлев, стало отливать лазурной голубишной и выветило метрах в трёх от берега россыпи жёлтого камня.

– Юрка, беги скорее! Смотри, что это? – взывал я не своим голосом.

– Ты, чё орёшь, как Вор-Хум, – удивлённо подходу, спрашивает Юрка.

– Да ты смотри, смотри, что это на дне блестит, видишь?

– Ну, вижу, сейчас достанем, – раскатывая и подтягивая болотные сапоги, лезет в воду. Немного побултыхавшись, гордо, на вытянутой руке подаёт три кругляша, похожие на пряники.

– Ну и тяжёлые, чёрт побери, как свинец.

– Да это же золото, чёрт побери, самое настоящее, смотри, как блестит на солнце, – влюблено смотрю на жёлтые кругляши.

– Так вон, гляди, Игорь, всё дно усеяно жёлтыми камушками, а там, гля, и совсем большие есть, да глубоко шибко там.

И, правда, приглядевшись, на глубине всё дно озера покрыто жёлтыми пятнышками самородного золота. Сколько его в озере – видимо-невидимо.

– Юрка, здесь золота столько, что и на самосвале не увезёшь. Только ведь кругом базальты, а в таких горных породах золото не водится, чудно как-то.

– Водится, не водится, а вон оно у тебя в руках. Ещё будем набирать или как?

– Тяжеловато и так, Юрка, да вот, что ты достал, считай, пару килограммов прибавится. Нет, хватит и этих образцов – всё не упрёшь.

Пока Юрка уплетал тушёнку и швыркал, обжигаяще горячий чай, я зарисовал озеро и подробно описал находки золота. Вновь не удержался и подошёл к озеру полюбоваться сверкающим несметных сокровищ, но, увы, солнце покинуло ущелье, и вода в озере приобрела свою зеленовато-изумрудную окраску, укрыв блеск золота в своей зелени.

– Да, Юрка, похоже, что золотишко-то можно увидеть только единожды в сутки, на рассвете и то только на миг, прозевай этот момент – и мы тоже ничего не увидели бы, – устраиваясь рядом с Юркой, уплетаю тушёнку, запивая брусничным чаем.

– Поэтому, Юрка, никто и не нашёл его, как в сказке.

– Нет, совсем не как в сказке. Я же говорил тебе, что эти места для ханты и манси запретные, да и сам видишь, нет здесь ни зверя, ни рыбы – одни камни. Что делать здесь манси? Золото ему не нужно, его не съешь.

– Может, ты и прав, Юрка, только смотри – Валет насторожился, шерсть вздыбилась, что-то учуял.

Юрка только чуть слышно цыкнул, и что-то шёпотом сказал псу. Валет сразу стих и залёг в вереске. На противоположном берегу, настороженно шевеля ушами, как призрак из ниоткуда, появился красавец лось, в своём осеннем свадебном убранстве. Чёрная с проседью шуба лоснилась на боках с жёлтыми подпалинами, гордо поднятую голову укрывали могучие рога, не спеша, сохатый шагнул в озеро и долго пил студёную воду. Затем, ещё раз оглядев гладь озера, с гордо поднятой головой скрылся в тальниках, растущих у самых скал.

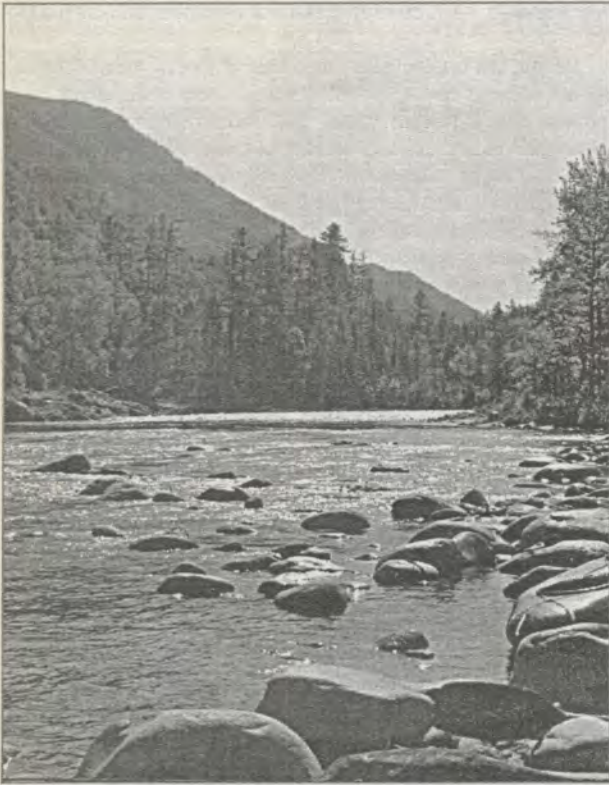
– Не услышал нас сохатый, далеко видно, и дым не учуял – это хорошо.

– Чего хорошего-то, Юрка?

– Так он нам с тобой проход показал из этой долины, сами бы мы и не выбрались. Видишь, одни скалы, как стены, и щелки не видно. А сейчас по следу сохатого нас Валет, как по компасу поведёт.

– Давай тогда собираться будем. Золото в два рюкзака раз-

ложим, на всякий случай, вдруг, что случится, один кусок хоть останется.

В который раз мы с Юркой укладываем и упаковываем рюкзаки, проверяем перед выходом карабины: тайга и горы это не парк культуры, всё может случиться. Перед дорогой присели у догорающего костра, выкурили по папироске и задушили костёр, направляясь к тому месту, где скрылся зверь. Валет – умница, уже подждал нас у тальника, скрывшего от нас уходящего лося, только мы подошли, Валет, вильнув хвостом, исчез в кустарнике.

Раздвинув тальники, увидели уходящую в сырой полумрак узкую расщелину, почти напрочь смыкавшуюся наверху с гладкими стенами и ровными плитами под ногами.

– Вот и проход на плато, Игорь, видишь, нам самим бы и не найти, пришлось бы возвращаться, – почему-то шепчет Юрка.

– Не говори, тут и правда, поверишь в злых духов, как мы туда пойдём, жуть одна, – не замечая, шепчу и я.

– Лось-то прошёл, пройдем и мы, вон и Валет ушёл, – уже погромче отвечает Юрик.

– Ну, что ж, пойдём тогда и мы.

Ущелье то полого поднималось вверх, то резко уходило куда-то вниз, и мы скользили по сырým плитам, умудряясь как-то не свалиться в сырой полумрак. Валет то появлялся перед нами, то надолго скрывался в глубине ущелья.

Время тянулось ужасно медленно, да и незнакомая дорога всегда кажется длиннее. Сколько мы плутали, сколько прошли километров?

Рюкзак кажется непосильно тяжёлым, лямки впились в пле-

чи до самых костяшек, усталость подгибает колени, и кажется, если присесть отдохнуть, то больше не подняться.

Из последних сил плетёмся мы по этому чёртову ущелью, куда только прыть делась, с которой мы кинулись в эту авантюру. В который уже раз думаю, что было бы лучше вернуться на Нахор и искать на перевале другой путь. Но, что сделано – то сделано, от чёрных мыслей отвлек меня Юрка.

– Выходим, Игорь, гля, небо появилось, да и проход стал шире, держись, ещё чуть-чуть.

И правда, только что заметил я, лицо овеивает тёплый ветерок, стены ущелья раздались вширь, и как-то светлее стало.

– Скорее бы выбраться, Юрка, ноги еле-еле шевелятся.

– Не унывай, сейчас выйдем, чайку попьём, по папироске искурим, и всё пойдёт путём.

– Путём-то всё путём, да вот куда мы выйдем, куда эта щель приведёт.

– Куда-нибудь да выйдем, осталось всего-то метров двести, смотри, впереди уже вроде и скалы кончаются.

И правда, выбравшись из-за очередной скалы, мы вышли на чистую поляну. Всё та же сочная изумрудная зелень и ещё более неприступные скалы окружают горную котловину.

– Всё, Юрка, перекур, – и падаю в сочную зелень, сил моих больше нет.

– Да, попали из огня да в полымя, – оглядываясь, убеждённо говорит Юрка, снимая и ставя рюкзак рядом с моим, – скалы тут похлеще, чем в том месте. Да ты повалийся пока, а я поищу воду да осмотрюсь, – прихватив карабин, Юрка исчез в тальниках.

Что-то промывав нечленораздельное, я вновь распластался на траве. От дурманящего запаха вереска и накопившей усталости, кажется, я задремал. Очнувшись от треска тальников, из которых выскочил Валет, а затем и появился Юрик.

– Вставай, пошли, – довольный, говорит Юрка, как будто бы и не устал так же, как и я. – Пойдём, есть и вода, и лес, и даже избушка. Пошли, здесь всё рядом.

– Какая избушка? Ты, что очумел, что ли, в такой-то глухомани.

– Пошли, увидишь всё сам. Там и костёр разведём.

Продравшись сквозь узкую полоску кустарников, вышли к чисто лиственному лесу. Сквозь редкие стройные лиственницы проглядывает гладь небольшого озера, где у самой воды приютилась, и правда, настоящая избушка.

– Ух, ты!

И куда только усталость делась, припустил к озеру.

– Подожди, не ходи в избушку, сам зайду, – вслед кричит Юрка.

Затормозил я только у самой избушки. Невелика изба-то и рублена, видать, давно.

– Смотри, Юрик, а окон-то в ней нету, а крыша односкатная, и трава на ней растёт, странно как-то.

– А чё странного, раньше так и строили, – стягивая с крыши хорей, говорит Юрка.

Приоткрыв чуть-чуть дверь, хореем распахивает её настезь.

– Вот, смотри, – и показывает внутри избы установленный самострел.

– А это ещё зачем? Лук и стрела-то с метр длиной, она же пройдёт насквозь.

– Самострел ставят на чужих людей, да нынче их уже и не увидишь, смотри – тетива сопрела, а так бы шархнул, и поми-

най, как звали. Достань-ка, Игорь, фонарик да посмотрим, что за избушка и кто хозяин.

Порывшись в рюкзаке, подаю фонарь Юрке. При свете фонаря рассматриваем странную избу: нары, покрытые оленьими шкурами, стол с замысловатой посудой, два кованых сундука на подставках, да огромный, потемневший от времени, идол, сверкающий зеленоватыми глазами в свете фонаря.

– Юрк, а печки нет и пол земляной, как тут жили?

– А здесь никто и не жил, шаманская изба это, Игорь, запретное это место для народов ханты и манси. Однако Великого Шамана это изба, и дары великому Торуму здесь хранятся, ох, грех, грех здесь быть. Однако, может, Товт-Торум и простит нас: шамана, наверно, давно нет в живых

– О чём это ты, Юрка, почему грех и кто это Торум?

– Ну, Торум – это великий Бог манси, он и живет на небе, а Товт-Торум – то Бог земли и всего живущего на ней, а избушка, наверняка, священная, и озеро это тоже, так говорят старики.

В это же время где-то вдалеке пророкотал гром, нас, как ветром сдуло из избушки на улицу. Из-за гряды чернеющих базальтовых скал выползла чёрная лохматая туча. Вмиг погасло солнце. Всё вокруг оцепенело, замерло.

Казалось, надвигающимся чудовищем управляет какая-то могущественная и неотразимая сила. В холодном дыхании тучи чувствовалась неземная ярость и злоба.

– Видишь, духи гnevаются! – прошептал Юрка, – а ты говоришь, что всё это сказки.

Ещё какое-то мгновение... и яркий нестерпимо голубой мертвенный свет. Ужасающий удар грома. И снова зловещая тишина накрыла котловину. В эти минуты и я готов был поверить в существование какой-то сверхъестественной силы. Туча как будто уплотнилась, собралась в комок и вдруг разорвалась от края до края.

В её тёмном глубоком нутре кишели молнии. Земля вокруг содрогалась от беспорядочного грохота, ему вторили горы, зашелевелись курумники, сыпались камни.

В е с ь

мир потонул в хаосе света, тьмы и беспрестанного грохота...

Потом, как бы растратив всю силу и злость, туча обмякла, рваные бока её провисли, она с каждой секундой теряла свой грозный облик. Пошел дождь. Он с тихим шорохом падал на земляную крышу избушки на ещё зеленые, не тронутые золотом осени ветки лиственниц. Налетевший откуда-то яростный ветер погнал в горы жалкие остатки туч.

Юрка, с лица которого ещё не сошёл страх, ошеломленно смотрел вслед удаляющейся туче, молча, прислушиваясь к отдаленному рокоту грома.

– Всё, в избушку больше ни шагу, действительно, духи её стерегут.

– Вот это гроза, Юрка, я такой и не видел. Пойдём, что ли ночлег устраивать, дождя-то считай, и не было.

– Хорошо только этим всё и кончилось бы, страх один, – взваливая рюкзак, размышляет сам с собой Юрка.

Заночевали на травянистом берегу озера. Ночь была тихая, звездная, с костром из лиственничного сушняка.

Утром я не утерпел и, прихватив фонарик, отправился к виднеющейся вдалеке избушке. Юрка наотрез отказался идти, мол, у него дел и тут навалом.

Избушка встретила меня застоявшимся запахом сопревших шкур, таинственным полумраком и воскресшими легендами прошлого.

Ещё раз пробежался фонариком по нарам, всё вроде бы на месте: так же лежат оленьи шкуры, в углу застыли кованые сундуки, а над ними так же нависает грозный идол сверкая зелёными глазищами.

Но меня, конечно же, больше всего интересует содержимое сундуков, что хранил в них шаман?

Со скрипом и большим трудом поднял тяжеленную крышку ближнего сундука – так... – остатки рассыпавшегося бубна, какие-то кости и разные божки-идолы, маленькие, величиной с ладонь, и крупные, по локоть.

Одни из них искусно вырезаны из дерева, в других с трудом просматриваются очертания человека. Бережно, с опаской, перебираю деревянные фигурки, пока на самом дне сундука не сверкнули, переливаясь всеми цветами радуги, драгоценные и поделочные камни.

Не отшлифованные, в своей первозданной красоте и огранке. Чего тут только не было.

Вот в луче фонарика сверкнул кроваво-красный рубин, а рядом сверкает огромный изумруд, да и не один он здесь, а вон в своей прозрачной голубизне переливаются аквамарин и аметист. Вперемежку лежат и лунный камень, и чистой воды горный хрусталь.

Да чего здесь только нет, и не все-то я камушки и знаю, некоторые, изумительной величины и красоты, вижу в первый раз.

Очумевший, отшатнулся от сундука, перевёл дыхание и, не решившись засунуть в карман хоть один камень, начал аккуратно укладывать все на свои места. Крышка второго сундука поддавалась без особого труда и скрипа.

Этот сундук был доверху набит аккуратно уложенными связками шкурок: куньи-

цы, белки, горноста, соболя; рыжиной отливали шкурки лисы огнёвки и серебром шкуры песцов. Но трогать их я побоялся, наверняка, тронешь и все эти богатства осыпятся пылью.

Стараясь не оставлять следов, всё вернул на свои места, закрыл сундуки, установил самострел и выбрался на свежий воздух, плотно прикрыв дверь избушки. В который раз обошёл её вокруг, да – давненько не ступала нога человека на этот мох, на этот ягельник, всё дышит первозданной чистотой и тишиной.

У костра Юрка возится с радиостанцией, рядом дремлет Валет.

– Садись к костерку, да поешь, что-нибудь, а то, не продав глаза, унёсся в избушку.

– Поесть и правда не мешает, – устраиваюсь рядом возле костра, наливаю чай в кружку, – как, Юрка, связался с базой, – спрашиваю, хотя уверен, что связи, как и в прошлый раз нет.

– Тишина в эфире, как в танке, ну, а ты чего там отыскал? Вкратце рассказываю Юрке о содержимом сундуков, об идеалах, камнях и пушнине.

– Да, видно, старая шаманская изба, духи, однако, охраняют её, а ты случаем чего не прихватил из сундуков?

– Шутить, что ли, там, как будто из всех щелей кто-то подглядывает, жуть одна, оставил все, как было и ходу.

И как будто в ответ на мои слова из-за серых – утёсов глухо пророчал гром, предвестник приближающейся грозы, как последнее предупреждение неведомых сил.

– Всё, начальник, уходим, – взвыл Юрик.

– Куда уходим? Юрка, вокруг одни скалы, назад и то дорога закрыта.

– Пока ты был в избушке, я успел обойти вокруг озера и, вроде, нашёл тропу, вон, видишь, тот распадок?

– Ну, вижу.

– Там есть тропа, туда и сматываться пока не поздно.

Второпях, наспех, похватав свои нехитрые пожитки, окликнув Валета, мы устремились к спасительному распадку. За спиной угрожающе грохотало враз потемневшее небо.

Валет, не раздумывая, устремился к знакомому распадку, мы, не отставая ни на шаг, неслись вслед за ним. Тропы-то вовсе и не было, так, едва заметные отпечатки лосиных копыт на мху среди хаоса камней.

И как это пёс умудряется находить дорогу в лабиринтах скал и обрывов, но времени на размышления нет. Не чувствуя тяжести рюкзаков и болтающихся карабинов мы, как одержимые, карабкались по осыпям курумов и скал всё выше и выше к перевалу. Не знаю уж, сколько пролетело времени, но, отдуваясь и пытаясь, мы выбрались на вершину. За спиной грохотала гроза, иссиня ярко-белыми жгутами хлестали, метаясь среди свинцово-серых туч, молнии. Раскат грома без перерыва сотрясали землю, казалось даже, что скалы начинают шевелиться.

А впереди, в низине, как ни в чём не бывало, ярко светит солнце, и блестит голубая ленточка Иоутыньи – речушки так похожей на Нахор.

– Всё, вымотался, как чёрт, сил нет, – пробормотал Юрка. И, не снимая рюкзака, завалился на яркую зелень брусничника.

Я всё же набрался сил – снял рюкзак, пристроил карабин и растянулся среди дурманящих трав вереска, багульника, нещадно давя бордовые грозди брусничника, среди белого ягеля.

– Еле ноги унесли, вот это гроза!

– А ты, Игорёха, говоришь – духов нет, есть и злые, а есть и добрые, видишь, помогли они нам выбраться, не только убе-

жать от непогоды, вообще, остаться в живых, да и собаке спасибо. Не Валет, как бы вышли, не знаю.

Немного отдышавшись, спустились к реке. Как я уже и говорил – Иоутынья похожа на Нахор в самом верховье. Такая же узенькая, шустрая и говорливая речушка. Долина Иоутыньи, правда, более широкая, покрытая зелёной травкой, мелким сосняком, ёлками да лиственницей. Место для табора присмотрели на небольшой полянке, укрытой со всех сторон от ветра зарослями тонких сосёнок.

Пока я возился с радиостанцией, распутывал и забрасывал антенну, Юрка надрубил с десяток сосёнок, аккуратно пригнул и увязал на поперечине, на высоте около 1,5 метров, и получился вполне симпатичный односкатный навес.

– Это – колпал называется по-хантейски, – объясняет Юрка, – бывает, охотники проводят целые зимние месяцы под шатками крышами, пока обустроят охотничьи избушки. А пока помоги-ка, Игорь, вот целлофан натянем и свободен.

– Так, Юрка, надо же ведь весь рюкзак вытряхивать, в самом низу же, вот незадача.

– Ладно, ладно, заодно и продуктики посмотрим, что осталось. Аккуратно выкладываю содержимое своего рюкзака на траву, рядом освобождает свой сидор и Юрка. Критически оглядываем свои запасы.

– Да, – вздыхает Юрка, – недели на полторы хватит, а потом ягоды будем хавать.

– Ягоды, не ягоды, может, домой доберёмся, давай лучше тент набросим.

Толстый полиэтиленовый тент пришёлся аккурат по размеру Юркиного колпала.

– Ты, прям, как по чертежу строил, тютельница в тютельница.

– Углы, давай, хорошенько закрепляй, да камнями низ придавим, иначе ветроган дунет – унесёт всё к чёрту.

– Сам доделывай, а я попробую в эфир выйти, может, на базе нас и услышат.

Как ни странно, база отозвалась сразу же, через минуту подошёл и Бакулев – и началось. Где пропали? Почему нет на связи? И все, почему и где.

Кое-как отрапартовался, объяснил, что и как.

– Так вот, Игорь, хорошо, что у вас всё в порядке. Имей в виду, время у тебя неделя, ни дня больше. Пройдёте Паснер и выходите через Лопсино на Усть-Манью, ты там был, объяснить тебе не нужно. Партию Севостьянова вывезли, там никого нет, так что туда смысла нет выходить. И ещё с авиацией сейчас туго, лимит вылетали и вертолётов не будет, только санрейсы, так что рассчитывайте только на себя. Прогноз погоды неблагоприятный, короче – зима не за горами. Потому неделя и ни дня больше – понятно?

– Да, всё понятно, Юрий Петрович, всё, до связи.

– Игорь, утром, как штык, быть в связи.

– Всё понял, до свидания, до связи.

– Вот так, Юрик, засиживаться нам здесь не придётся. Завтра, если погода даст, уходим через Паснер на Лопсино.

– Привет, на Лопсино, это же возвращаться назад, да таким круголём. Лучше уж на Няйс, во всяком случае, намного ближе.

– Ближе, Юра, то оно ближе, только на Няйс бесполезно идти, там уже никого нет, вывезли партию Севостьянова в Саранпауль, закончили они полевой сезон, а нам ещё топтать и топтать, и похолодает скоро – зима на носу.

– Вот это уже интереснее. Давай тогда костерок палить, да чайку похлебаем.

Как говорится, чай пить – не дрова рубить, кто за водой, кто по дрова, так, что через полчаса попили с Юркой чаю, Валет погрыз сухарик, и мирно растянулись у костерка, кто где, лишь бы подальше от дыма и искр костра.

Пока спускались к реке, обустраивали стоянку, то, да сё и день прошёл. Солнце незаметно закатилось за вершины Паснера. Сумерками укутало и без того мрачные и серые базальтовые скалы с виду неприступного хребта.

Юрка безмятежно посапывает у костерка, подстелив под себя штормовку, ему-то что, он привыкший – это его жизнь: тайга, костры. А у меня в голове полный беспорядок, бардак, можно сказать. Взять хотя бы, то же озеро среди базальтовых скал, ну откуда там золото? Притом, крупные самородки с ладонь величиной, да там их столько, что и не счесть. Может быть приношения вогульским Богам? Ну, просто в таких породах золота не бывает. Никогда в жизни я о таком не слышал. Да и кокой-то странный проход между озёрами, вот он был, и нету. А если бы мы в это время были в ущелье, нас бы просто расплющило и следов не осталось.

Утром началось наше возвращение в населенку... домой до базы. Через перевалы, поля курумников, переправляясь через шустрые горные ручьи... мы через три дня были на берегу реки Манья. День строили деревянный плот. Сплав занял еще три дня. Причалили вечером к поселку Усть-Манья, а на следующий день по расписанию – борт (АН-24) до базы.

Самолёт прилетел довольно рано, и к обеду мы уже были на месте. Юрка с порта умотал домой, а я отправился к себе в общагу, гонять тараканов, да убирать пыль, слежавшуюся за лето. Не успел миновать контору, как чёрт из табакерки, появилась Манюня – Мария Ивановна, секретарша Бакулева.

– Игорь, вот, кстати, тебя встретила. В три у вас приёмка, в вашей партии, так что будь добр, пояись.

– Здравсте, Марь Ивана, обязательно буду.

Ну, надо же, как некстати попался я на глаза секретарше. Приёмка – это приёмка полевых материалов, что наработали геологи за полевой сезон, за всё лето. Каждый отчитывается перед грозной комиссией за свой участок работ.

Приёмка – это серьёзно и к ней готовятся загодя. Красиво нарисованные геологические карты, разрезы и профили. Под-

считанные пройденные километры и отобранные пробы, а главные результаты – новые месторождения и находки ценных руд.

А у меня ничего нет, и я совершенно не готов предстать перед дремучими корифеями-геологами. Как ни крути, кое-как отмывшись и переодевшись, слегка опоздав, я появился в актовом зале, где шла приёмка полевых материалов.

Везде на стенах висели геологические карты, столы сплошь завалены разрезами и схемами вокруг которых крутился Тарасов, во главе комиссии из ведущих специалистов восседал угрюмый Бакулев.

Приёмка шла своим чередом, все по очереди выходили к трибуне отчитывались и отвечали на каверзные вопросы комиссии. Я-то надеялся отсидеться за спинами товарищей, но не тут-то было, зоркий глаз Бакулева мигом меня узрел и под конец заседания меня вытащили к трибуне.

Я что-то пытался им складно объяснить, но члены комиссии хмуρο на меня поглядывали и похоже мало чему верили.

И только когда я выложил на стол перед их носами три самородка золота размером с ладонь, до них что-то дошло. Враз все соскочили со своих мест, и давай шупать и чуть ли не пробовать на зуб, настоящие ли это самородки. Находок такого золота в экспедиции ещё не было. Мелкое золото-то было, и артели работают, но самые крупные самородочки не более ногтя, а здесь такие лепёшки.

После моего выступления и переполоха среди членов комиссии, главный геолог подвёл итоги полевого сезона для нашей партии. А в заключении заявил, что на будущий год, целый поисковый отряд будет отправлен на Яныкботнер и Паснер.

Целую неделю вся наша партия шуршала топокартами, и просматривались все аэрофотоснимки района хребтов Паснера и Яныкботнера, но всё тщетно, нигде мы не нашли озёр, где мы ночевали, и избушку шамана, и другое озеро, где всё дно усеяно, как небо звёздами, золотом.

P.S. Прошёл год. Вернулись два поисковых отряда, которые должны были пройти по нашим следам и обследовать озёра. Прошли они по обоим хребтам и вдоль, и поперёк, но таинственных озёр так и не нашли.

И лишь, как доказательство их существования, в сейфе у Бакулева хранятся три самородка золота, размером с ладонь.

Фотографии предоставлены Мариной Гусевой, Ольгой Кольчуриной, Павлом Серебренниковым, Михаилом Поморцевым.

Уральские горы, известные во всем мире как граница Европы и Азии, в обычном представлении простираются от Южного Урала на границе с Казахстаном до берега Карского моря. Ученые давно уже установили, что геологически и орографически с Уралом схожи казахстанские горы Мугоджары на юге и остров Вайгач и острова Новой Земли на севере, что позволило объединить их в единую систему - Уральскую горную страну.

В Мугоджарах и на Новой Земле лесов практически нет, хотя и встречаются отдельные виды - карликовые и мелколесные. Но большая часть Урала принадлежит к лесной зоне.

Особенностью уральских лесов является то, что они расположены по разные стороны Уральского хребта, которые отличаются друг от друга и климатом, и разным геологическим строением и, естественно, другим составом почв. Еще Татищев В.Н. отмечал, что «... на западной стороне около 57 градуса находятся дубы и арешник, а в Сибири ни под 50-м градусом оных ... деревьев нет».

Учитывая огромную протяженность уральских гор - более 2000 км, состав лесных массивов меняется не только с запада на восток, но и с юга на север, образуя несколько растительных зон от степной до тундровой, а горы добавляют к этому еще и высотные пояса.

Леса Урала состоят в основном из хвойных пород: темнохвойных - ель, пихта, кедр, светлохвойных - сосна, лиственница, мелколиственных - береза, осина и широколиственных - липа, клен и дуб.

На состав лесов Урала безусловно большое влияние оказывали такие глобальные изменения климата, как великие оледенения, но за последние столетия основное влияние на них имел человек. Рубка леса для развития промышленности, особенно металлургической, для сельского хозяйства и других отраслей, учитывая слабое восстановление его, не только уменьшила площади лесных массивов, но и сильно изменила их состав.

И, тем не менее, лес на сегодня является одним из главных достояний не только Урала, но и всей страны. Кроме материальных ценностей он приносит людям радость общения с ним, бодрость, здоровье.

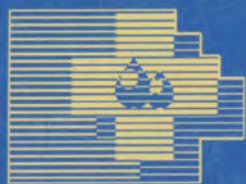
Евгений Савенко
Фото автора

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР